УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ БЕЛАРУСИ
«МЕЖДУНАРОДНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ «МИТСО»

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

**МАТЕРИАЛЫ
СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ**

(Минск, 23 мая 2024 года)

Минск
Международный университет «МИТСО»
2024

УДК 67.91
ББК 67.412.
М43

Рекомендовано к изданию
Научно-методическим советом
Международного университета «МИТСО»
(протокол от 01.07.2024 № 12)

Редакционная коллегия:
кандидат технических наук, доцент, ректор
Международного университета «МИТСО» *В. М. Поздняков*;
кандидат юридических наук, профессор кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *О. М. Старовойтов*;
старший преподаватель кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *М. Ю. Макарова*

под общей редакцией ректора Международного университета «МИТСО» *В. М. Позднякова*

Рецензенты:
доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления
Белорусского государственного университета *О. Н. Толочко*;
кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права
Международного университета «МИТСО» *В. Н. Вежновец*

М43 **Международное гуманитарное право: современные проблемы и перспективы развития** : материалы студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием, Минск, 23 мая 2024 г. / Междунар. ун-т «МИТСО» ; редкол.: В. М. Поздняков, О. М. Старовойтов, М. Ю. Макарова ; под общ. ред. В. М. Позднякова. – Минск : Междунар. ун-т «МИТСО», 2024. – 116 с.

ISBN 978-985-497-434-7

В настоящий сборник вошли работы студентов и школьников, выполненные в рамках комплекса мероприятий по международно-правовой тематике, проведенных кафедрой международного права Международного университета «МИТСО» в 2024 году при поддержке Национального центра правовой информации Республики Беларусь. Это работы победителей конкурсов на лучшее эссе среди студентов вузов и выпускников школ, гимназий, колледжей, а также доклады студентов-участников научно-практической конференции с международным участием «Международное гуманитарное право: современные проблемы и перспективы развития». Предназначен для школьников старших классов, студентов и магистрантов, а также всех интересующихся международно-правовой тематикой.

Материалы публикуются в авторской редакции. Ответственность за достоверность информации, приведенных фактов и сведений несут авторы.

Научное электронное издание

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

материалы студ. науч.-практ. конф. с междунар. участием

Ответственный за выпуск *М. Ю. Макарова*
Подготовка оригинал-макета *Н. И. Рудович*

Минимальные системные требования:
браузеры Google Chrome, Mozilla Firefox (32- и 64-разрядная версия) и др.;
скорость подключения к информ.-коммуникат. сетям 1 Мбит/с;
доп. настройки к браузеру не требуются.

Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО».
Ул. Казинца, 21-3, 220099, Минск.
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий от 02.09.2014 № 1/423.

УДК 67.91
ББК 67.412.1

ISBN 978-985-497-434-7

© Коллектив авторов, 2024
© Международный университет
«МИТСО», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Кудашов Д. Ю., научный руководитель Филатова В. В. ПРОБЛЕМЫ ОБОСНОВАННОСТИ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА	5
Лобачевская Е. В., научный руководитель Мазаник Е. Н. ПРЕСТУПЛЕНИЕ «ГЕНОЦИД»: ОТ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА ДО НАШИХ ДНЕЙ	12
Ляцкая К. А., научный руководитель Шумейко А. В. НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС В ГЛАЗАХ ХУДОЖНИКА	17
Морозова С. А., научный руководитель Никитина А. А. СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА.....	22
Нехай Р. Г., научный руководитель Толочко О. Н. ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ.....	27
Орда Д. М., научный руководитель Колоцей М. Я. НЮРНБЕРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ: ТОРЖЕСТВО ПРАВА НАД ЗЛОМ.....	34
Санталова А. В., научный руководитель Русинова В. Н. МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО ПЕРЕД ЛИЦОМ IT-АРМИИ.....	40
Соколова В. И., научный руководитель Макарова М. Ю. НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО	47
Сулковский Н. П., научный руководитель Мазаник Е. Н. ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА.....	53
Чернышев В. А., Кона К. В., научный руководитель Атрушкевич М. М. НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ, ЗНАЧИМОСТЬ И АКТУАЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ.....	59
Швед Б. П., научный руководитель Мазаник Е. Н. МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ГИБРИДНЫХ ВОЙН: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	66
Шкороедов Д. В. ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА.....	73
ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА НА ЛУЧШЕЕ ЭССЕ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ «1000 слов о геноциде белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» / «1000 слов о героизме белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» (посвященного 80-летию со дня освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков).....	79

Трухан Яўгенія Пятроўна, кіраўнік Магілявец Алена Іваноўна 1000 СЛОЎ ПРА ГЕРАІЗМ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ (ДЫПЛОМ І СТУПЕНІ (ГРАН-ПРЫ)).....	79
Каспярэц Вераніка Анатольеўна, кіраўнік Скуба Антаніна Аляксандраўна ТЫСЯЧА СЛОЎ АБ ГЕРАІЗМЕ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ (ДЫПЛОМ І СТУПЕНІ)	83
Садоўскі Радзівон Алегавіч, кіраўнік Рубніковіч Зоя Мацвееўна ГЕНАЦЫД НАСЕЛЬНІЦТВА НА ГЛЫБОЧЧЫНЕ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ (ДЫПЛОМ ІІ СТУПЕНІ).....	86
Свистун Ксенія Александровна, кіраўнік Терменева Людмила Анатольевна НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ, ИЛИ 1000 СЛОВ О ГЕНОЦИДЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (ДИПЛОМ ІІІ СТЕПЕНИ).....	89
ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА НА ЛУЧШЕЕ ЭССЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ	92
Прокурат Денис Витальевич, научный руководитель Мазаник Екатерина Николаевна ОТ ЧЕЛОВЕКА К МАШИНЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ В ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ (ДИПЛОМ І СТЕПЕНИ)	92
Нехай Роман Геннадьевич, научный руководитель Толочко Ольга Николаевна РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ (ДИПЛОМ ІІ СТЕПЕНИ)	97
Raximova Nozima, academic advisor Avezova Rohila PROBLEMS OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW (ДИПЛОМ ІІ СТЕПЕНИ)	102
Беловежа Елизавета Викторовна, научный руководитель Коваль Ирина Ивановна МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И УНИКАЛЬНАЯ РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА (ДИПЛОМ ІІІ СТЕПЕНИ)	104
Володин Даниил Дмитриевич, научный руководитель Бисултанов Асланбек Камаудиевич ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА (ДИПЛОМ ІІІ СТЕПЕНИ).....	108
Эргашова Вазира Облокуловна, научный руководитель Тиллабоев Шохрухбек Мирзатиллаевич НЕДОСТАТОЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА (ДИПЛОМ ІІІ СТЕПЕНИ).....	113

ПРОБЛЕМЫ ОБОСНОВАННОСТИ ГУМАНИТАРНОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА

THE PROBLEMS OF THE VALIDITY OF HUMANITARIAN INTERVENTION IN THE CONTEXT OF ARMED CONFLICT

Кудашов Д. Ю.

Россия, г. Москва,
РАНХиГС,
студент 2-го курса юридического
факультета имени М. М. Сперанского

Научный руководитель

Филатова В. В.

Россия, г. Москва,
РАНХиГС,
доцент кафедры
международного и интеграционного права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: Данная статья посвящена вопросам правового обоснования интервенции в другие государства в гуманитарных целях. Проведен анализ основных аргументов, обосновывающих гуманитарную интервенцию, описана позиция противников права на гуманитарную интервенцию.

Ключевые слова: права человека, международное право, гуманитарная интервенция, принцип невмешательства, применение силы.

Annotation: This article is devoted to the legal justification of intervention in other States for humanitarian purposes. The analysis of the main arguments justifying humanitarian intervention is carried out, the position of opponents of the right to humanitarian intervention is described.

Keywords: human rights, international law, humanitarian intervention, the principle of non-interference, the use of force.

Неоспоримым является факт увеличения числа религиозных, межэтнических и политических конфликтов в конце прошлого – начале нынешнего столетия в десятках регионов мира. Вооруженное противостояние за-

частую ведет к чрезмерным жертвам, нарушениям не только международного гуманитарного права, но и естественных прав человека, провозглашенных Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. Отсюда закономерное стремление государств предотвратить такие негуманные проявления вооруженной борьбы путем гуманитарной, миротворческой миссии. Еще Гуго Гроций в своем знаменитом трактате высказывался о моральной обязанности помогать союзникам в условиях «справедливой» войны, а также подданным другого государства в случае «явного беззакония» по отношению к ним [1, с. 561–562]. До принятия Устава Организации Объединенных Наций помощь уязвимым социальным группам являлась популярным предложением, обосновывающим практику вторжения государств в границы других стран [2, с. 339–340], однако новый этап развития международного права отличается закреплением основных принципов международного права в международных документах, среди которых принцип невмешательства во внутренние дела и воздержания от угрозы силой или применения силы против территориальной неприкосновенности и политической независимости других государств. В этом контексте возникает вопрос оправданности и обоснованности гуманитарной интервенции в условиях вооруженных конфликтов.

Под гуманитарной интервенцией понимается использование силы в целях остановить или сопротивляться массовому нарушению фундаментальных прав человека в другом государстве, проводимое вторгающимся государством без выданного на это разрешения компетентной международной организацией [3].

Существуют две доктрины, касающиеся обоснованности гуманитарной интервенции. Первая: приверженность позитивному международному праву, нормы которого в основном закреплены в Уставе Организации Объединенных Наций и прямо обязывают государства взаимно уважать суверенитет друг друга и воздерживаться от применения силы. Вторая доктрина выступает в защиту права на гуманитарную интервенцию и происходит из толкования положений Устава ООН, а также норм обычного международного права [4, с. 64].

Статья 2 Устава ООН закрепляет основные принципы деятельности Организации. Особое внимание в контексте данного исследования стоит уделить п. 4 ст. 2 Устава: «Все Члены Организации Объединенных Наций воздерживаются... от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций», а также п. 7 той же статьи: «...Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять

такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII». Глава VII Устава ООН уполномочивает Совет Безопасности ООН на принятие мер в случаях, угрожающих международной безопасности. Внимание следует уделить ст. 39, предоставляющей исключительное право Совету Безопасности на определение существования угрозы миру и на принятие мер, восстанавливающих мировой порядок. Генеральная Ассамблея ООН в своей резолюции 36/103 [5] развила и конкретизировала положения ст. 2 Устава о запрете применения силы в отношениях между государствами. Принципы невмешательства и запрета угрозы или применения силы в отношениях между государствами также поддерживаются решениями Международного Суда ООН. «Запрет на применение силы находится в ст. 2 (4), а также в нормах международного обычного права» – заключает Международный Суд [6].

Несмотря на всеобщее принятие Устава ООН, признание авторитетности резолюций Генеральной Ассамблеи и практики Международного Суда ООН, возникает вопрос о сохранении принципа невмешательства в дела государства и запрета угрозы силой в условиях современных международных отношений. «...может ли суверенитет, эта важнейшая составляющая эпохи национальных государств и самой Организации Объединенных Наций, неправомерно использоваться в качестве прикрытия, за которым можно безнаказанно совершать массовое насилие в отношении населения?» – задается вопросом Генеральный Секретарь ООН в своем докладе [7, с. 6]. На практике некоторые государства намерены незамедлительно использовать вооруженную силу, если речь идет о защите прав человека, нарушении гуманитарного права. Примером может служить вторжение США в Панаму в 1988 году под предлогом «защиты жизни» своих граждан [8, с. 324]. Сторонники права на гуманитарную интервенцию ссылаются на положение п. 4 ст. 2 Устава ООН, который гласит: государства должны воздерживаться от применения силы против территориальной целостности «...так и каким-либо другим образом, несовместимым с Целями Объединенных Наций». Соответственно применение силы возможно в случаях и способами «совместимыми» с целями ООН [9, с. 150], а именно «...Осуществлять международное сотрудничество в разрешении международных проблем ...и в поощрении и развитии уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка, религии...». Иным аргументом в пользу концепции «ограниченного» суверенитета государств служит всеобщее одобрение и практика применения государствами международных документов, провозглашающих универсальные права и свободы человека. Пункт 8 Хельсинского Заключительного Акта 1992 г. извлекает из исключительного суверенитета государств вопрос защиты «...прав человека, основных свобод и содействие их осуществлению...» [10]. Таким образом, по

мнению сторонников гуманитарной интервенции, нарушение универсальных прав человека может быть основанием нарушения суверенитета государства, в котором такие нарушения происходят согласно целям ООН и документам, провозглашающим универсальные права человека.

Серьезным основанием гуманитарной интервенции на сегодняшний день также служит порядок принятия решений Советом Безопасности консенсусом постоянных членов. Военная операция НАТО, являющееся неоправданной гуманитарной интервенцией, в 1999 году была проведена вне всякого одобрения и санкционирования Советом Безопасности ООН. Очевидно, что члены НАТО намеренно действовали в обход Совета Безопасности из-за позиции России, которая отказывалась от насильственных действий против Сербии [11, с. 47]. Реакция Совета Безопасности зачастую занимает большое количество времени, учитывая то, что возможны разногласия между постоянными членами, возникают сомнения в эффективности поддержания мира и безопасности через мандат Совета Безопасности ООН. Именно поэтому интервенция оправдывается неотложностью принятия мер ради блага бедствующего населения [12, с. 102]. Кроме положений главы VII, определяющей мандат Совета Безопасности на применение вооруженных сил, еще одним исключением из запрета на применение силы является право на индивидуальную или коллективную самооборону, предоставленное государствам ст. 51 Устава ООН. Право на самооборону можно отнести к защите универсальных прав и свобод человека, ведь зачастую государства, предпринимающие попытку интервенции, защищают именно своих граждан от угрозы их правам и свободам.

В некоторых случаях гуманитарная интервенция может носить иной характер: в условиях вооруженного конфликта, когда народ, борющийся за независимость, сам запросил помощь от иного государства. Генеральная Ассамблея в резолюции 3314 «Определение агрессии» в ст. 7 признала право «искать и получать помощь» народными движениями, сражающимися за своими интересы и права. По мнению многих ученых, возможность апеллировать к нарушению суверенитета государства отсутствует при таких обстоятельствах, как и в случае, когда право на такую интервенцию было выдано международным сообществом в целом в лице Совета Безопасности ООН. Таким образом, виды согласия или волеизъявления превалируют над концепцией гуманитарной интервенции: первый вид – одобрение гуманитарной интервенции самим государством или народом, борющимся за независимость; второй вид – принятие решения на межгосударственном уровне Организацией Объединенных Наций [13, с. 120].

Несмотря на явное противоречие позитивному международному праву, право на гуманитарную интервенцию оценивается учеными как *lege ferenda*. На основании этого предположения в доктрине был разработан

ряд критериев, выполнение которых дает государствам право на применение силы без решения на это Совета Безопасности или согласия государства, в котором планируется гуманитарная интервенция. Данные критерии широко освещаются в работах многих авторов и принимаются некоторыми государствами как исключение из запрета на применение силы. Эти критерии включают в себя:

1) существование гуманитарной «катастрофы», «трагедии», «необходимости», понимаемые как массовые серьезные нарушения прав человека;

2) невозможность или нежелание территориального государства реагировать или исправлять ситуацию;

3) исчерпание всех возможных способов мирного урегулирования конфликта;

4) принятие ограничений на применение силы исключительно в гуманитарных целях, уважая принцип пропорциональности. Однако данные критерии игнорируют ключевой аспект такого подхода: кто будет оценивать их выполнение в каждом конкретном случае [14].

Таким образом, приведенные аргументы являются наиболее популярными как в работах ученых, так и в риторике государств, оправдывающих свое военное вторжение в другие страны. Сторонники права на гуманитарную интервенцию настаивают на том, что современная деятельность ООН устарела и требуются новые подходы к пониманию способов защиты прав человека. Однако еще в 1950 году Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию «Объединение ради мира», в которой устанавливается порядок принятия решений Организацией Объединенных Наций в случае «отсутствия единодушия» и «невозможности исполнить свои основные обязанности» Советом Безопасности. Генеральная Ассамблея должна рассматривать ситуацию немедленно с целью дать необходимые рекомендации членам ООН в осуществлении мер коллективной безопасности [14]. Поэтому оправдание вторжения «неэффективностью» Совета Безопасности неприемлемо. Защита прав своих граждан или предотвращение массовых нарушений международного гуманитарного права также критикуется сторонниками позитивного международного права. Международный Суд ООН в деле о канале Корфу в ответ на объяснения Великобритании о правомерности применения силы в отношении Албании назвал вторжение Великобритании: «...проявление политики применения силы» [15]. Также Международный Суд в деле «Никарагуа против Соединенных Штатов Америки» обозначил: «...применение силы не может быть подходящим методом для мониторинга или обеспечения... уважения» прав человека [6]. Наконец, на практике концепция гуманитарной интервенции зачастую используется для прикрытия собственного интереса вторгающегося государства, а результаты подобной военной «помощи» являются сомнительными. Например, военная опера-

ция НАТО на территории бывшей Югославии не принесла никакой гуманитарной помощи, а наоборот, повлекла еще большие потери среди населения [12, с. 103].

Исходя из вышеприведенных положений, практики Международного Суда ООН можно сделать вывод о том, что гуманитарная интервенция не соответствует принципам Устава ООН. Аргументы в обоснование права на гуманитарную интервенцию происходят из слишком широкого толкования положений Устава ООН, а обращение к неэффективности работы Совета Безопасности ООН лишены практического подтверждения. Кроме того, концепция гуманитарной интервенции может использоваться для маскировки корыстных целей того или иного государства при вторжении в вооруженный конфликт, что зачастую ведет не к прекращению нарушения международного гуманитарного права, а к эскалации конфликта. Безусловно право на защиту населения другого государства собственными войсками имеет место быть, однако необходимо первоначальное обсуждение на международном уровне и закрепление этого права в международных документах. В отсутствие конкретных норм международного права гуманитарная интервенция будет оставаться примером неприемлемой трактовки Устава Организации Объединенных Наций.

Список цитированных источников

1. Гроций, Г. О праве войны и мира : репринт с изд. 1956 г. / Г. Гроций. – М. : Ладомир, 1994. – 868 с.
2. Brownlie, I. Humanitarian Intervention, in law and civil war in the modern world / I. Brownlie ; in J. N. Moore [ed.]. – John Hopkins University Press, 1971. – 667 p.
3. Kolb, R. Note on humanitarian intervention [Electronic resource] / R. Kolb // International committee of the Red Cross. – Mode of access: https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/other/irrc_849_kolb.pdf. – Date of access: 22.03.2024.
4. Шайымбетова, Ж. К. Концепция гуманитарной интервенции и действующее международное право / Ж. К. Шайымбетова // Московский журнал международного права. – 2009. – № 3 (75). – С. 62–78.
5. Декларация о недопустимости интервенции и вмешательства во внутренние дела государств [Электронный ресурс] : [принята резолюцией 36/103 Генер. Ассамблеи от 09.12.1981]. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/internal_affairs_decl.shtml. – Дата доступа: 23.04.2024.
6. Military and Paramilitary Activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America) [Electronic resource] : [Summary of the Judgment of 27 June 1986] // International court of justice. – Mode of access: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/6505.pdf>. – Date of access: 22.03.2024.
7. Выполнение обязанности защищать [Электронный ресурс] // доклад Генер. секретаря ООН. – Режим доступа: <http://daccess-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/N09/206/12/PDF/N0920612.pdf?OpenElement>. – Дата доступа: 22.03.2024.

8. Вопросы, касающиеся положения в Панаме [Электронный ресурс] : справочник по практике Совета Безопасности. Дополнение за 1989–1992 годы // ООН. Офиц. сайт. – Режим доступа: http://securitycouncil/sites/www.un.org.securitycouncil/files/89-92_08_panama.pdf. – Дата доступа: 22.03.2024.

9. Логинов, А. В. Гуманитарная интервенция: между суверенитетом государства и правами человека / А. В. Логинов, М. А. Лихачев // Известия Урал. федер. ун-та. Сер. 3, Общественные науки. – 2019. – Т. 14, № 3 (191). – С. 148–160.

10. Декларация хельсинкской встречи на высшем уровне [Электронный ресурс] : [принята 10.07.1992] // OSCE. – Режим доступа: <https://www.osce.org/files/f/documents/8/0/39534.pdf>. – Дата доступа: 22.03.2024.

11. Рожкова, Л. В. Гуманитарная интервенция в мировой политике / Л. В. Рожкова, Д. И. Колодяжная // Вестн. Пензенск. гос. ун-та. – 2018. – № 1 (21). – С. 45–49.

12. Тарасова, Л. Н. К дискуссии о правомерности гуманитарной интервенции [Электронный ресурс] / Л. Н. Тарасова // Legal Concept. – 2011. – №5-14 // Киберленинка. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-diskussii-o-pravomernosti-gumanitarnoy-interventsii>. – Дата доступа: 22.03.2024.

13. Lowe, V. Humanitarian intervention [Electronic resource] / V. Lowe, A. Tzanakopoulos // Max Planck Encyclopedia of Public International Law // Essay Zeus. – Mode of access: <https://www.essayzeus.com/2019/12/a-new-exception-allowing-forcible-unilateral-humanitarian-intervention/>. – Date of access: 22.03.2024.

14. UN General Assembly, Uniting for peace, A/RES/377, UN General Assembly, 3 November 1950 [Electronic resource] // UNHCR. – Mode of access: <https://www.refworld.org/legal/resolution/unga/1950/en/7730>. – Date of access: 22.03.2024.

15. Corfu Channel (United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland v. Albania) [Electronic resource] / Summary of the Judgment of 9 April 1949 // International court of justice. – Mode of access: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/1/1647.pdf>. – Date of access: 22.03.2024.

Kudashov D. Y., Russia, Moscow, RANEPА, Law faculty; Academic advisor: Filatova V. V., Russia, Moscow, RANEPА, Associate Professor of the Department of international and integration law, candidate of law, associate professor.

ПРЕСТУПЛЕНИЕ «ГЕНОЦИД»: ОТ НЮРНБЕРГСКОГО ПРОЦЕССА ДО НАШИХ ДНЕЙ

THE CRIME OF «GENOCIDE»: FROM THE NUREMBERG TRIALS TO THE PRESENT TIME

Лобачевская Е. В.

г. Минск,
Белорусский государственный
экономический университет,
студентка 2-го курса факультета права

Научный руководитель

Мазаник Е. Н.

г. Минск,
Белорусский государственный экономический университет,
доцент кафедры международного экономического права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: В работе дан подробный анализ исторической роли Нюрнбергского процесса в становлении и развитии международно-правовых норм о геноциде.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, геноцид, Организация Объединенных наций, геноцид белорусского народа.

Abstract: The article provides a detailed analysis of the historical role of the Nuremberg trials in the formation and development of international legal norms on genocide.

Keywords: Nuremberg trials, genocide, United Nations, genocide of the Belarusian people.

20 октября 1945 г. ровно в 10:00 в немецком городе Нюрнберг открылся самый знаковый судебный процесс в истории человечества. На нем судили 24 главных нацистских преступников Второй мировой войны. В Нюрнбергском процессе приняли участие 23 государства. Особую роль сыграли так называемые страны-победительницы: СССР, США, Франция и Великобритания [1, с. 5].

Стоит так же подчеркнуть и то, что именно Советский Союз первым выдвинул идею создания Международного военного трибунала. В ноте

Народного Комиссариата Иностранных дел (НКВД) от 14 октября 1942 г. говорилось: «Советское правительство считает необходимым безотлагательное предание суду специального международного трибунала и наказание по всей строгости уголовного закона любого из главарей фашистской Германии, оказавшихся уже в процессе войны в руках властей государств, борющихся против гитлеровской Германии» [2, с. 75].

Даже несмотря на то, что в литературе можно встретить и критику Нюрнбергского процесса, многие юристы называют его вехой в развитии международного права. Как отметил Валерий Зорькин, доктор юридических наук, профессор, председатель Конституционного Суда России, «...в исторической ретроспективе Нюрнберг стоит в одном ряду с Ялтой, Потсдамом и созданием ООН. Это звенья одной цепи, которая, будучи выкована в горниле мировой войны, вот уже 70 лет оберегает мир от роковых катастроф» [3].

Нюрнбергский процесс действительно дал человечеству многое. Именно он заложил основу для формирования международных военных трибуналов и сформировал принципы, которыми международное право руководствуется до сих пор.

Суд Народов, так еще в литературе называют Нюрнбергский процесс, сыграл немаловажную роль и в кодификации новых преступлений. Именно он положил начало формированию международно-правовых норм о геноциде – преступлении, которое долгое время оставалось безымянным.

Удивительно то, что история человечества – это сплошная череда войн и истреблений одних народов другими, однако до второй трети XX века термина «геноцид» вообще не существовало. Лишь в 1933 году польский юрист Рафаэль Лемкин на 5-й Конференции унификации международного уголовного законодательства в Мадриде, призывая Лигу Наций создать международную конвенцию для предупреждения военных преступлений, впервые использовал слово «геноцид», образованное путем соединения греческого «genos» («род») и латинского «caedo» («убиваю») [4, с. 18]. С этого момента еще целых 15 лет вопрос о геноциде в мировом сообществе не поднимался.

Впервые в юридическом смысле термин «геноцид» был употреблен именно на Нюрнбергском процессе. В обвинительном заключении Нюрнбергского трибунала отмечалось, что обвиняемые: «...осуществляли намеренный и систематический геноцид, то есть истребление расовых и национальных групп, истребление гражданского населения части оккупированных территорий с целью уничтожения определенных народов и классов, определенных национальных, этнических и религиозных групп, особенно евреев, поляков и цыган, а также других...» [4, с. 19].

9 декабря 1948 г., уже после Нюрнбергского процесса, Генеральной ассамблеей ООН была принята Конвенция о предупреждении преступления

геноцида и наказания за него. Этот нормативный правовой акт был ратифицирован большинством стран мира. Невозможно отрицать тот факт, что именно Нюрнбергский процесс способствовал тому, что такая Конвенция вообще появилась.

В соответствии со ст. 2 данной Конвенции, под геноцидом понимаются действия, совершающиеся с целью полного или частичного уничтожения какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой: 1) убийство членов такой группы; 2) причинение серьезного телесного или умственного расстройства членам какой-либо группы; 3) предумышленное создание таких жизненных условий для какой-либо группы, которые нацелены на полное либо частичное физическое ее уничтожение; 4) меры, которые рассчитаны на предотвращение рождаемости детей в среде какой-либо группы; 5) насильственное перемещение детей из одной человеческой группы в другую [5].

Положения Конвенции о геноциде 1948 г. являются юридическим основанием для определения этого преступления в Уставах и других международных трибуналов. Например, 9 января 1997 г. Международный уголовный трибунал для Руанды (МУТР) начал рассмотрение известного дела Жана-Поля Акаесу, мэра города Табы, в котором под его руководством осуществлялись пытки, убийства и изнасилования национального меньшинства Руанды тутси. В результате погибло около одного миллиона человек и около 250 тысяч женщин подверглись изнасилованию.

Осуждение Акаесу стало первым решением, когда международный трибунал истолковал определение геноцида в том понимании, в котором оно указано в Конвенции [6, с. 83].

Еще одним примером геноцида являются массовые убийства боснийских мусульман в Сребренице. В июле 1995 года Международный трибунал по бывшей Югославии (далее – МТБЮ) обвинил Радована Караджича в преступлениях, совершенных в период гражданской войны в Боснии и Герцеговине, в том числе в геноциде боснийских мусульман в Сребренице в 1995 году 1 июля 2008 г. Р. Караджич предстал перед МТБЮ. 24 марта 2016 г. он был приговорен к 40 годам заключения. 22 июля 2016 г. Караджич подал апелляцию на приговор МТБЮ. Апелляционный суд отверг практически все пункты жалобы защиты. Судьи сочли, что наказание в 40 лет тюремного заключения не соответствует тяжести совершенных Р. Караджичем преступлений и приговорили его к пожизненному заключению [6, с. 84].

Как видно из вышеизложенного, многие народы и этносы столкнулись с актами геноцида. Помимо вышеупомянутых тутси и боснийцев, от этого преступления пострадали также армяне, маори, конголезцы, камбоджийцы и другие народы.

К сожалению, во время Великой Отечественной войны с геноцидом столкнулись и белорусы. В годы нацистской оккупации (1941–1944 гг.) на

территории Беларуси было истреблено более 3 млн. мирных граждан и военнопленных, в немецкое рабство под угрозой смерти угнано более 377 тысяч человек, из которых многие погибли в результате невыносимых условий труда, лишений и истязаний [7, с. 3].

Стоит отметить, что наше государство предпринимает активные меры для того, чтобы добиться исторической справедливости в отношении всех причастных к геноциду преступников и не допустить возрождения идей, которые стали причиной гибели миллионов. Например, в апреле 2021 года Генеральная прокуратура Республики Беларусь возбудила уголовное дело по факту геноцида населения Беларуси во время Великой Отечественной войны и послевоенный период. Как отметил Генеральный прокурор Андрей Швед: «...многие палачи, к сожалению, не понесли наказания. Смысл и цель, в том числе расследования уголовного дела о геноциде, – дойти до каждого палача, дать им надлежащую правовую оценку» [8].

Более того, 15 января 2022 г. вступил в силу Закон Республики Беларусь «О геноциде белорусского народа». Как указано в преамбуле, этот Закон принят в целях сохранения памяти о миллионах советских граждан, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, обеспечения защиты фундаментальных ценностей белорусского народа, установления действенных барьеров на пути попыток фальсификации событий и итогов Второй мировой войны [9].

Таким образом, геноцид – это трагедия не отдельного народа, а всего международного сообщества. Как показал Нюрнбергский процесс, только сообща можно эффективно бороться с этим чудовищным преступлением. Наша обязанность состоит в том, чтобы честно и открыто говорить о геноцидах прошлого и никогда не предавать забвению имена жертв. Ведь как когда-то сказал известный американский писатель и философ Джорж Сантаяна, «Кто забывает уроки истории, тот обречен на их повторение».

Список цитированных источников

1. Звягинцев, А. В. Нюрнбергский процесс / А. В. Звягинцев. – М.: Рипол-Классик, 2019. – 160 с.
2. Лебедева, Н. С. Нюрнбергский процесс и его приговор / Н. С. Лебедева // Вестник МГИМО-Университета. – 2010. – № 9 (103). – С. 75–91.
3. Зорькин, В. Д. Нюрнбергский процесс и современные проблемы международной уголовной юстиции [Электронный ресурс] / В. Д. Зорькин // Российское агентство правовой судебной информации. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/international_publication/20150527/273802495.html. – Дата доступа: 15.04.2024.
4. Аванесян, В. В. Нюрнбергский трибунал и геноцид / В. В. Аванесян // Право и государство : теория и практика. – 2011. – № 3 (35). – С. 17–21.

5. Конвенция Организации Объединенных Наций о предупреждении преступления геноцида и наказании за него [Электронный ресурс] : [принята в г. Париже 09.12.1948 г.] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml. – Дата доступа: 15.04.2024.

6. Сафронова, Е. В. Геноцид как международное преступление / Е. В. Сафронова // Уральский журнал правовых исследований. – 2022. – № 2 (77). – С. 91–86.

7. Геноцид белорусского народа = Genocide of the Belarusian people : информационно-аналитические материалы и документы / Генеральная прокуратура Республики Беларусь ; под общ. ред. А. И. Шведа. – Минск : Беларусь, 2022. – 175 с.

8. «Швед : не менее пяти уголовных дел о геноциде поступят в суды в этом году» [Электронный ресурс] // Белорусское телеграфное агентство. – Режим доступа: <https://www.belta.by/society/view/shved-ne-menee-pjati-ugolovnyh-del-o-genotside-postupjat-v-sudy-v-etom-godu-621618-2024/>. – Дата доступа: 15.04.2024.

9. О геноциде белорусского народа [Электронный ресурс] : Закон Респ. Беларусь от 5 янв. 2022 г. № 146-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2024.

Lobachevskaya E. V., Minsk, Belarusian State Economic University, Law faculty; Academic advisor: Mazanik E. N., Minsk, Belarusian State Economic University, Associate Professor of the Department of International Economic Law, Candidate of Law, Associate Professor.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС В ГЛАЗАХ ХУДОЖНИКА

Ляцкая К. А.

г. Минск,
Военная академия Республики Беларусь,
курсант 2-го курса факультета ПВО

Научный руководитель

Шумейко А. В.

г. Минск,
Военная академия Республики Беларусь,
старший преподаватель

Фотография и картина имеют много общего и в то же время совершенно отличаются друг от друга, оставаясь востребованными и необходимыми инструментами передачи реальности.

Еще в древности люди предпринимали попытки найти язык взаимопонимания – язык мира и согласия. Изломы цивилизации, в конечном счете, привели к появлению определенного языка международного общения – международного права. Материализованный в юридических нормах, он превратился в обязательную часть общечеловеческой культуры. На нем держится все мировое сообщество наций и народов.

В основе системы международного права лежат принципы, являющиеся правовым фундаментом всех международных отношений: неприменение силы или угрозы силой, невмешательство в дела, входящие во внутреннюю компетенцию государств, обязанность государств сотрудничать друг с другом, равноправие и самоопределение народов, суверенное равенство государств, добросовестное выполнение обязательств по международному праву, нерушимости государственных границ, территориальной неприкосновенности государств, уважение прав человека и основных свобод. Эти принципы закреплены в Уставе Организации Объединенных Наций (далее – ООН), Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН и Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г. [1].

К сожалению, несмотря на понимание необходимости соблюдения вышеуказанных принципов международного сотрудничества, вооруженные конфликты продолжают иметь место в разрешении конфликтных ситуаций, как на международной арене, так и внутри государств.

Международное гуманитарное право (далее – МГП) регулирует отношения между воюющими сторонами. Его целью является защита лиц, не принимающих или больше не принимающих участия в военных действиях, больных и раненых, пленных и гражданских лиц, а также установление прав и обязанностей сторон конфликта при ведении военных действий.

Являясь законом, МГП налагает обязательства на лиц, принимающих участие в вооруженном конфликте. Эти лица должны не только сами соблюдать закон, но и обязаны обеспечивать соблюдение его другими. Не совершать нарушений закона и не допускать того, чтобы их совершал кто-то другой – вот один из основных принципов МГП [2].

Международное гуманитарное право критикуют за слабый механизм ответственности, «мол можно нарушать столько, сколько захочешь и оставаться безнаказанным». Исторический опыт показывает, что процедуры привлечения к ответственности – есть результат проявления политической воли, а действие МГП вторично, как инструмента этой воли. В качестве примера торжества международного правосудия можно назвать Нюрнбергский и Токийский трибуналы.

Нюрнбергский процесс – важный исторический процесс, являющийся итогом борьбы человечества с «коричневой чумой». Его цель – осудить нацизм и поставить его вне закона, что значило покончить с одной из угроз, которая потенциально могла бы в будущем привести к новой мировой войне.

20 ноября 1945 г. в 10.00 в небольшом германском городке Нюрнберг открылся международный судебный процесс по делу главных нацистских военных преступников. Этот город был выбран не случайно. Именно там состоялся первый съезд НСДАП; Нюрнберг считался цитаделью нацизма, здесь проходили важнейшие съезды и парады.

Итоговый приговор процесса, который длился почти год, озвучили 1 октября 1946 г. На скамье подсудимых оказалась почти вся правящая верхушка Третьего рейха – высшие военные и государственные деятели, дипломаты, крупные банкиры и промышленники, 12 из которых назначили смертную казнь через повешение. Г. Геринг (не дожидаясь петли, покончил жизнь самоубийством с помощью цианистого калия), Р. Лей (повесился в камере до начала процесса), Г. Крупп (был признан неизлечимо больным, его дело было приостановлено), М. Борман (судился заочно, т. к. скрылся и не был найден). Однако не было в зале суда самых главных военных преступников, высокопоставленных главарей нацизма – Гитлера, Геббельса

и Гиммлера, которые покончили жизнь самоубийством еще во время штурма Берлина Красной Армией.

У Нюрнбергского процесса было и еще одно название, неофициальное: «процесс шести миллионов слов». Именно столько их прозвучало, перевели синхронисты, услышал и прочел мир. На международном трибунале над фашистскими преступниками работало 315 журналистов и писателей из 31 страны.

В зал суда были также приглашены художники и портретисты, для запечатления моментов того времени, например: советский график Н. Н. Жуков, художники-карикатуристы, рисовавшие Кукрыниксы: Н. А. Соколов, Б. Е. Ефимов, М. В. Куприянов, П. Н. Крылов. Это было сделано неспроста, поскольку художник – это образ жизни и образ мыслей. От картин человек получает душевный отклик больше, чем от простой фотографии. Ведь художник заряжает свою работу эмоциями, чувствами, мыслями, переживаниями.

Портрет – самый антропоцентричный живописный жанр. Смыслом работы живописца становится, как минимум, отображение на холсте внешности модели, а как максимум – раскрытие души, характера.

Графические портреты, выполненные военными художниками – это не только творческое наследие мастеров и произведения искусства, но еще и уникальные исторические документы, которые запечатлели сотни, тысячи участников Великой Отечественной войны. Это не парадные портреты на холсте, а часто рисунки карандашом, графические наброски, но от этого они еще более трогательны и пронзительны. Ведь художники «набрасывали» портреты солдат передовых частей и участников партизанских отрядов, куда приезжали в командировки или в составе которых шли дорогами войны. Сохранили они для истории медперсонал и раненых в госпиталях, труженников тыла. И все эти люди – чьи-то сыновья и дочери, братья и сестры, земляки и соседи. Это реальные люди, а не «выдуманнные обобщенные» образы.

Можно привести стихотворение кабардинского советского поэта Алима Кешокова [3], который во время Великой Отечественной войны служил в Красной Армии кадровым офицером.

Нелегко художнику-солдату,
Краток на путях его привал.
Наш товарищ на войне когда-то
Нас в часы досуга рисовал.
Кто хотел послать портрет невесте,
Кто родных порадовать спешил.
«Нарисуй меня, но честь по чести,
Безбородым, как до фронта был...»
И художник на клочках бумаги

Рисовал, досуга не ценя.
Как-то раз в одном глухом овраге
Рисовать он начал и меня...
День настал, погиб солдат-художник,
Мой портрет закончить не успел,
Не узнал конца путей тревожных.
Нет бойца, а вот рисунок цел.
Он хранится в небольшой тетради –
Эта память друга моего,
На портрет незавершенный глядя,
Не себя я вижу, а его.

Живопись может оказывать воздействие на зрителя не только своим непосредственным образным рядом, который может вызвать прямые или косвенные ассоциации. Картина, так или иначе, сохраняя отпечаток души художника, способна вызвать особое психологическое состояние у зрителя, вступить в «резонанс» с его собственными переживаниями, вызывая эстетическую и эмоциональную реакции. Причем в большинстве случаев человек не в состоянии объяснить словами, что же именно тронуло струны его души и вызвало необъяснимую тягу к тому или иному художественному произведению, или же наоборот отвергло.

Цвета, композиция, техника исполнения и сюжет картины – все это влияет на эмоциональный отклик зрителя. «Картины способны вызывать эмоциональную реакцию потому, что могут передавать индивидуальный опыт и чувства художника. Художник, создающий произведение искусства, может использовать свои эмоции и впечатления для передачи определенного состояния или настроения. Зритель в свою очередь может сопереживать и воспринимать эти эмоции, создавая связь с произведением» [4].

Подтверждают это и рисунки Н.Н. Жукова – меткие наблюдения за жизнью. На рисунках проявляются предельно точные характеристики некоторых участников Нюрнбергского процесса:

- Геринг напоминает жабу, раздувшуюся до нелепых размеров;
- Папен с метлами бровей и вытянутой челюстью, – напоминает «павиана»;
- Шахт, рот которого напоминает отвисшую пасть старого пса;
- Зайдель, защитник Гесса и Франка, напоминает мышь.

Наблюдая защиту, чувствуешь явных сторонников спасения нацизма, активных слуг, выгораживающих подсудимых разными увертками и хитроумными сплетениями адвокатской казуистики.

За 40 дней, которые провел Н.Н. Жуков в Нюрнберге, он сделал 400 рисунков, куда вошли все подсудимые, защитники, судьи, журналисты.

Эти рисунки делала не рука художника, а сердце солдата, солдата-художника.

Подводя итог отметим, что Нюрнбергский процесс фактически подтвердил главный вывод о сущности нацизма, как открытой террористической диктатуры. Опыт Второй мировой войны властно диктует: необходимо вновь соединить усилия, чтобы ликвидировать смертельную опасность ядерного самоуничтожения человечества. Для тех же, кто забывает уроки истории, кто преднамеренно предаёт их забвению, грозным предостережением звучит Приговор Нюрнбергского трибунала. Он и сегодня служит делу мира, зовет к бдительности.

Список цитированных источников

1. Понятие международного права [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/mezhdunarodnoe_pravo/po-nyatie_mezhdunarodnogo_prava/?ysclid=lubmlynkmm772043116 – Дата доступа: 20.10.2023.

2. Война и международное гуманитарное право [Электронный ресурс] // International committee of the Red Cross. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/war-and-law/overview-war-andlaw.htm?ysclid=lun15xhe5a210053220>. – Дата доступа: 20.10.2023.

3. Кешоков, А. П. [Электронный ресурс] // Герои страны. – Режим доступа: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=9581. – Дата доступа: 20.10.2023.

4. Что для человека значат картины [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://alternativa-profi.ru/znacheniya/cto-dlyacelovekaznacat-kartiny>. – Дата доступа: 20.10.2023.

Lyatskaya K. A., Minsk, Military Academy of the Republic of Belarus, Department of Air Defense; Academic advisor: Shumeiko A. V., Military Academy of the Republic of Belarus, Senior Lecturer.

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

MODERN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Морозова С. А.

г. Уфа, Россия,

Институт права Уфимского

университета науки и технологий,

студентка 2-го курса направления подготовки

«Международные отношения»

Научный руководитель

Никитина А. А.

г. Уфа, Россия,

Институт права Уфимского

университета науки и технологий,

доцент кафедры международного

и интеграционного права,

кандидат экономических наук

Аннотация: Актуальность международного гуманитарного права (МГП) в современном мире обусловлена ростом числа конфликтов, изменяющимся характером военных действий и эволюцией глобальных угроз. В данной статье обсуждаются современные тенденции развития МГП, включая расширение его применения на новые субъекты и области конфликтов, неоднозначность его толкования и применения, а также вызовы, стоящие перед международным сообществом в обеспечении соблюдения гуманитарных норм в условиях современных конфликтов. Рассматриваются различные аспекты развития МГП, включая защиту гражданского населения, права беженцев и мигрантов, применение новых технологий в военных действиях, а также роль международных судов и трибуналов в обеспечении справедливости и соблюдении норм МГП. В контексте современных вызовов и угроз становится ясно, что развитие МГП является необходимым для обеспечения защиты прав и достоинства всех людей в условиях вооруженных конфликтов.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, тенденции развития, аспекты развития, международные суды, вооруженные конфликты, соблюдение гуманитарных норм, международные отношения.

Abstract: The relevance of international humanitarian law (IHL) in the modern world is due to the growing number of conflicts, the changing nature of military operations and the evo-

lution of global threats. This article discusses current trends in the development of IHL, including the expansion of its application to new subjects and areas of conflict, the ambiguity of its interpretation and application, as well as the challenges facing the international community in ensuring compliance with humanitarian norms in modern conflicts. Various aspects of the development of IHL are examined, including the protection of civilians, the rights of refugees and migrants, the use of new technologies in warfare, as well as the role of international courts and tribunals in ensuring justice and compliance with IHL rules. In the context of modern challenges and threats, it is clear that the development of IHL is essential to ensure the protection of the rights and dignity of all people in armed conflicts.

Key words: international humanitarian law, development trends, aspects of development, international courts, armed conflicts, compliance with humanitarian norms, international relations.

Международное гуманитарное право (далее – МГП) представляет собой важную область права, посвященную защите жизни, здоровья и достоинства людей во время вооруженных конфликтов и в других чрезвычайных ситуациях. В современном мире, где возрастает количество вооруженных конфликтов, террористических актов и гуманитарных кризисов, развитие МГП играет критическую роль в обеспечении защиты прав человека и соблюдении гуманитарных норм [1]. В данной статье мы рассмотрим современные тенденции в развитии международного гуманитарного права и их влияние на современные международные отношения.

В настоящее время в вооруженные конфликты вовлекаются не только правительственные силы, но и все больше и больше частных субъектов, которые могут играть различные роли во время конфликтов. Некоторые могут действовать в качестве частных подрядчиков, открыто предлагающих свои услуги, обычно через веб-сайты, направленные на поддержку армии или вооруженных групп, либо на повышение эффективности.

МГП применяется ко всем государствам, подписавшим Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г., но оно также охватывает негосударственные субъекты: частных лиц, вооруженные группы, национально-освободительные движения и международные организации. Установлено, что, поскольку МГП предоставляет права и особую защиту частным лицам в конфликте, оно также накладывает на них обязательства, как это подтвердили Нюрнбергский процесс, международные трибуналы или недавнее решение Международного уголовного суда (далее – МУС) о приговоре конголезского полевого командира Томаса Лубанги к 14 годам за использование детей-солдат и принуждение их к совершению преступлений [2, с. 400].

Несколько документов также устанавливают обязательства по международному гуманитарному праву для части неправительственных вооруженных или повстанческих групп – общая ст. 3 Женевских конвенций, Второй дополнительный протокол 1977 г. и п. 2 ст. 8 Статута МУС, тогда как Первый дополнительный протокол применяется к национально-освободительным движениям [3, с. 76]. И хотя не существует конкретного правового положения, связывающего международные организации в соответствии

с международным гуманитарным правом, МУС ясно заявил, что «международная организация является субъектом международного права и как таковая связана всеми обязательствами, вытекающими из общих норм международного права».

Однако следует помнить, что МГП применяется только к определенным немеждународным вооруженным конфликтам, которые соответствуют определенным организационным критериям и достигают определенного уровня интенсивности и, возможно, длительности. Простые беспорядки, случайные акты насилия, протесты и отдельные акты терроризма не рассматриваются как вооруженные конфликты в рамках МГП. Несмотря на сложности в правильной идентификации вооруженных конфликтов в соответствии с МГП, на данный момент не существует единого правового органа, который бы давал определение вооруженным конфликтам; скорее, Совет Безопасности ООН и Генеральная Ассамблея призывают к применению МГП в определенных конфликтных ситуациях, предполагая наличие вооруженного конфликта в соответствии с МГП. Возможно, для международного сообщества было бы полезно иметь более четкое законодательное определение вооруженного конфликта или расширить применимость МГП на все случаи насилия, имеющие конкретную цель [4, с. 218].

Одной из основных тенденций в развитии МГП является расширение области его применения. В современном мире гуманитарные кризисы могут возникать не только в результате вооруженных конфликтов между государствами, но и внутри государственных границ, в результате гражданских войн, террористических действий и природных катаклизмов. Это требует постоянного обновления и дополнения норм МГП, чтобы они соответствовали новым вызовам и угрозам.

Второй важной тенденцией является стремление к универсализации принципов МГП и обеспечению гуманитарного доступа к людям, нуждающимся в помощи, независимо от их местонахождения. Международные гуманитарные организации и государства все более активно работают над обеспечением доступа к гуманитарной помощи и защите прав человека в конфликтных зонах, где это может быть затруднено политическими, военными или иными причинами [5, с. 125].

Третьей важной тенденцией является все больше уделяемое внимание защите уязвимых групп населения, таких как дети, женщины, пожилые люди и люди с ограниченными возможностями. МГП должно учитывать специфические потребности этих групп и обеспечивать им дополнительную защиту во время конфликтов и кризисов.

Наконец, важной тенденцией является усиление международного сотрудничества и координации в области гуманитарной помощи. Международные организации, государства и гуманитарные агентства все активнее совместно действуют для предоставления помощи пострадавшим от вооруженных конфликтов и природных катастроф. Это позволяет повысить эффективность помощи и обеспечить более широкий охват нуждающихся.

Таким образом, современные тенденции развития международного гуманитарного права отражают его адаптацию к современным вызовам и угрозам, а также стремление обеспечить более эффективную защиту прав человека в условиях конфликтов и бедствий. Развитие международного гуманитарного права является важным фактором в обеспечении мира, стабильности и гуманности в мировом сообществе.

В современном цифровом мире возникают новые вызовы и угрозы, такие как кибератаки и кибервойны. Следовательно, одной из последних тенденций в развитии МГП является создание кибергуманитарного права, которое будет регулировать деятельность в киберпространстве в интересах защиты гражданских лиц и предотвращения гуманитарных кризисов [6, с. 37].

Современный мир стал свидетелем ряда сложных и многообразных вызовов, стоящих перед международным сообществом в обеспечении соблюдения гуманитарных норм в условиях современных конфликтов. Эти вызовы, подчас глобального масштаба, требуют срочных и эффективных решений, чтобы защитить жизнь, достоинство и основные права всех людей, затронутых вооруженными столкновениями.

Одним из наиболее серьезных вызовов является увеличение числа гражданских жертв во время вооруженных конфликтов. Стремительное развитие технологий ведения войны привело к увеличению числа случайных убийств и разрушений среди мирного населения. Важно разработать механизмы, способные эффективно защищать гражданских лиц и предотвращать гуманитарные катастрофы.

Другим вызовом является гуманитарный кризис беженцев и внутренне перемещенных лиц. Множество вооруженных конфликтов по всему миру приводят к массовому вынужденному перемещению населения, что создает огромные гуманитарные вызовы в обеспечении им безопасности, гуманного обращения и доступа к гуманитарной помощи [6, с. 38].

Кроме того, распространение нарушений гуманитарного права, включая преступления против человечности и военные преступления, представляет серьезную угрозу международной безопасности и стабильности. Эти преступления часто остаются безнаказанными, что подрывает доверие к правосудию и создает климат безнаказанности.

Важным вызовом является также обеспечение гуманитарного доступа к зонам конфликтов. Ограничения на поставки гуманитарной помощи и доступ гуманитарных организаций к местам боевых действий создают препятствия для оказания помощи нуждающимся.

В целом, современные вызовы в обеспечении соблюдения гуманитарных норм в условиях конфликтов требуют согласованных усилий международного сообщества, включая дипломатические усилия, гуманитарную помощь, защиту прав человека и привлечение к ответственности тех, кто нарушает эти нормы.

МГП играет ключевую роль в обеспечении защиты прав человека и соблюдении гуманитарных норм в современном мире. Современные тенденции в его развитии отражают вызовы и угрозы, с которыми сталкивается

международное сообщество, и требуют постоянного обновления и дополнения норм и принципов МГП. Однако, при всей сложности вызовов, которые стоят перед МГП, оно остается неотъемлемой частью международной системы правосудия и гарантом защиты прав и достоинства человека в сложных условиях современного мира.

Заключение. Следует отметить, что современные тенденции развития международного гуманитарного права представляют собой важное направление в обеспечении защиты прав и достоинства человека в условиях вооруженных конфликтов, гуманитарных кризисов и других чрезвычайных ситуаций. Эти тенденции отражают стремление международного сообщества к универсализации принципов гуманитарного права, защите уязвимых групп населения, в том числе детей, женщин, пожилых людей и людей с ограниченными возможностями, а также регулированию новых вызовов, таких как кибератаки, в интересах обеспечения гуманитарной безопасности. Несмотря на сложность и многообразие вызовов, с которыми сталкивается международное гуманитарное право, его развитие остается ключевым аспектом в поддержании международного мира, стабильности и защите прав человека в мире.

Список цитированных источников

1. Малахова, М. И. Актуальность международного гуманитарного права в наше время / М. И. Малахова // Юный ученый. – 2024. – № 2 (76). – С. 69–72.

2. Ледях, И. А. Принципы и нормы международного гуманитарного права – консолидирующая основа защиты прав человека в вооруженных конфликтах / И. А. Ледях // Права человека и процессы глобализации современного мира : коллективная монография / под ред. Е. А. Лукашевой. – М. : Норма, 2005. – С. 363–408.

3. Гасанов, Э. А. Международное гуманитарное право в контексте современных вызовов / Э. А. Гасанов // Этносоциум и межнациональная культура. – 2023. – № 8 (182). – С. 70–78.

4. Международное гуманитарное право : курс лекций / В. Н. Бутылин, И. В. Гончаров, В. В. Барбин ; Акад. упр. МВД России. – М. : Акад. Упр. МВД России, 2010. – 329 с.

5. Скулаков, Р. М. Гуманитарная интервенция и миротворческая операция как инструменты предотвращения вооруженных конфликтов (о некоторых современных военных проблемах международного права) / Р. М. Скулаков // Военное право. – 2015 – № 1. – С. 124–132.

6. Матчанова, З. Ш. Международное гуманитарное право в конце XX – начале XXI веков в свете исследования кризисов в международном праве / З. Ш. Матчанова // Черные дыры в Российском законодательстве. – 2021. – № 2. – С. 36–38.

Morozova S. A., Russia, Ufa, Ufa University of Science and Technology, Institute of Law; Academic advisor: Nikitina A. A., Russia, Ufa, Ufa University of Science and Technology, Institute of Law, Associate Professor of the Department of international and integration law, Candidate of Economic Sciences.

ПРАВОВОЙ СТАТУС ЧАСТНЫХ ВОЕННЫХ И ОХРАННЫХ КОМПАНИЙ

THE LEGAL STATUS OF PRIVATE MILITARY AND SECURITY COMPANIES

Нехай Р. Г.

г. Минск,
Международный университет «МИТСО»,
магистрант

Научный руководитель

Толочко О. Н.

г. Минск,
Международный университет «МИТСО»,
профессор кафедры международного права,
доктор юридических наук, доцент

Аннотация: В статье рассмотрены основные подходы к определению правового статуса частных военных и охранных компаний, принимающих участие в вооруженных конфликтах, в соответствии с нормами международного гуманитарного права.

Ключевые слова: частные военные и охранные компании, ЧВК, международное гуманитарное право, наемники, комбатанты, гражданские лица.

Annotation: The article examines the main methods for determining the legal status of private military and security companies involved in armed conflicts in accordance with the norms of international humanitarian law.

Keywords: private military and security companies, PMCs, international humanitarian law, mercenaries, combatants, civilians.

Несмотря на колоссальные усилия международного сообщества, направленные на запрещение применения силы или угрозы силой, вооруженные конфликты как международного, так и немеждународного характера, тем не менее, продолжают беспрерывно развязываться и приносить сокрушительный ущерб всему человечеству. Международно-правовое регулирование вооруженных конфликтов во все времена сопровождалось наличием ряда трудностей и противоречий, приводящих к непоправимым последствиям в гуманитарной сфере, основанных на сочетании комплексных

взаимосвязанных факторов, в число которых, на сегодняшний день, входит фрагментация и увеличение числа участников вооруженных конфликтов.

В число наиболее актуальных норм международного гуманитарного права входят нормы, регламентирующие правовой статус участников вооруженных конфликтов, включая их права, обязанности и ответственность. Современная практика показывает, что количество злоупотреблений со стороны непосредственных участников вооруженных конфликтов возрастает. Кроме того, на сегодняшний день, одним из основных вызовов международному гуманитарному праву является деятельность частных военных и охранных компаний, а также их сотрудников.

Использование частных военных и охранных компаний (далее – ЧВОК) как коммерческих организаций, оказывающих специализированные услуги в сфере обороны и безопасности, активно началось во второй половине XX века. Противостояние ядерных держав в «Холодной войне» не могло проходить в привычной форме открытого вооруженного конфликта между двумя сторонами. В результате на смену регулярных вооруженных сил, участвующих в конфликте под флагом конкретного государства, на которые распространяются нормы международного гуманитарного права (далее – МГП), пришли частные армии, занимающиеся продвижением и отстаиванием сначала государственных, а затем и коммерческих интересов в различных регионах мира, пользуясь не до конца определенным статусом и, зачастую, избегая ответственности за преступления, совершаемые в ходе осуществления своей деятельности. Сложность оценки действий современных ЧВОК как участников вооруженных конфликтов заключается в том, что они являются корпоративными органами, осуществляющими не только ведение боевых действий, но и охрану различных объектов, стратегическое и тактическое планирование, разведку, оценку рисков, оперативную поддержку, обучение и логистику.

Необходимость наличия международно-правовой основы, регулирующей деятельность ЧВОК, которая, помимо прочего, сможет предусмотреть ответственность за их неправомерные действия, стала особо острой на современном этапе развития данных организаций, поскольку на сегодняшний день их военный потенциал достиг такого масштаба, при котором современные ЧВОК на равных противостоят регулярным вооруженным силам.

Рассматривая правовой статус ЧВОК, прежде всего, следует отметить отсутствие терминологического единства в данном вопросе. В связи с характером относительно нового явления в международном праве, ЧВОК не имеют универсального и точного определения. Тем не менее, на международно-правовом уровне встречаются официальные попытки их определить. Так, согласно Документу Монтре о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования ЧВОК в период вооруженного конфликта 2008 г., под частными военными и охранными компаниями, понимаются

«частные предпринимательские субъекты, которые оказывают военные и/или охранные услуги, независимо от того, как они себя характеризуют» [1]. При этом, военные и охранные услуги включают, в частности, «вооруженную охрану и защиту людей и объектов, например, транспортных колонн, зданий и других мест; техобслуживание и эксплуатацию боевых комплексов; содержание под стражей заключенных; и консультирование или подготовку местных военнослужащих и охранников» [1].

Проектом международной конвенции о частных военных и охранных компаниях, разработанным Рабочей группой ООН, ЧВОК определены как: «корпоративное образование, предоставляющее на компенсационной основе военные и/или охранные услуги, обеспечиваемые физическими и/или юридическими лицами» [2].

Специальный докладчик ООН по вопросу об использовании наемников считал, что экспорт услуг частными военными и охранными компаниями представляет собой новый вид наемничества, подпадающего под запрет в международном праве. Он определял частные военные компании как «негосударственные организации, оказывающие на возмездной договорной основе военные услуги физическим и юридическим лицам, а также государствам» [3, с. 13].

В рамках Международного кодекса поведения частных охранных компаний 2010 г. закреплено, что «любые компании, коммерческая деятельность которых включает оказание охранных услуг либо от своего имени или от имени другого лица, независимо от того, как такие компании сами себя характеризуют. При этом под компанией понимается любое коммерческое предприятие, будь то индивидуальный предприниматель, партнерство, компания (государственная или частная) или корпорация; при этом множественное число этого термина не изменяет его толкования» [4]. Следует отметить, что при создании проекта данного кодекса специалисты в области МГП преследовали следующую цель – усовершенствовать отраслевые стандарты в области обеспечения и соблюдения прав человека и международного гуманитарного права.

Таким образом, проводя анализ источников международного права, содержащих определение понятия частных военных и охранных компаний, следует отметить, что, зачастую, они имеют рекомендательный характер или ограниченное число договаривающихся сторон, что свидетельствует об отсутствии единообразного подхода к данному вопросу в международном сообществе.

Отсутствие универсального определения ЧВОК не является единственной проблемой для правового регулирования их деятельности. В настоящее время предметом обсуждения является правовой статус военных подрядчиков, действующих в вооруженных конфликтах. Тем не менее, отсутствие юридически обязательного международного договора, регламентирующего права и обязанности ЧВОК, не дает основания полагать, что

их сотрудники находятся в правовом вакууме и освобождены от ответственности за свою деятельность. При участии ЧВОК в вооруженных конфликтах как международного, так и немеждународного характера, нормы МГП продолжают действовать, в зависимости от выполняемых функций, персонал ЧВОК использует статус гражданских лиц, для обеспечения защиты от угрозы нападения, либо статус комбатантов, как непосредственных участников вооруженного конфликта, с целью законного применения вооруженной силы и вытекающей из данного статуса возможности использования статуса военнопленного в случае их захвата.

Данная позиция отражена и в Документе Монтре, согласно которому, статус сотрудников ЧВОК, принимающих участие в вооруженном конфликте, «определяется международным гуманитарным правом в каждом конкретном случае, в частности с учетом характера и условий выполнения возложенных на него функций» [1].

Хотя ЧВОК прямо не упоминаются в Женевских конвенциях и Дополнительных протоколах к ним, они, тем не менее, обязаны соблюдать нормы МГП. Их обязанности, статус и защита будут в значительной степени зависеть от того, считаются ли они в соответствии с МГП комбатантами, наемниками или гражданскими лицами.

Наемники являются лицами, которые принимают участие в боевых действиях только ради денежной или иной материальной выгоды, не имея никакой другой существенной связи с конфликтной ситуацией. Тем не менее, на данный момент утверждать, что сотрудников ЧВОК всегда следует классифицировать как наемников, нельзя, так как их деятельность лишь по определенным пунктам отвечает критериям, изложенным в ст. 47 Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям 1949 г., а также в международных конвенциях, посвященных наемничеству. Во-первых, само наличие мотивации, связанной с получением материальной выгоды является крайне затруднительно доказываемой и не раз подвергалось критике, во-вторых, чаще всего ЧВОК нанимают в свой состав граждан государства в котором они оказывают услуги военного характера, в-третьих, на практике, персонал ЧВОК преимущественно занимается материально-техническим обеспечением вооруженных сил с целью, отличной от непосредственного участия в боевых действиях, например, охраной военнопленных, обучением военнослужащих, снабжением продовольствия и т. д. Тем не менее, если сотрудник ЧВОК будет отвечать всем условиям определения наемника, он будет считаться таковым в соответствии с действующими нормами МГП.

Кроме того, сотрудники ЧВОК могут считаться гражданскими лицами, если не входят в состав вооруженных сил государства или не выполняют боевых функций по поручению организованной вооруженной группы, принадлежащей к одной из сторон в конфликте. В соответствии с положениями IV Женевской конвенции 1949 г. определено, что гражданские лица –

«это те лица, которые непосредственно не принимают участия в военных действиях» [5]. Дополнительный протокол I определяет гражданское лицо через отсылку к статьям, закрепляющим понятие комбатанта, указывая, что: «гражданским лицом является любое лицо, не принадлежащее ни к одной категории лиц, указанных в ст. 4а, п. 1, 2, 3 и 6 III Конвенции и в ст. 43 Протокола» [6].

Таким образом, если военный подрядчик не является наемником по смыслу ст. 47 Дополнительного Протокола I 1977 г., не включен в состав регулярных вооруженных сил одной из противоборствующих сторон и не принимает непосредственное участие в вооруженном конфликте, МГП может рассматривать его статус как гражданское лицо. Вместе с тем, необходимо учитывать, что в случае, когда гражданское лицо принимает непосредственное участие в боевых действиях, защита, предоставляемая ему от последствий боевых действий, исчезает. В случае захвата гражданское лицо не имеет права на статус военнопленного и может быть привлечено к суду за участие в боевых действиях. Зачастую военные подрядчики используют данный статус, оказывая услуги, не связанные с применением вооруженной силы: логистика, консультирование и обучение.

Наряду с наемниками и гражданскими лицами, сотрудники ЧВОК могут быть признаны комбатантами, иметь право принимать участие в боевых действиях и сражаться с противником, а также быть подвергнутыми нападению и пользоваться статусом военнопленного. Исходя из сущности правового статуса комбатанта, следует отметить, что сотрудники ЧВОК имеют право на его получение лишь в том случае, если они были официально включены в состав вооруженных сил воюющей стороны и отвечают условиям, предусмотренными ст. 43, ст. 44 Дополнительного протокола I 1977 г., а также ст. 13 I и II Женевских конвенций 1949 г., и ст. 4 III Женевской конвенции 1949 г.

Стоит обратить внимание на вооруженные конфликты немеждународного характера, где наряду с наемниками применение участников ЧВОК серьезно распространено. К сожалению, нормы МГП, регулирующие данный вид конфликтов, а также Дополнительный протокол II 1977 г. не позволяют четко и ясно установить правовой статус тех или иных категорий лиц, принимающих в них участие. В соответствии с положениями Дополнительного Протокола II к Женевским Конвенциям 1949 г., «гражданские лица, правительственные вооруженные силы и организованные вооруженные группы являются взаимоисключающими категориями участников. В ходе вооруженного конфликта немеждународного характера военные действия происходят между организованными (неправительственными) вооруженными группами и вооруженными силами государства» [7]. По большей части ЧВОК предпочитают участвовать в вооруженных конфликтах немеждународного характера на основе договорных отношений

с принимающим государством. Тем не менее, на практике ЧВОК могут наниматься также организованными вооруженными группами и выступать на их стороне. При решении вопроса о правовом статусе сотрудников ЧВОК в вооруженном конфликте немеждународного характера необходимо, в первую очередь, установить функции, которые они осуществляют, а также степень их вовлеченности в него. В ситуациях, при которых сотрудники частных военных компаний не являются непосредственными участниками вооруженного конфликта и их деятельность не подпадает под определение наемничества по национальному уголовному законодательству, они пользуются статусом гражданских лиц и пользуются защитой от нападения в соответствии с положениями МГП. Вместе с тем, отмечается, что «если гражданское лицо непосредственно участвует в боевых действиях, ясно, что оно не будет пользоваться никакой защитой от нападений до тех пор, пока длится его участие» [8].

Таким образом, представляется маловероятным, что государства добровольно откажутся от использования ЧВОК в вооруженных конфликтах, тем более что тенденция к сокращению численности крупных регулярных армий может сохраниться. На сегодняшний день нормы МГП не содержат прямого определения правового статуса ЧВОК, однако предлагают «квалифицировать статус сотрудников таких компаний во время вооруженного конфликта, рассматривая каждый отдельный случай с учетом характера их функций и обстоятельств, при которых они такие функции выполняют, на основе действующих норм международного гуманитарного права» [9]. В связи с этим, существует необходимость принятия всеобъемлющего, обязательного международно-правового акта, участниками которого бы являлись не только нации, стремящиеся наделить конкретными правами и обязанностями ЧВОК с целью защиты своих интересов, но и государства, активно их использующие.

Список цитированных источников

1. Документ Монтре о соответствующих международно-правовых обязательствах и передовых практических методах государств, касающихся функционирования частных военных и охранных компаний в период вооруженного конфликта [Электронный ресурс] : [принят в г. Монтре 17.09.2008] // Междунар. Комитет Красного Креста. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/other/montreau.pdf>. – Дата доступа: 01.05.2024.

2. Поощрение и защита всех прав человека, гражданских, политических, социальных и культурных прав, включая право на развитие [Электронный ресурс] : докл. Рабочей группы по вопр. об использовании наемников как средства нарушения прав человека и противодействия осуществлению права народов на самоопределение, 9 янв. 2008 г., A/HRC/7/7//Система официальной документации Организации Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://documents-dds->

ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G08/100/77/PDF/G0810077.pdf?OpenElement. – Дата доступа: 01.05.2024.

3. Волеводз, А. Г. О международных инициативах в сфере правового регулирования деятельности частных военных и охранных компаний / А. Г. Волеводз // *Международ. уголов. право и междунар. юстиция.* – 2009. – № 1. – С. 12–17.

4. Международный кодекс поведения частных охранных компаний [Электронный ресурс] : [подписан 09.11.2010] // Ассоциация «Новые системы безопасности». – Режим доступа: <https://newsb.ru/wp-content/docs/The%20International%20Code%20of%20Conduct%20for%20Private%20Security%20Companies.pdf>. – Дата доступа: 01.05.2024.

5. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны [Электронный ресурс] : [принята в г. Женеве 12.08.1949] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml. – Дата доступа: 02.05.2024.

6. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) [Электронный ресурс] : [принят в г. Женеве 08.06.1977] // *Междунар. Комитет Красного Креста.* – Режим доступа: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf. – Дата доступа: 01.05.2024.

7. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв немеждународных вооруженных конфликтов (Протокол II) [Электронный ресурс] : [принят в г. Женеве 08.06.1977] // *Междунар. Комитет Красного Креста.* – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/6lkb3l.htm>. – Дата доступа: 02.05.2024.

8. Commentary on the additional protocols of 8 June 1977 to the Geneva Conventions of 12 August 1949 [Electronic resource] / Intern. Comm. of the Red Cross ; ed.: Y. Sandoz, Ch. Swinarski, Br. Zimmermann // Library of Congress. – Mode of access: https://www.loc.gov/rr/frd/Military_Law/pdf/Commentary_GC_Protocols.pdf. – Date of access: 25.04.2024.

9. Международное гуманитарное право и частные военные и охранные компании – Вопросы и ответы [Электронный ресурс] // *Междунар. Комитет Красного Креста.* – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/document/mezhdunarodnoe-gumanitarnoe-pravo-i-chastnye-voennye-i-ohrannye-kompanii-voprosy-i-otvety>. – Дата доступа: 01.05.2024.

Nekhay R. G., Minsk, International University «MITSO», Master course; Academic advisor: Tolochko O. N., Minsk, International University «MITSO», Professor of the Department of international law, doctor of law, associate professor.

НЮРНБЕРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ВОЕННЫЙ ТРИБУНАЛ: ТОРЖЕСТВО ПРАВА НАД ЗЛОМ

**NUREMBERG INTERNATIONAL MILITARY TRIBUNAL:
THE TRIUMPH OF LAW OVER EVIL**

Орда Д. М.

г. Гродно,
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы,
студент юридического факультета

Научный руководитель

Колоцей М. Я.

г. Гродно,
Гродненский государственный университет
имени Янки Купалы,
доцент кафедры теории и истории государства и права,
кандидат исторических наук, доцент

Аннотация: В статье дан подробный анализ деятельности Международного Военного Трибунала и нового принципа современного международного права об индивидуальной ответственности физических лиц за совершенные преступления как регулятора Нюрнбергского процесса. Также в статье описывается формирование и проблемы развития современного международного гуманитарного права.

Ключевые слова: Международный Военный Трибунал, Нюрнбергский процесс, международное гуманитарное право, война, меры уголовной ответственности.

Annotation: The article provides a detailed analysis of the activities of the International Military Tribunal and the new principle of modern international law on the individual responsibility of individuals for crimes committed as a regulator of the Nuremberg trials. The article also describes the formation and problems of the development of modern international humanitarian law.

Key words: International Military Tribunal, Nuremberg trials, international humanitarian law, war, criminal liability measures.

«Процесс, который должен теперь начаться, является единственным в своем роде в истории мировой юриспруденции, и он имеет величайшее общественное значение для миллионов людей на всем земном шаре...» –

именно этими словами председатель Международного Военного Трибунала англичанин лорд-судья Лоренс положил начало самому крупному, на сегодняшний день, судебному процессу в мировой истории, поделившему международное право на «до» и «после» [1].

Память о зверствах, совершенных нацистскими преступниками и их пособниками в годы Второй мировой войны и ее последствия, пожалуй, навсегда оставили свой след в истории, как международного сообщества, так и международного права в целом.

Так, в соответствии с Соглашением, заключенным 8 августа 1945 г. между правительствами СССР, США, Великобритании и Франции, впервые был учрежден Международный Военный Трибунал – судебный орган для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [2, с. 190]. Как отмечали доктора юридических наук Ю. Я. Баскин и Д. И. Фельдман, являвшиеся участниками Великой Отечественной войны, стало очевидным, что довоенное международное право, хотя и предусматривало запрещение агрессивной войны, однако не предусматривало ни механизма эффективного ее предотвращения, ни коллективных мер борьбы с ней, включая военные, ни ответственности за ее развязывание и ведение [2, с. 188]. Международный Военный Трибунал как раз-таки и стал первым таким механизмом привлечения к ответственности за совершенные преступления.

Сам он по своей правовой природе выполнял функции, ничем не отличающиеся от функций национального уголовного суда: установление виновности и наказания отдельных лиц и организаций за совершение преступлений. Но в отличие от национального права, нормы международного права не кодифицированы. В международных документах содержатся названия и запрещение определенных противоправных деяний, именуемых преступлениями, но в них отнюдь не предусмотрено наказание и какие-либо меры уголовной ответственности за их совершение, что и по сей день является темой для многочисленных дискуссий среди ученых-международников.

Регулятором Нюрнбергского процесса явился новый принцип современного международного права об индивидуальной ответственности физических лиц за совершенные международные преступления. Нюрнбергский процесс положил начало международно-правовому обычаю, утвердившемуся в конклюдентных действиях международного сообщества – участие одной стороны в преступных действиях, спланированных и управляемых другой стороной: какой-либо организацией, либо государством, никогда не могут служить оправданием и тем более основанием для освобождения от ответственности первой стороны [2, с. 198].

Так, в Уставе Международного Военного Трибунала, документа, являющимся приложением к Соглашению от 8 августа 1945 г. и устанавливающего правила и процедуры проведения Нюрнбергского процесса, были выделены следующие деяния, являющиеся преступлениями и влекущие за собой индивидуальную ответственность: преступления против мира; военные преступления и преступления против человечности, отличающиеся особым масштабом и тяжестью нанесенного вреда всей мировой ответственности как таковой [2, с. 192].

Согласно ст. 8 Устава: «Тот факт, что подсудимый действовал по распоряжению правительства или приказу начальника, не освобождает его от ответственности, но может рассматриваться как довод для смягчения наказания, если Трибунал признает, что этого требуют интересы правосудия» [3].

Рассуждая об итогах Нюрнбергского процесса, хочется обратить взгляд на историю зарождения основ международного гуманитарного права, когда на международных конференциях в Гааге, городе, связанном с «отцом науки международного права» Гуго Гроцием, в 1899 и 1907 гг. были приняты конвенции о законах и обычаях войны, впервые сформулировавшие и юридически закрепившие принципы гуманизации ведения войны, установившие ответственность государств и отдельных лиц за нарушение их положений и обязавшие государства, их подписавшие, знакомить свои вооруженные силы с требованиями конвенций, а также информировать об их содержании все гражданское население [4].

Таким образом стало формироваться международное гуманитарное право как совокупность международно-правовых норм, регулирующих принципы и правила, касающиеся средств и методов ведения военных действий, а также гуманитарной защиты гражданского населения, больных и раненых военнослужащих, а также военнопленных [5].

Но, как уже стало понятно, ни Гаагские конвенции 1899 и 1907 гг., ни Женевские конвенции 1864, 1906 и 1929 гг. о раненых и больных, ни Парижский пакт от 27 августа 1928 г. (Пакт Бриана-Келлога), провозглашающий отказ от войны как инструмента национальной политики, не смогли предотвратить начало новой, самой кровопролитной войны, связанной преступной нацистской идеологией и унесшей миллионы невинных жизней.

И на сегодняшний день войны так и не прекратились. Согласно Ассоциации исследования причин войн университета Гамбурга, после Второй мировой войны, к 2015 году по всему миру насчитывается не менее 280 войн, что говорит о том, что даже Женевские конвенции 1949 г., принятые почти сразу после завершения Второй мировой войны и Нюрнбергского Трибунала, являющиеся четвертым переработанным вариантом Женевской конвенции о раненых и больных, и три дополнительных протокола

к ним 1977 и 2005 гг., не были способны предотвратить начало новых войн [6].

Основной проблемой, препятствующей эффективной работе международного гуманитарного права, является большая привязанность международного права к политике как лоббированию собственных интересов и борьбе за власть и влияние в различных регионах. Большинство войн, в том числе и гражданских, как правило, были вызваны искусственно, путем их поддержки другими государствами или организациями, пользуясь тем, что, как было уже сказано, нормы международного права не кодифицированы, что вызывает некоторые расхождения в регулировании ими определенных правоотношений. В таком случае государства могут применять военную силу против другого государства как бы с целью предотвращения гуманитарной катастрофы или геноцида, именуемой гуманитарной интервенцией, для осуществления своих собственных геополитических планов.

К слову, в международном праве нет юридических понятий «гуманитарная интервенция», «многонациональные силы», как и нет четких границ их применения. Важнейшая проблема заключается в необходимости «очерчивания круга» ограничений применения силы в военных или даже в мирных условиях [7].

Не стоит также забывать, что достаточно большая часть военных конфликтов имела религиозный характер, но грань между религией и гуманитарным правом до настоящего времени остается малоизученной.

Справедливости ради стоит отметить, что нормы международного гуманитарного права оказывают определенное влияние на все мировое сообщество. Исходя из тех же данных Ассоциации исследований причин войн, несмотря на то, что с точки зрения гуманности гибель одного человека на войне – это уже много, количество жертв в различных войнах после Второй мировой войны, за исключением некоторых случаев, постепенно сокращается, и, на сегодняшний день, пытки и различного рода военные преступления, стало совершать гораздо труднее, чем раньше.

«Для того, чтобы дойти до цели, нужно, прежде всего, идти», – именно эти слова великого французского классика мировой литературы Оноре де Бальзака, на мой взгляд, соответствуют всей уже проделанной и до сих пор продолжающейся работе по формированию и повышению эффективности действия международного гуманитарного права.

Возвращаясь к итогам Нюрнбергского процесса, хочется отметить, что на войне сложно судить каждого отдельного человека. Разве можно наказывать целый народ, который и так понес наказание в форме многочисленных смертей своих родных, друзей и знакомых, в виде утраченного времени и многочисленных разрушений, которые вызвали небывалый рост бандитизма и бедности в обществе? Как судить «маленьких» людей,

заложников системы такого преступного государства, как Третий рейх, которого больше не существует? Справедливо ли судить людей, которые, не поддерживая преступную идеологию нацизма, поддались малодушию и пошли на сговор с нацистами под угрозой смерти их родных [8]?

Многие военные преступники, осужденные на Нюрнбергском процессе, уже тогда стали утверждать, что они все были заложниками нацистской системы и лишь исполняли приказ, за неисполнение которого они могли поплатиться не только званиями и должностями, но и своими собственными жизнями. И это утверждали высокопоставленные офицеры и приближенные Гитлера, но что, в таком случае, касается сотен тысяч обычных солдат, исполнявших приказ [8]?

И, пожалуй, на сегодняшний день этот вопрос до сих пор остается самым спорным и трудноразрешимым, ведь когда начинается война, то в нее в той или иной степени втянуты уже все.

Окончить свои рассуждения я бы хотел речью Главного британского обвинителя Шоукросса, чьими словами и завершился самый крупный международный трибунал над военными преступниками во всей мировой истории, уроки которого нам необходимо помнить и сегодня, чтобы вновь не допустить трагедии гибели миллионов жизней: «Этот процесс должен стать краеугольным камнем в истории цивилизации, принеся не только возмездие преступникам, не только показав, что в конечном итоге право торжествует над злом, но также показав, что все люди во всем мире (и здесь я не делаю разницы между друзьями и врагами) теперь будут определенно знать, что отдельный человек должен стоять выше государства... После этой Голгофы, через которую заставили пройти человечество, человечество, которое борется теперь за то, чтобы восстановить во всех странах мира самые обычные и простейшие вещи: свободу, любовь, взаимопонимание, – обращается к настоящему Трибуналу и восклицает: «Вот наши законы, пусть они восторжествуют!..» [9].

Список цитированных источников

1. Руденко, Р. А. Судебные речи выступления / Р. А. Руденко ; под ред. А. М. Рекункова. – М. : Юрид. лит., 1987. – 386 с.

2. Валеев, Р. М. Нюрнбергские принципы и их влияние на развитие современного международного права (к 60-летию Нюрнбергского процесса) / Р. М. Валеев, И. П. Сафиуллина // Московский журнал международного права. – 2006. – № 3. – С. 185–200.

3. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [Электронный ресурс] : [принят в г. Лондоне 08.08.1945]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901737883>. – Дата доступа: 14.04.2024.

4. Гаагские конвенции 1899 и 1907, о законах и обычаях войны [Электронный ресурс] // ВДПО. – Режим доступа: <https://вдпо.рф/enc/gaagskie-konventsii-1899-1907-o-zakonakh-i-obychayakh-voynu>. – Дата доступа: 14.04.2024.

5. Женевские конвенции : основа международного гуманитарного права [Электронный ресурс] // International committee of the Red Cross. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/document/zhenevskie-konvencii-osnova-mezhdunarodnogo-gumanitarnogo-prava>. – Дата доступа: 14.04.2024.

6. Число войн с 1945 года согласно данным Ассоциации исследований причин войн [Электронный ресурс] // Warconflict.ru – Режим доступа: <http://www.warconflict.ru/rus/statistika/?action=shwprd&id=1630>. – Дата доступа: 14.04.2024.

7. Пащенко, И. Ю. Актуальные проблемы международного гуманитарного права как новые вызовы современным международным отношениям [Электронный ресурс] / И. Ю. Пащенко // Электронный научно-методический журнал «Политика, государство и право». – Режим доступа: <https://politika.snauka.ru/2016/04/3852>. – Дата доступа: 14.04.2024.

8. Орда, Д. М. О праве войны и мира [Электронный ресурс] / Д. М. Орда // Электронный научно-методический журнал «Университет образовательных инноваций». – 2023. – № 2. – Режим доступа: http://www.euryedu.grsu.by/images/files/_2023/7.pdf. – Дата доступа: 10.04.2024.

9. Заключительная речь Главного обвинителя от Великобритании Х. Шоукросса. Стенограмма заседаний Международного военного трибунала от 26 и 27 июля 1946 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/163732#mode/inspect/page/97/zoom/4>. – Дата доступа: 14.04.2024.

Orda D. M., Grodno, Grodno State University named after Yanka Kupala, student of the Faculty of Law; Academic advisor: Kolozey M. Ya., Grodno, Grodno State University named after Yanka Kupala, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО ПЕРЕД ЛИЦОМ ИТ-АРМИИ

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW FACING IT-ARMY

Санталова А. В.

Россия, Москва,
НИУ ВШЭ,
магистрант 2-го курса

Научный руководитель

Русинова В. Н.

Россия, Москва,
НИУ ВШЭ,
руководитель департамента
международного права,
доктор юридических наук, профессор

Аннотация: Стремительно развивающиеся технологии ведения войны в киберпространстве порождают новые правовые проблемы, особенно в отношении статуса ИТ-специалистов. Однако способна ли существующая система международного гуманитарного права адекватно регулировать эту сферу?

Ключевые слова: международное гуманитарное право, кибероперации, ИТ-специалисты, *levée en masse*, гражданские лица, непосредственное участие в боевых действиях

Abstract: Rapidly developing cyberwarfare generates new legal challenges especially concerning the status of IT-specialists. However, is existing international humanitarian law framework capable to adequately regulate this sphere?

Key words: international humanitarian law, cyber operations, IT-specialists, *levée en masse*, civilians, direct participation in hostilities

«Cyber warfare does not play out in the abstract. Rather, it can have a profound impact on people's lives».
ICC chief prosecutor, Karim A. A. Khan

Introduction: Nowadays the world continues to be plagued by armed conflicts. About 27 conflicts are still ongoing [1]. In addition to traditional military methods, states are increasingly resorting to the use of information warfare tech-

nology. For instance, for the first time IT-army is being created [2]. Thus, the theater of war often begins to shift into a new dimension: cyberspace. Cyber operations may be used in the course of ongoing armed conflicts or autonomously. Although relatively few states have publicly admitted the use of such operations, a growing number of countries are advancing military cyber capacities. Therefore, their application in future is expected to be expanded [3, p. 483].

In the realm of strengthening the role and significance of IT-specialists, the participants of such cyber operations, they *de facto* enjoy a kind of immunity. International law as a regulator faces great difficulties because there are no special provisions governing the conduct of cyber operations and the status of their participants. There is a problem of understanding and lack of consensus about the extent to which their activities are condemned or encouraged. The existing consensus between states has developed at a very high level of abstraction so it hardly exceeds the extension of the scope of general international law to cybersphere. Therefore, the international legal assessment of the relevant cases is highly ambiguous [4, p. 49].

Hence, the following research question arises: to what extent does the current international legal regulation adequately address the question of the legal status of IT-specialists in armed conflicts?

Moreover, can the international humanitarian law («IHL») even be applicable to operations which do not involve kinetic force? This issue remains quite controversial [1] but for the purposes of this essay the author presumes its applicability.

Possibility of different legal qualifications of IT-specialists under the IHL

The notion «IT-specialists» or «hackers» embraces numerous people involved in a variety of activities. Many of them are likely to be considered as civilians who continue to be under the protection of IHL from direct attack. At the same time, they will still be targeted by law enforcement and potential criminal prosecution contingent on whether their actions breach other legal rules [5, p. 3–4]. This scenario changes if IT-specialists engage directly in hostilities through a cyber-attack supporting one of the parties to an armed conflict. Thus, hackers forfeit protection from a direct attack [5, p. 3–4].

In the course of an international armed conflict («IAC»), in cyber realm IT-specialists may be embedded explicitly within the regular armed forces in the manner of «military cyber units » [6], and, consequently, be qualified under IHL as *combatants*. If such specialists have a weaker connection to a party to the conflict, so they constitute irregular armed forces, they generally must satisfy specific requirement to be qualified as combatants. However, the applicability of such requirement as, for instance, to «carry arms openly » [9, Article 4(A)(2)(a-d)] is often debatable or practically impossible in cyber sphere [2]. The crux is to avoid cyber perfidy [26, Rule 60] carried out by non-authorized actors pretending to legitimate military status under false pretexts [7].

Another possible relevant category is *levée en masse*. It is sometimes regarded as even more applicable to cyber operations than to kinetic ones [8, p. 785]. Nevertheless, it might also be implausible in the cyber realm in practice [8, p. 780] due to several challenges: a restricted number of potential participants [9]; a lack of kinetic attack [10, p. 34]; a possibility of including attacks behind adversary front lines [8, p. 783] and a challenge of «carrying arms openly» [9, Article 4(A)(2)(a-d)]. If such a rebellion takes place on the occupied territory, its members must correspond to the criteria of the resistance movement's members while they often act autonomously or chaotically. If IT-specialists are not incorporated or assimilated in any abovementioned ways, they keep their status as *civilians* [6] or civilians «accompany[ing] armed forces without actually being members thereof».

Moving to a non-international armed conflict («NIAC»), the complexity of qualification of IT-specialists as *organized armed groups* arises due to their autonomous work [11, p. 463], lack of responsible command and internal disciplinary systems etc.

If hackers do not fall within this category, they may be qualified as *civilians* or persons «*directly participating in hostilities*». The second category is applicable to both IAC and NIAC and, at first glance, seems to be the most appropriate for the qualification of IT-specialists within the armed conflicts [12, p. 15; 13, p. 8; 14]. Nowadays armed forces, especially western ones, tend to outsource the activities of technical specialists to civilians [15, p. 279]. However, in IAC the acts of IT-specialists must comply with minimal gravity threshold of harm, the causal link between the act and this harm and the link between the act and ongoing military actions [15, p. 279] while in NIAC hackers must perform a continuous combat function [16, p. 34].

Thus, the variety of IT-specialists' activities determines the possibility of their different qualification. The qualification of a hacker as a part of regular armed forces during IAC seems to be less controversial than as a part of irregular armed forces or *levée en masse* in IAC or organized armed group in NIAC. The category of persons «*directly participating in hostilities*» sometimes seems to be the most perspective, however, it has its own ambiguities. Some IT-specialists perform only civilian functions and may be qualified only as such. Different legal consequences as availability of protection from attacks, prisoners of war status, responsibility for their actions etc. determine the importance of such a qualification. Thus, until the development of specific international legal regulation of the cyber sphere in general and IT-specialists in particular, the IHL paradigm may regulate this sphere, even though given a number of complexities.

International legal regulation's poor adequacy in assessing IT-specialists' status in armed conflicts

Even if the IHL is applicable to cyber operations in general and to IT-specialists in particular, how adequate is the existing legal regulation? One of the

most burning cases of contemporaneity is conflict between Russia and Ukraine, where more than 400 thousand people from all over the world entered Ukrainian IT-army by the beginning of March 2022 [17]. Assessing such requirements as inhabitation, the issue of occupation, carrying arms openly and the presence of attack in general, Ukrainian IT-Army is not likely to be qualified as *levée en masse*. Applying the «direct participation in hostilities» category to these actions is also ambiguous due to minimal gravity threshold and causal link [2].

As for another significant examples, cyber *levée en masse* may be seen in Russian-Georgian and Arab-Israeli conflicts [18, p. 172]. During the Ukraine and Russia conflict in 2014, there also were cyber-attacks from both sides, which may be potentially qualified as *levée en masse* [8, p. 781]. The example of Russian cyber-attacks on Georgian infrastructure in 2008 demonstrated the limitation of the criterion according to which the attacks should be restricted to invading groups and should not cross the frontline [8, p. 781]. The examples of Russian cyber-attacks in Estonia in 2007 and Georgia in 2008 also may not be qualified as «direct participation in hostilities», as the gravity threshold was not attained [15, p. 287]. The operation relating to disrupting Iran's uranium enrichment centrifuges through Stuxnet malware performed at the urging of the USA and Israel governments [19–21, p. 1112] potentially may have targeted the «direct participation in hostilities» according to the gravity of physical damage caused [15, p. 287]. Nevertheless, the armed conflict was not in presence, that is why the IHL is not applicable. However, both these example and DDOS attacks in Estonia in 2007 and in Georgia in 2008 [22, p. 263] may demonstrate the presence of cyber perfidy [7] and contribute to impunity problem.

The analysis of cases has demonstrated the difficulties of appliance the existing international legal regulation to adequately assess IT-specialists' status in armed conflicts. On the one hand, the IHL rules were formulated in such a way that allows to apply them to the widest possible number of weapons including future ones [23, p. 226]. On the other hand, many questions posed by the developing technological world, which could not have been foreseen in advance, raise heated debates [24]. This is particularly relevant to cyber sphere. The existing legal framework may cause significant distortions. Due to IHL terminology limitations it is highly difficult to distinguish to which exact category IT-specialists may be assigned to in a particular situation. This mix of possible statuses leads to the risk to other civilians who may be blended with IT-specialists. Sometimes the existing rules also demonstrate their definite practical inapplicability to real cases of cyber realm. They take into account such new capacities as remote location of IT-specialists so that the warfare theatre is the whole world. Thus, such statuses as prisoners of war become losing their relevance.

The difficulty of relating IT-specialists to «lawful combatants» meeting the required criteria may also result in a paradoxical situation when combatants using traditional lethal force and weapons which may cause civilian harm with

higher probability are often better protected than potential civilian combatants [25, p. 2]. On the contrary, IT-specialists locating miles away from the battlefield may have much greater influence and capabilities than traditional soldiers. Therefore, such new actors' status and consequent rights and protection should be properly and clearly defined.

To sum up, international legal regulation's adequacy in assessing IT-specialists' status in armed conflicts is limited primarily due to corresponding restrictions of terms used which are not adjusted to non-traditional armed conflicts' participants. International law as a regulator does not completely cope with new challenges that require new specific solutions. Nevertheless, in case of absence a special binding regulation in cyber sphere, the existing legal regulation is still necessary for limiting the actions of IT-specialists and their potential negative humanitarian ramifications.

Conclusion. The increasingly developing warfare technologies and the emergence of such new actors as IT-specialists generate new legal challenges. The variety of IT-specialists' activities and the lack of unified legal standards applicable in this sphere determines the possibility of their different qualification and corresponding complexity. The application of the IHL to assessing IT-specialists' status in armed conflicts may often lead to various distortions reducing this adequacy. This is primarily caused by terminological limits not adjusted to non-traditional armed conflicts' participants. Nevertheless, the existing regulation may become a suitable ground for the development of new specific solutions.

List of cited sources

1. Global Conflict Tracker [Electronic resource] // Official website. – Mode of access: <https://www.cfr.org/global-conflict-tracker>. – Date of access: 15.04.2024.

2. Buchan, R. Ukrainian 'IT Army': A Cyber Levée en Masse or Civilians Directly Participating in Hostilities? [Electronic resource] / R. Buchan, N. Tsagourias // EJIL :Talk! – Mode of access: <https://www.ejiltalk.org/ukrainian-it-army-a-cyber-levee-en-masse-or-civilians-directly-participating-in-hostilities>. – Date of access: 20.03.2024.

3. International humanitarian law and cyber operations during armed conflicts // International Review of the Red Cross (2020), 102 (913), 481–492. Digital technologies and war. – Mode of access: <https://international-review.icrc.org/sites/default/files/reviews-pdf/2021-03/ihl-and-cyber-operations-during-armed-conflicts-913.pdf>. – Date of access: 15.04.2024.

4. Rusinova, V. N. Qualification of Harmful Use of Information and Communications Technologies under International Law : In Search of a Consensus / V. N. Rusinova // Moscow Journal of International Law. – 2022. – № 1. – P. 38–51.

5. Cyberwarfare and international humanitarian law : the ICRC's position, ICRC, 2013 [Electronic resource] // ICRC. – Mode of access: <https://www.icrc.org/en/doc/assets/files/2013/130621-cyberwarfare-q-and-a-eng.pdf>. – Date of access: 10.03.2024.

6. Combatancy. International Cyber Law : Interactive Toolkit [Electronic resource] // Cyberlaw. – Mode of access: <https://cyberlaw.ccdcoe.org/wiki/Combatancy>. – Date of access: 07.05.2024.

7. Kostadinov, D. Jus in Cyber Bello: How the Law of Armed Conflict Regulates Cyber Attacks Part II. Infosec Resources [Electronic resource] / D. Kostadinov // Infosec. – Mode of access: <https://resources.infosecinstitute.com/topic/jus-cyber-bello-law-armed-conflict-regulates-cyber-attacks-part-ii>. – Date of access: 24.05.2024.

8. Waters, C. New Hacktivists and the Old Concept of Levée en Masse [Electronic resource] / C. Waters // SSRN. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2602314. – Date of access: 24.05.2024.

9. Schmitt, M. N. Tallinn manual on the international law applicable to cyber warfare [Electronic resource] / M. N. Schmitt // Cambridge University Press. – Mode of access: <https://www.cambridge.org/core/books/tallinn-manual-on-the-international-law-applicable-to-cyber-warfare/50C5BFF166A7FED75B4EA643AC677DAE>. – Date of access: 24.03.2024.

10. Melzer, N. Cyberwarfare and International Law [Electronic resource] / N. Melzer // UNIDIR. – Mode of access: <https://unidir.org/publication/cyberwarfare-and-international-law>. – Date of access: 20.05.2024.

11. Schmitt, M. N. Classification in Future conflict [Electronic resource] / M. N. Schmitt // SSRN. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2184843. – Date of access: 12.05.2024.

12. On the Application of International Law in Cyberspace [Electronic resource] // The Federal Government. – Mode of access: <https://documents.unoda.org/wp-content/uploads/2021/12/Germany-Position-Paper-On-the-Application-of-International-Law-in-Cyberspace.pdf>. – Date of access: 10.06.2024.

13. Application of international law to states' conduct in cyberspace: UK statement [Electronic resource] // Gov.uk. – Mode of access: <https://www.gov.uk/government/publications/application-of-international-law-to-states-conduct-in-cyberspace-uk-statement>. – Date of access: 18.06.2024.

14. Turns, D. Cyber warfare and the notion of direct participation in hostilities [Electronic resource] / D. Turns // JSTOR. – Mode of access: <https://www.jstor.org/stable/e26296223>. – Date of access: 19.04.2024.

15. Melzer, N. Interpretive Guidance on the Notion of Direct Participation in Hostilities under International Humanitarian Law [Electronic resource] / N. Melzer // ICRC. – Mode of access: https://www.icrc.org/sites/default/files/external/doc/en/assets/files/other/icrc._002_0990.pdf. – Date of access: 19.05.2024.

16. Schechner, S. Ukraine's 'IT Army' Has Hundreds of Thousands of Hacker, Kyiv Says [Electronic resource] / S. Schechner // The Wall Street Journal. – Mode of access: <https://www.wsj.com/livecoverage/russia-ukraine-latest-news-2022-03-04/card/ukraine-s-it-army-has-hundreds-of-thousands-of-hackers-kyiv-says-RfpGa5zmLtavrot27OWX>. – Date of access: 11.03.2024.

17. Dinniss, Heather Harrison Cyber Warfare and the Laws of War [Electronic resource] / Heather Harrison Dinniss // CAMBRIDGE. – Mode of access: https://assets.cambridge.org/97811070/11083/frontmatter/9781107011083_frontmatter.pdf. – Date of access: 19.05.2024.

18. Lahmann, H. The Future Digital Battlefield and Challenges for Humanitarian Protection: A Primer [Electronic resource] / H. Lahmann // SSRN. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=4088521. – Date of access: 15.05.2024.
19. Fairchild, R. When can a hacker start a war? Pacific Standard [Electronic resource] / R. Fairchild // Pacific Standard. – Mode of access: <https://psmag.com/environment/when-cyber-attack-constitutes-act-of-war>. – Date of access: 19.03.2024.
20. Schmitt, M. N. The use of cyber force and international law Standard [Electronic resource] / M. N. Schmitt // SCISPACE. – Mode of access: <https://typeset.io/papers/the-use-of-cyber-force-and-international-law-235ea75qub>The Oxford Handbook of the Use of Force in International Law. – Date of access: 11.05.2024.
21. Banks, W. Who Did It? Attribution of Cyber Intrusions and the Jus in Bello [Electronic resource] / W. Banks // SSRN. – Mode of access: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3191972Attribution of Cyber Intrusions and the Jus in Bello. – Date of access: 17.05.2024.
22. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons [Electronic resource] // Nuclear Weapons Case. – Mode of access: <https://www.ijl.org/wp-content/uploads/2016/08/Legality-of-the-Threat-or-Use-of-Nuclear-Weapons-1996.pdf>. – Date of access: 10.05.2024.
23. Rushing, E. Cyber operations during armed conflict: 7 essential law and policy questions [Electronic resource] / E. Rushing // ICRC Humanitarian Law & Policy Blog. – Mode of access: <https://blogs.icrc.org/law-and-policy/2020/03/26/cyber-armed-conflict-7-law-policy-questions>. – Date of access: 19.05.2024.
24. D’Urso, M. The cyber combatant: A new status for a new warrior [Electronic resource] / M. D’Urso // Springer Link. – Mode of access: <https://link.springer.com/article/10.1007/s13347-015-0196-9>. – Date of access: 06.05.2024.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА СОВРЕМЕННОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

THE NUREMBERG TRIAL AND ITS INFLUENCE ON MODERN INTERNATIONAL LAW

Соколова В. И.

г. Минск,

Международный университет «МИТСО»,

студентка 3-го курса юридического факультета

Научный руководитель

Макарова М. Ю.

г. Минск,

Международный университет «МИТСО»,

старший преподаватель кафедры

международного права, магистр

Аннотация: В статье анализируются принципы Нюрнбергского процесса, их влияние на развитие международного гуманитарного права и значимость для современных норм международного права.

Ключевые слова: Нюрнбергский процесс, принципы Нюрнбергского процесса, ответственность, международное право, международное гуманитарное право.

Annotation: The article analyzes the principles of the Nuremberg Trials, their influence on the development of international humanitarian law and their significance for modern norms of international law.

Key words: Nuremberg Trials, Nuremberg Trials Principles, Responsibility, International Law, International Humanitarian Law.

Нюрнбергский процесс, проведенный после Второй мировой войны, стал точкой перелома в развитии международного права, подчеркивая важность установления ответственности за нарушения прав человека. Принципы, заложенные в ходе этого процесса, стали основой для установления ответственности за военные преступления, преступления против человечности и преступления агрессии, что сыграло ключевую роль в развитии международного гуманитарного права.

Нюрнбергский процесс имел значительное влияние на создание и функционирование других уголовных трибуналов, как национального, так и международного уровня. Как утверждает В. В. Аванесян, «Судебная, организационная, нормативная виды деятельности Нюрнбергского процесса стали примером для учреждения Токийского трибунала на Дальнем Востоке для осуждения японских преступников Второй мировой войны, международных уголовных трибуналов по бывшей Югославии и Руанде, а также Международного уголовного суда, учрежденного на правовой основе Римского статута» [1, с. 18].

Нюрнбергский процесс установил важные нормы и принципы международного уголовного права, которые стали основой для последующих уголовных трибуналов и создания Международного уголовного суда. Устав Международного военного трибунала в Нюрнберге и приговор, вынесенный в ходе данного процесса, послужили началом стремительного развития международной уголовной юстиции на основе Нюрнбергских принципов судопроизводства.

Генеральная Ассамблея ООН 11 декабря 1946 г. приняла резолюцию «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского Трибунала», в которой предложила Комитету по кодификации международного права (позднее Комиссия международного права) рассмотреть в качестве вопроса первостепенной важности проекты, имеющие целью формулировку и внесение принципов, признанных Статутом Нюрнбергского трибунала и нашедших выражение в его решении, в общую кодификацию преступлений против мира и безопасности человечества или в международный уголовный кодекс» [2].

Деятельность Международного военного трибунала и принципы, сформулированные в Нюрнберге, стимулировали развитие международного уголовного и гуманитарного права, способствовали появлению других инструментов международного уголовного правосудия. В современном глобализированном мире, переполненном противоречиями и конфликтами, Нюрнбергские принципы остаются актуальными и необходимыми для обеспечения стабильности и мира.

Один из основных принципов Нюрнбергского процесса гласит, что «всякое лицо, совершившее какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, несет за него ответственность и подлежит наказанию» [3]. Принцип индивидуальной ответственности за совершение преступлений был введен для того, чтобы убедиться, что никто не может уклониться от ответственности за совершение тяжких преступлений против человечности, военных преступлений и преступлений во время войны. Данный принцип подчеркивает важность индивидуальной ответственности за свои действия независимо от положения или должности человека. Он стал одним из основополагающих принципов международного

уголовного права и продолжает играть важную роль в судебных процессах по всему миру, гарантируя справедливость и наказание за нарушение норм международного права.

«То обстоятельство, что по внутреннему праву не установлено наказания за какое-либо действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву» [3] – не менее важный принцип, который подчеркивает, что отсутствие установленного внутренним правом наказания за определенное действие не освобождает лицо, совершившее это действие, от ответственности по международному праву. Даже если внутреннее законодательство государства не предусматривает наказание за определенное преступление, признаваемое международным сообществом как преступление против человечности или военное преступление, лицо все равно может быть привлечено к ответственности в соответствии с международным правом.

Данный принцип направлен на поддержание универсальности и применимости международного права, обеспечивая, что лица, совершившие тяжкие преступления, не могут избежать наказания только потому, что их деяния не квалифицируются как преступления внутренним законодательством их государства. Принцип закрепляет важность соблюдения международных норм и стандартов в области прав человека и гуманитарного права.

Третий принцип Нюрнбергского процесса подчеркивает, что ни статус главы государства, ни должностное лицо правительства не могут служить основанием для освобождения от ответственности за совершение преступлений в соответствии с международным правом: «То обстоятельство, что какое-либо лицо, совершившее действие, признаваемое, согласно международному праву, преступлением, действовало в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства, не освобождает такое лицо от ответственности по международному праву» [3]. Даже если лицо действовало в качестве главы государства или ответственного должностного лица правительства, если его действия признаются международным сообществом как преступления, такие как военные преступления или преступления против человечности, оно не может быть освобождено от ответственности.

Этот принцип направлен на то, чтобы исключить возможность использования своего должностного положения в качестве защиты от наказания за тяжкие преступления. Он подчеркивает принцип равенства перед законом и важность соблюдения международных норм и стандартов в области прав человека и гуманитарного права даже в случае высоких должностных положений.

«То обстоятельство, что какое-либо лицо действовало во исполнение приказа своего правительства или начальника, не освобождает это лицо от

ответственности по международному праву, если сознательный выбор был фактически для него возможен» [3] – принцип, отражающий, что действие по приказу свыше не освобождает от ответственности за совершение преступлений в соответствии с международным правом, если лицо имело возможность сделать сознательный выбор и отказаться от выполнения преступного приказа. Даже если лицо действовало по приказу высшего начальства, если оно могло осознать незаконность своих действий и имело возможность отказаться от их выполнения, оно не может быть оправдано или освобождено от ответственности.

Принцип Нюрнбергского процесса о справедливом рассмотрении дела на основе фактов и права является одним из основополагающих принципов этого исторического судебного процесса. Этот принцип подчеркивает важность обеспечения каждому обвиняемому права на справедливое судебное разбирательство, где его дело будет рассмотрено на основе доказательств и соблюдения процедурных норм.

Принцип справедливого рассмотрения дела включает в себя право обвиняемого на защиту, возможность представления свидетельских показаний и доказательств в его пользу, а также обеспечение независимого и беспристрастного суда. Этот принцип направлен на защиту прав обвиняемых и обеспечение справедливости при вынесении решения по делу о международно-правовых преступлениях. Важно отметить, что соблюдение принципа справедливого рассмотрения дела является неотъемлемой частью принципов международного права и гарантирует защиту прав личности в контексте международного уголовного правосудия.

«Соучастие в совершении преступления против мира, военного преступления или преступления против человечности есть международно-правовое преступление» [3]. Лица, соучаствующие в таких преступлениях, могут быть привлечены к ответственности перед международными трибуналами, такими как Международный уголовный суд, или перед национальными судами согласно принципам универсальной юрисдикции. Данный принцип способствует укреплению принципов международной юстиции и прав человека. Он оказывает значительное влияние на развитие и соблюдение международного гуманитарного права, способствуя защите прав человека и поддержанию международного правопорядка.

В развитие идей Трибунала были приняты ряд международных правовых актов: Конвенция 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него, Конвенция 1965 г. о ликвидации всех форм расовой дискриминации, Конвенция 1973 г. о пресечении преступлений апартеида и наказании за него, а также Пакты о правах человека – Международный пакт о гражданских и политических правах и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Эти документы не только

продолжили идеи Трибунала, но и сформулировали новые принципы общего международного права [4, с. 199].

С точки зрения права, Нюрнбергский процесс представлял собой значительный прорыв в развитии международного права после Второй мировой войны, внедряя новые принципы и нормы. Этот процесс оказал значительное влияние на формирование и совершенствование международного гуманитарного права, особенно в области защиты военнопленных, раненых и больных в сухопутной и морской войне, а также защиты гражданского населения.

Под воздействием Нюрнбергского процесса нормы гуманитарного права расширились и охватили внутренние вооруженные конфликты. Принятие Женевских конвенций 1949 г. о защите жертв войны и их Дополнительных протоколов № 1 и 2 от 1977 г. стало ярким примером этого развития. Эти международные нормы установили стандарты защиты прав и гуманитарных принципов как во время вооруженных конфликтов, так и в их послевоенном периоде.

Следовательно, принципы Нюрнбергского процесса были разработаны с целью привлечения к ответственности лиц, совершивших серьезные нарушения прав человека и норм гуманитарного права во время Второй мировой войны. Через проведение справедливых судебных процессов и установление ответственности за преступления, принципы Нюрнбергского процесса способствуют процессу национального примирения и построению мира, а также укреплению господства права как основы международного порядка.

Как справедливо утверждает С. В. Глотова, «Нюрнбергский Трибунал явился важным шагом в развитии и применении международного гуманитарного права» [5, с. 48]. Нюрнбергский процесс сыграл ключевую роль в укреплении международного права и формировании норм, направленных на защиту человеческой жизни, недопустимость нарушений прав человека и соблюдение гуманитарных принципов даже в условиях вооруженных конфликтов.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы.

1. Принципы Нюрнбергского процесса остаются актуальными и значимыми для современного международного права. Они нашли отражение в национальном праве государств и международном праве, в том числе в международных договорах, судебной практике и доктрине. Они напоминают о необходимости установления ответственности за совершение преступлений, защите прав человека и поддержании мира и стабильности в мире. Основопологающие правовые начала Нюрнбергского процесса продолжают служить основой для развития международного уголовного права и укрепления правопорядка в мировом сообществе.

2. Нюрнбергский процесс остается одним из самых значимых событий в истории международного права. Его значение для развития международного уголовного права и установления стандартов ответственности за военные преступления неопределимо. Наследие Нюрнбергского процесса продолжает жить и напоминать о необходимости соблюдения международных норм и принципов в области международного гуманитарного права.

Список цитированных источников

1. Аванесян, В. В. Нюрнбергский трибунал и геноцид / В. В. Аванесян // Общество и право. – 2011. – № 3 (35). – С. 17–21.

2. Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского Трибунала [Электронный ресурс] : одобр. резолюцией 95 (I) Генер. Ассамблеи, 11 декабря 1946 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_95-I/ga_95-I_ph_r.pdf. – Дата доступа: 17.04.2024.

3. Принципы международного права, признанные статутом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении этого Трибунала [Электронный ресурс] : Работа Комиссии международного права, 3-е изд. – Нью-Йорк : ООН, 1982 // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/principles.shtml#a1. – Дата доступа: 18.04.2024.

4. Валеев, Р. М. Нюрнбергские принципы и их влияние на развитие современного международного права (к 60-летию Нюрнбергского процесса) / Р. М. Валеев, И. П. Сафиуллина // Московский журнал международного права. – 2006. – № 3. – С. 185–200.

5. Уроки Нюрнберга и актуальные проблемы международного права : материалы круглого стола / Д. Л. Пчеляков [и др.] ; под ред. К. И. Косачева. – М. : Издание Гос. Думы, 2011. – 120 с.

Sokolova V. I., Minsk, International University «MITSO», Law Faculty;
Makarova M. Yu., Minsk, International University «MITSO», senior lecturer of International Law Department, Master.

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

INFORMATION WARS IN THE CONTEXT OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Сулковский Н. П.

г. Минск,

Белорусский государственный экономический университет,
студент 2-го курса факультета права

Научный руководитель

Мазаник Е. Н.

г. Минск,

Белорусский государственный
экономический университет,
доцент кафедры международного
экономического права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: В работе автором проводится исследование содержания информационной войны в контексте международного гуманитарного права, ее воздействия на общество.

Ключевые слова: информация, информационная война, информационная безопасность, пропаганда, информационные ресурсы.

Annotation: In the work, the author conducts a study of the content of information warfare in the context of international humanitarian law, its impact on society.

Key words: information, information warfare, information security, propaganda, information resources.

Информация является одним из самых ценных ресурсов в современном мире. Она играет ключевую роль во всех сферах жизни, от бизнеса до науки и образования. Без доступа к надежной и актуальной информации мы не можем эффективно управлять нашими ресурсами, достигать поставленных целей и решать проблемы.

Множество определений информационной войны связано со сложностью и многогранностью этого явления, трудностью построения аналогий с традиционными войнами.

Проблема информационных войн стала актуальной в современном информационно-цифровом обществе, где использование информационных технологий и медиа превратилось в эффективный инструмент пропаганды, манипуляции общественным мнением и вмешательства во внутренние дела других стран. В этом контексте международное гуманитарное право испытывает множество вызовов, поскольку информационные войны противоречат его принципам и создают проблемы для его применения.

Нормы международного гуманитарного права (далее – МГП), основной целью которых является защита жертв войны, а также ограничение применения жестоких средств и методов ведения вооруженной борьбы, вступают в действие в период вооруженных конфликтов. Для правильного понимания такого понятия, как «вооруженный конфликт», необходимо уяснить разницу в употреблении терминов «вооруженный конфликт» и «война», а также понять, чем они отличаются от «информационной войны».

Представляется, что «вооруженный конфликт» можно определить следующим образом: «вооруженное столкновение ограниченного масштаба между государствами (международный вооруженный конфликт) или противостоящими сторонами в пределах территории одного государства (внутренний вооруженный конфликт)» [1].

Содержанием войны является применение силы одним государством с целью навязать свою волю другому. В соответствии с традиционным пониманием, МГП регламентировало допустимость или недопустимость действий, причиняющих вред, лишь в случае возникновения состояния войны между государствами. Таким образом, понятие войны в международном праве имело решающее значение не только в вопросе о запрещенной и недопустимой силе, но и в вопросе об определении сферы применения целой отрасли права [2, с. 873–874].

Информационная война – понятие неоднозначное. В широком смысле под информационной войной можно понимать любое негативное информационное воздействие на противника. Ранее такое воздействие носило наименование пропаганды или идеологической войны, но с появлением Интернета и широкого применения электронных средств коммуникации круг участников такого воздействия, а также разнообразие его видов и форм увеличились.

Отдельные авторы предлагают относить к информационному оружию только то, которое предназначено для поражения информационных систем военного действия (средства радиопомех, оружие электромагнитного импульса и направленной энергии) и специальных программных систем (компьютерные вирусы, компьютерные черви, троянские программы, утилиты скрытого администрирования) [3]. Таким образом, к информационному оружию целесообразно относить информационные системы, способные причинить прямой вред.

С помощью средств и методов ведения информационной войны достигается цель интенсивного воздействия на различные социальные процессы (в военной, экономической и политической сферах), протекающие на уровне общественно-государственного устройства любой страны в любом регионе мира.

Исторически информационное противоборство возникло как составная часть вооруженной борьбы. Еще в древности противоборствующие стороны использовали средства духовного воздействия, чтобы ослабить моральный дух и боевую мощь противника, а также поднять боевой дух своих войск. Самая ранняя из известных форм воздействия на противника не боевыми средствами – устрашение его своей (иногда мнимой) боевой мощью, – возникла достаточно рано. Ее следы мы видим в вооруженных столкновениях племен в эпоху разложения первобытнообщинного строя, в войнах рабовладельческих государств. Под воздействием страха, особенно в бою, когда нет времени для обдумывания своего поведения, противник принимал решение о сдаче или бегстве практически рефлекторно.

Так, обратившись к истории, пример информационного противоборства мы видим во время Второй мировой войны. Оно осуществлялось, во-первых, в форме фронтовой пропаганды, то есть в виде миллионов листовок и плакатов, обращенных к солдатам. Во-вторых, в форме кампании, развернутой в прессе, которая, благодаря своей организации и методам психологического воздействия, доносила свои идеи до самых отдаленных уголков света. Пропагандистскими свойствами обладало также и радио.

Советское руководство обладало большим опытом военной пропаганды, но из-за внезапности наступления Германии не смогло в полной мере применить методы антифашистской пропаганды в первые дни войны. Отдел ТАСС по контрпропаганде, в адрес противника, представлял собой авторитетную организацию, которая являлась мощным информационным рычагом воздействия на противника. Возникающие здесь идеи в основном распространялись при помощи радио. Но такой же технической возможностью в равной мере обладал и противник. Радио позволило объединять в определенное и самое короткое время миллионы людей в одну, напряженно слушающую аудиторию. Как показал опыт, психологически наиболее действенной была та форма, в которой передавались особо важные сообщения (перед началом передачи оркестр фанфаристов из 100 человек исполнял определенную мелодию). Такое оформление заставляло прислушаться к голосу диктора даже тех, кто не проявлял к этому интереса, и кто полностью отвергал всякую пропаганду, в какой бы форме она ни распространялась [4, с. 357].

Пропаганда и информационная война являются мощными инструментами воздействия на массовое сознание и могут использоваться для до-

стижения различных целей, включая политические и военные. Исторические примеры показывают, что пропаганда играла важную роль во времена военных конфликтов и в мирное время. Важно осознавать и понимать принципы работы пропаганды и информационных технологий, чтобы быть более критически настроенными к поступающей информации и не поддаваться манипуляциям. В итоге, осознание и понимание этих процессов поможет обществу быть более защищенным от влияния враждебных сил и сохранить свою независимость и суверенитет.

В настоящее время в связи с быстрым развитием информационных ресурсов, технологий и средств массовой информации, понятие «информационная война» стало широко используемым. Информационные войны представляют собой «новое поколение» войн, которые основаны на специальной структурированной информации и манипулировании ею.

Стоит признать, что в информационном обществе информационная война может являться одним из основных инструментов достижения политических целей. Войны такого типа являются тем фактором, который может в значительной степени изменить направленность геополитических процессов и отношений в современном обществе. Последствия акций и ударов информационной войны могут изменить саму структуру информационного пространства (в частности, маршруты следования потоков и положение узлов притяжения информационных потоков, а также приоритет и монополию в разработке и внедрении передовых информационных и коммуникационных технологий одних субъектов геополитической конкуренции относительно других), а также к отчуждению (экономическому, культурному, юридическому отделению) части территории государства и перераспределению других видов стратегически важных ресурсов [5, с. 60].

Информационные войны представляют собой использование информационных технологий для воздействия на информационную безопасность или информационные системы другого государства или организации. Целью таких войн может быть остановка межкультурных коммуникаций, дезинформация. Множество СМИ освещают происходящие события, делают их достоянием всего мира. В условиях войны в информационном поле могут появляться недостоверные, непроверенные материалы, которые выдаются за действительность.

МГП, выступая в качестве отдельной отрасли международного права, имеет своим назначением защиту жертв войны, минимизацию страданий и лишений, которые вынуждены претерпевать лица, вовлеченные в вооруженный конфликт. В Хельсинкском Заключительном акте 1975 г., который заложил основу Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, государства-участники обязались, среди прочего, поддерживать в отношениях друг с другом «атмосферу доверия и уважения между народами, отвечающую их обязанности воздерживаться от пропаганды агрессивных войн»

против другого государства-участника [6]. Но, нередко, как независимыми СМИ, так и некоторыми государствами в целом, это обязательство нарушается, что, по сути, ограничивает право людей на достоверную информацию.

Также использование технологий искусственного интеллекта может многократно увеличить масштабы распространения «информационного террора» или вовсе исказить реальность с помощью генерации фото или видеоматериалов. Современные технологии позволяют не только обеспечить широкое распространение опасного контента, но и быстро создавать убедительные подделки, распространять дезинформацию в рамках информационной войны. Хотя распространение дезинформации не является чем-то новым в настоящее время, искусственный интеллект предлагает беспрецедентные возможности для масштабирования и таргетирования таких кампаний, особенно в сочетании с широким спектром платформ социальных сетей.

Информационные технологии действительно упрощают нашу жизнь, однако они могут также стать идеальным плацдармом для будущей информационной войны с искусственным интеллектом в качестве мотора. Искусственный интеллект может обучаться не для того, чтобы остановить страдания, а для того, чтобы стать более эффективным в следующей войне – войне с применением ИИ-технологий. Однако существует возможность обучения искусственного интеллекта определению недостоверных источников информации с помощью сравнения различных источников, откуда поступает контент во Всемирную паутину, и, таким образом, стремиться снизить возможность информационных атак на общество.

Информация является ценным ресурсом в современном мире, и ее роль во всех сферах жизни трудно переоценить. Отсутствие доступа к надежной и актуальной информации также может быть использовано для манипуляции и проведения информационных войн. Определение понятия «информационная война» представляет собой сложную задачу из-за многообразия ее форм и методов. В отличие от традиционной войны, информационная война не имеет четко определенных субъектов, начала и окончания, а также линии фронта. Успех проводимых информационных операций не имеет прямой связи с соотношением военных потенциалов сторон.

Список цитированных источников

1. Военная доктрина Российской Федерации [Электронный ресурс]: утв. Президентом Рос. Федерации 25 дек. 2014 г., № Пр-2976. – Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/security/military/document129/>. – Дата доступа: 03.04.2024.

2. Международное право / под ред. В. Г. Витцтума. – М.-Берлин: Инфротопик Медиа, 2011. – 992 с.

3. Черепанова, Е. А. Международно-правовой статус информационной войны и информационного оружия [Электронный ресурс] / Е. А. Черепанова // Новый юридический вестник. – 2020. – № 6 (20). – С. 71–73. – Режим доступа: <https://moluch.ru/th/9/archive/171/5325/>. – Дата доступа: 28.04.2024.

4. Советская пропаганда в годы Великой Отечественной войны : «коммуникация убеждения» и мобилизационные механизмы / публ. подг. А. Я. Лившин и И. Б. Орлов. – М. : РОССПЭН, 2007. – 806 с.

5. Савин, Л. В. Сетецентричная и сетевая война. Введение в концепцию / Л. В. Савин. – М. : Евразийское движение, 2011. – 130 с.

6. Final Act of Helsinki [Electronic resource] // Conference on Security and Cooperation in Europe (CSCE). – Mode of access: <https://www.osce.org/files/f/documents/5/c/39501.pdf>. – Date of access: 03.04.2024.

Sulkovski N. P., Minsk, Belarusian State Economic University, Law faculty; Academic advisor: Mazanik E. N., Minsk, Belarusian State Economic University, Associate Professor of the Department of International Economic Law, Candidate of Law, Associate Professor.

НЮРНБЕРГСКИЙ ПРОЦЕСС: ИСТОРИЯ, ЗНАЧИМОСТЬ И АКТУАЛЬНОСТЬ МЕЖДУНАРОДНОЙ УГОЛОВНОЙ ЮСТИЦИИ

THE NUREMBERG TRIALS: HISTORY, SIGNIFICANCE AND RELEVANCE OF INTERNATIONAL CRIMINAL JUSTICE

Чернышев В. А., Копа К. В.

г. Минск,

Академия управления

при Президенте Республики Беларусь,

студенты 1-го курса Института управленческих кадров

Научный руководитель

Атрушкевич М. М.

г. Минск,

Академия управления

при Президенте Республики Беларусь,

доцент кафедры социально-гуманитарных

и историко-правовых дисциплин,

кандидат исторических наук, доцент

Аннотация: В статье описывается значимость Нюрнбергского процесса для развития международного права. Упомянется история возникновения идеи учреждения международного Трибунала и принципы его деятельности, а также процессуальные аспекты и основные результаты работы Нюрнбергского международного военного трибунала. Освещается актуальность темы и необходимость дополнительных исследований в области уголовного преследования за массовые тяжкие преступления против человечества. Отмечается, что международно-правовые последствия Нюрнбергского процесса до сих пор остаются важными и требуют дальнейших обсуждений и изучения, учитывая современные вызовы в области прав человека и международного права.

Ключевые слова: преступления против человечности, трибунал, Женевские конвенции, мировой правопорядок, международный терроризм.

Annotation: The article describes the significance of the Nuremberg trials for the development of international law. The history of the idea of establishing an international Tribunal and the principles of its activities, as well as the procedural aspects and main results of the work of the Nuremberg International Military Tribunal are mentioned. The relevance of the topic and the need for additional research in the field of criminal prosecution for mass serious crimes are highlighted. It is noted that the international legal consequences of the Nuremberg Trials

still remain important and require further discussion and study, taking into account modern challenges in the field of human rights and international law.

Key words: crimes against humanity, tribunal, Geneva Conventions, world law and order, international terrorism.

Прошло почти 80 лет с момента окончания Нюрнбергского процесса, но многие вопросы, поднятые в ходе этого процесса, по-прежнему остаются важными для современного международного права. Еще в 1872 году основатель Красного Креста Гюстав Мунье высказал идею создания национальной организации, которая могла бы судить лиц, обвиняемых в массовых тяжких преступлениях, совершенных во время франко-прусской войны. В 1919 году на Парижской мирной конференции была создана комиссия, которая пришла к выводу о необходимости создания международного трибунала для уголовного преследования лиц, подозреваемых в нарушении законов и обычаев войны. Важным этапом в развитии института международной уголовной ответственности физических лиц стала деятельность Нюрнбергского международного военного трибунала. Из 24 обвиняемых в главных военных преступлениях Второй мировой войны 12 были приговорены к смертной казни: Герман Геринг, Иоахим фон Риббентроп, Вильгельм Кейтель, Альфред Розенберг, Эрнст Кальтенбруннер, Мартин Борман, Ганс Франк, Вильгельм Фрик, Юлиус Штрейхер, Фриц Заукель, Артур Зейсс-Инкварт, Альфред Йодль; семеро – к тюремному заключению: Рудольф Гесс, Вальтер Функ, Эрих Редер – к пожизненному; Бальдур Фон Ширах, Альберт Шпеер – к 20 годам заключения; Константин фон Нейрат – к 15 годам заключения; Карл Дениц – к 10 годам заключения. Трое были оправданы: Ганс Фриче, Франц фон Папен, Ялмар Шахт. Преследование двух обвиняемых не было завершено из-за самоубийства Роберта Лея и болезни Альфреда Круппа. Подготовка к Нюрнбергскому процессу и сбор доказательств – темы, требующие дальнейшего изучения [1, с. 12].

На Московской конференции министров иностранных дел в октябре-ноябре 1943 года Вячеслав Молотов, Энтони Иден и госсекретарь США Корделл Хэлл заключили конфиденциальное соглашение, включающее ответственность гитлеровцев за их преступления. В данном соглашении не было упоминания о создании международного трибунала, а предполагалось, что судебные процессы будут проводиться в странах, где преступления были совершены. Тем не менее, этот секретный протокол, что являлось редким случаем в истории, был опубликован в газетах на следующий день с подписями Сталина, Рузвельта и Черчилля.

Еще на Ялтинской конференции Сталин и Молотов аргументировали, что военных преступников следует судить перед всем человечеством, однако Черчилль высказался против этой идеи. Рузвельт сказал: «Процедура суда должна быть менее формальной, и при всех обстоятельствах не

должны присутствовать корреспонденты и фотографы». Только в Потсдаме, когда война в Европе уже завершилась, было принято окончательное решение передать главных военных преступников под суд трибунала. И именно Советский Союз настоял на том, чтобы они были названы поименно [2, с. 2].

Международно-правовые последствия Нюрнбергского процесса по-прежнему актуальны и требуют дальнейшего изучения. Преступления против человечности продолжают совершаться по всему миру, а попытки пересмотреть пост-Нюрнбергский мировой порядок растут. Эти тенденции стали особенно заметными после распада СССР. В Беларуси результаты Нюрнбергского процесса актуализируются в новом контексте. Нюрнбергский процесс установил ответственность лидеров нацистской Германии и в его ходе принял ряд международно-правовых документов, которые могут быть использованы для борьбы с современным международным терроризмом. В частности, в 1945 году был принят Статут Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран Оси. Этот документ установил важные положения, которые давали трибуналу право судить и наказывать лиц, совершивших преступления против мира, военные преступления и преступления против человечности, в интересах европейских стран. К военным преступлениям или нарушениям законов войны относятся убийства, пытки, порабощение гражданского населения на оккупированных территориях, убийства или пытки военнопленных, убийство заложников, разрушение городов и деревень без военной необходимости. Преступления против человечности, такие как убийства, разрушения, угнетение, преследование и преследование по политическим, расовым или религиозным мотивам, совершенные против гражданского населения до или во время войны, также подпадают под эту категорию [3, с. 7].

Руководители, организаторы, подстрекатели и соучастники, участвующие в подготовке или осуществлении совместного плана или сговора с целью совершения таких преступлений, несут ответственность за действия всех лиц, участвующих в таких планах. Должность или статус главы государства или должностного лица не освобождают их от ответственности и не смягчают наказание. Хотя подсудимые могли действовать по указанию правительства или командиров, это не освобождает их от ответственности, хотя и может быть учтено при смягчении наказания. Если Нюрнбергский трибунал признавал определенные группы или организации преступниками, национальное правительство имело право судить их в военном или оккупационном трибунале. В этих случаях преступный характер группы или организации считался доказанным и обжалованию не подлежал [3, с. 21].

Принципы международного права, установленные Нюрнбергским трибуналом и отраженные в его решении 1950 года, по-прежнему актуальны для юридической науки. Нюрнбергские принципы, направленные на создание международной системы правосудия и закладывание основ международных норм уголовного правосудия за военные преступления, остаются важными. Как отмечает С. В. Черниченко, Нюрнбергский процесс стал отправной точкой развития международного уголовного судопроизводства, а Нюрнбергские принципы сыграли значительную роль в развитии национального права различных стран. Этот документ содержит ряд ключевых положений. Любой, кто совершает действия, признанные преступлениями по международному праву, должен быть привлечен к ответственности и наказан. Лица, обвиняемые в международных преступлениях, имеют право на справедливое судебное разбирательство, основанное на фактах и законе.

В результате Нюрнбергского процесса был создан Международный уголовный суд, который функционирует на основе Римского статута Международного уголовного суда 1998 г. Этот суд обладает юрисдикцией над лицами, причастными к тяжким преступлениям, вызывающим международное беспокойство, и играет дополнительную роль в укреплении национальных систем уголовного правосудия [4, с. 211].

Международный уголовный суд обладает необходимой международной юрисдикцией для выполнения своих функций и достижения своих целей. Его юрисдикция ограничена наиболее серьезными преступлениями, вызывающими обеспокоенность всего международного сообщества, включая геноцид, преступления против человечности, военные преступления и преступления агрессии. Важно отметить, что под термином «геноцид» понимаются действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальных, этнических, расовых или религиозных групп в целом, включая убийство членов этих групп, причинение им тяжкого физического или морального вреда, создание условий для их физического уничтожения, ограничения рождаемости и принудительного перемещения детей из одной группы в другую. Преступления против человечности включают такие действия, как убийства, разрушения, угнетение, депортацию, незаконное тюремное заключение, пытки, сексуальные преступления и другие формы насилия [5, с. 8].

Военные преступления являются серьезными нарушениями Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., к которым относятся такие действия против лиц или имущества, как умышленное убийство, пытки, причинение страданий или телесных повреждений, незаконное уничтожение имущества, принуждение военнопленных к службе врагу. Тем не менее, Междуна-

родный уголовный суд, несмотря на свою деятельность, не оправдал возложенных на него ожиданий и не стал подлинно независимым органом международного правосудия.

Во время Нюрнбергского процесса обвиняемый имел право на личную защиту или помощь адвоката. Они могли пригласить любого защитника, и по просьбе подсудимого Трибунал обеспечивал присутствие защитника на судебных заседаниях. Обвиняемых защищали 27 известных немецких адвокатов [6, с. 15]. Нюрнбергский процесс был открытым, и все 403 процесса были открытыми. Все заявления тщательно записывались стенографистами. Процесс проводился на четырех языках, включая немецкий. Более 250 корреспондентов представляли прессу и радио, передавая информацию о ходе процесса во все страны. Вопросы, связанные с принципами Нюрнбергского процесса, представляют научный интерес и требуют дальнейшего серьезного исследования. Нюрнбергский процесс стал прецедентом в сфере международного права. Одной из главных его заслуг стало воплощение принципа равенства всех перед законом и обеспечение неотвратимости наказания. Кроме того, важно, что Нюрнбергский процесс был организован в соответствии с принципами справедливого судебного разбирательства. Оно не носило формального характера и не определило исход дела, о чем свидетельствует тот факт, что, несмотря на тяжесть преступлений, в которых обвинялись подсудимые, только 11 из них были приговорены к смертной казни, а трое оправданы.

Основные принципы были сформулированы и реализованы в Статуте, Регламенте и в ходе Нюрнбергского процесса, в частности принцип законности, принцип равенства перед законом и судом, принцип состязательности и равенства сторон, принцип обеспечения права на защиту и принцип гласности. Каждый из этих принципов заслуживает дальнейшего рассмотрения. Принцип законности предполагает, что Комитет прокуроров и Суд действовали на основании норм, заложенных в нормативных документах. Принцип равенства перед законом и судом гарантировал, что служебное положение подсудимых не являлось основанием для освобождения от ответственности или смягчения наказания. Это предусмотрено ст. 3 Статута, и иммунитеты не применялись. Высшие чиновники Третьего рейха были привлечены к ответственности, что опровергло средневековый принцип «Короли подчиняются только Богу» [7, с. 48]. Хотя принцип состязательности и равенства сторон в документах не был четко сформулирован, есть все основания полагать, что функции обвинения, защиты и правосудия были разделены.

Согласно ст. 4 Устава Международного Военного Трибунала, для достижения кворума требуется присутствие всех четырех членов Трибунала или их заместителей, которые заменяют отсутствующих членов. Перед началом судебного процесса члены Трибунала согласовывают выбор пред-

седателя из своего числа. Решения принимаются Трибуналом большинством голосов, при этом голос председательствующего имеет решающее значение. Вопросы виновности и назначения наказания решаются всегда большинством голосов, не менее трех членов Трибунала [8, ст. 4].

В состав Международного Военного Трибунала входили: заместитель председателя Верховного Суда Советского Союза генерал-майор юстиции И. Т. Никитченко и полковник юстиции А. Ф. Волчков – со стороны СССР; бывший генеральный прокурор Ф. Биддл и Джон Паркер – со стороны США; главный судья Джеффри Лоуренс и Норман Биркет – от Великобритании; профессор уголовного права Анри Доннедье де Вабр и Роберт Фалько – от Франции.

В ст. 23 Устава указаны субъекты, осуществляющие функции обвинения и защиты. Комитет прокуроров в составе генеральных прокуроров СССР (Роман Руденко, Юрий Покровский), США (Роберт Джексон, Сидни Олдерман), Великобритании (Хартли Шоукросс, Дэвид Максвелл-Файф) и Франции (Франсуа де Ментон, Август Шампетье де Рибо) и их заместителей составил обвинительное заключение и представил его на судебном заседании. Защиту обеспечивали подсудимые и адвокаты. Суд не встал на сторону обвинения и защиты. Здесь следует отметить два аспекта: независимость суда и его деятельность. Обвиняемые, такие как Геринг, пытались изобразить этот процесс как политическую резню, учиненную победителями над побежденными. Однако несмотря на то, что в состав суда вошли представители четырех стран-победительниц Второй мировой войны, порядок судебного разбирательства и приговор свидетельствуют о независимости суда, прежде всего со стороны обвинения и защиты. При этом суд предоставил сторонам процессуальные возможности реализовать свои права. Именно в Нюрнберге были сформулированы доктрины «*jus ad bello*» и «*jus ad bellum*» и их различие впервые получило должное внимание в международном праве. Первая доктрина касается принципов правил ведения войны, а вторая – справедливости или законности ведения войны [9, с. 71].

Таким образом, можно сделать вывод о сохраняющейся актуальности и важности Нюрнбергского трибунала и его решений. Факты показывают, что Нюрнбергский военный трибунал имел свои уникальные процессуальные особенности и действовал на основе принципов, которые до сих пор лежат в основе процессуального права многих стран. Нюрнбергские принципы оказали существенное влияние на развитие мирных процессов и формирование новых отраслей и институтов современного международного права, в том числе международного уголовного права. Сейчас, спустя 78 лет после завершения Нюрнбергского трибунала, перед мировым сообществом вновь стоит задача выработки совместных мер по обеспечению безопасности мира.

Список цитированных источников

1. Стенограмма Нюрнбергского процесса. Т. I / изд. 2-е, испр. и доп.; пер. с англ. и сост. С. Мирошниченко. – М. : Милитера, 2018. – 538 с.
 2. Лебедева, Н. С. Подготовка Нюрнбергского процесса / Н. С. Лебедева. – М. : Академия наук СССР. Институт всеобщей истории, 1975. – 238 с.
 3. David, E. Principes de droit des conflits armés / E. David. – Bruylant, Bruxelles, 2012. – 1152 p.
 4. Нюрнбергский процесс : сб. материалов : в 8 т. / отв. ред., автор предисл. А. М. Рекунков. – М. : Юрид. лит., 1987. – Т. 1. – 688 с.
 5. Ни давности, ни забвения... : по материалам Нюрнбергского процесса : сб. / ред. и автор предисл. Л. Н. Смирнов. – М. : Юрид. лит., 1983. – 400 с.
 6. Бойков, А. Д. Адвокаты в Нюрнбергском процессе / А. Д. Бойков // Ученые труды Рос. акад. адвокатуры и нотариата. – 2009. – № 3 (14). – С. 5–15.
 7. Полянский, Н. Н. Международный военный трибунал / Н. Н. Полянский ; под ред. : Н. М. Рычков. – М. : Юрид. изд-во МЮ СССР, 1946. – 48 с.
 8. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [Электронный ресурс] : [принят в г. Лондоне 08.08.1945]. – Режим доступа: <https://docs.cntd.ru/document/901737883>. – Дата доступа: 14.04.2024.
 9. Толочко, О. Н. Международное гуманитарное право : учеб. пособие / О. Н. Толочко. – Гродно : ГрГУ, 2003. – 88 с.
- Chernyshev V. A., Kopa K. V., Minsk, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Public administration and law faculty; Academic advisor: Atrushkevich M. M., Minsk, Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, Associate Professor of the Department of Social, Humanitarian and Historical-Legal Disciplines, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor.

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО В ЭПОХУ ГИБРИДНЫХ ВОЙН: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW IN THE AGE OF HYBRID WARS: CHALLENGES AND PROSPECTS

Швед Б. П.

г. Минск,
Белорусский государственный
экономический университет,
студент 2-го курса факультета права

Научный руководитель

Мазаник Е. Н.

г. Минск,
Белорусский государственный
экономический университет,
доцент кафедры
международного экономического права,
кандидат юридических наук, доцент

Аннотация: В работе дан подробный анализ гибридных войн как современной формы вооруженных конфликтов, приведены основания для разработки и принятия норм, направленных на их урегулирование.

Ключевые слова: гибридная война, асимметричная война, информационная война, кибероперация, «цифровая эмблема».

Annotation: The article gives a detailed analysis of hybrid wars as a modern form of armed conflict, and provides reasons for the development and adoption of norms aimed at their settlement.

Key words: hybrid warfare, asymmetric warfare, information warfare, cyber operation, «digital emblem».

Современный мир стал свидетелем трансформации вооруженных конфликтов, где традиционные формы ведения военных действий все чаще сменяются гибридными, объединяющими вооруженные действия с использованием информационного пространства и других нетрадиционных средств. Этот вид вооруженных конфликтов под названием «гибридная война» характеризуется масштабностью, сложностью и использованием

широкого спектра инструментов для достижения политических и военных целей, а также категорическим изменением устоявшихся в обществе понятий фронта, тыла, временных рамок конфликта и статуса его участников.

Гибридная война как угроза подрыва суверенитета создает серьезные проблемы в области национальной безопасности, поскольку существующие международные инструменты и механизмы для контроля за такими нарушениями нередко недостаточны и неэффективны [1, с. 28–29]. Одной из ее особенностей является неформальный характер, что затрудняет противодействие и определение субъектов, подлежащих ответственности. Это обстоятельство подчеркивает необходимость разработки комплексного подхода к реакции на угрозу гибридных войн, основанного на сотрудничестве и координации усилий участников международного сообщества.

Впервые данный термин под наименованием «асимметричной войны» прозвучал в работе исследователя Эндрю Мака «Почему великие нации проигрывают маленькие войны: Политика асимметричной войны». В данной работе автор показал, что поражения великих держав обусловлены отсутствием достаточного понимания силы, где военное и технологическое превосходство может быть весьма ненадежным показателем исхода вооруженного конфликта [2, с. 175], предоставив существенным доказательством феномена такой войны продолжительное противостояние Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки, в котором наиболее наглядным случаем, отражающим всю специфику рассматриваемых в исследовании войн, стал конфликт во Вьетнаме. На данном примере автор показал, что понятие асимметричности в целом отображает неравные силы акторов в вооруженном конфликте, характеризующиеся взаимообусловленными и взаимосвязанными факторами, такими как величина армии, ее оснащение современным оружием и экономика государства. Впоследствии исследования, построенные на анализе Эндрю Мака, стали описывать асимметричную войну как начальный этап, являющийся основанием перехода к гибридной войне, когда конфликтующее государство, сознавая несоразмерность своих сил, выходит за рамки классического поля вооруженного конфликта, прибегая к использованию новых методов ведения боевых действий.

Ставя в основу войны методы ее ведения, история вооруженных конфликтов свидетельствует о разграничении всех войн на четыре поколения. Первое поколение, нашедшее свое отражение в рабовладельческую эпоху, уже представляло собой ключ к решению противоречий, но не в такой ярко выраженной форме, основываясь на линейной тактике ведения боя и применении холодного оружия. Постепенное совершенствование военного дела в Средневековье отметилось переходом войн ко второму поколению. В этот период активно распространяется пороховое оружие и усложняются тактические элементы вплоть до XVIII в., когда мир начнет претерпевать

активный переход к капитализму, экономической и социальной системе, основанной на частной собственности и свободном рынке. Именно на капиталистической стадии развития отмечался высокий прогресс в технологиях, появлялось разнообразное оружие с высокой точностью и, что важно, проведение войн осуществлялось в оперативно-тактических масштабах. Очередная революция военного дела впоследствии заложила основы ведения боя, которые стали применяться и в следующих войнах, относящихся к четвертому поколению, когда на поле боя начало появляться автоматизированное оружие, способное выполнять свои функции без человеческого вмешательства [3, с. 16–19]. Четвертое поколение войн развивалось в период соперничества коммунистического и капиталистического блоков, на нем впоследствии сформировались сперва асимметричные, а далее гибридные вооруженные конфликты.

Однако, сравнивая сегодняшний день со второй половиной прошлого века, определенно заметно, что нестандартность и гибридность вооруженных конфликтов начала проявляться по-настоящему лишь в последние три десятилетия. Из-за появления на карте мира многочисленных самостоятельных государств политический спектр стал представляться более сложным и разнообразным, что спровоцировало активное инициирование вооруженных конфликтов, большую часть которых можно назвать гибридными. Ограничившись на начальном этапе асимметричностью ведения войны через диверсии, партизанские движения и террористические акты, на данный момент отдельные государства в контексте новой стадии научно-технического прогресса используют новые формы и методы ведения гибридной войны. Такой переход вооруженных конфликтов от применения холодного оружия к нестандартным стратегиям и использованию полностью автоматизированного оружия отражается не только на самих методах ведения войны, но и предлагает новое нестандартное поле битвы – информационное пространство.

Фактически использование информационного пространства приобрело первостепенное значение для достижения необходимых целей в гибридных войнах. Последствия информационной войны отражаются не только на положении государства на самом поле вооруженного конфликта, но и на его составляющих, в частности, на экономике. Так, фото со взрывом возле Пентагона, которое было сгенерировано нейросетью, в момент самого активного распространения по сети спровоцировало снижение фондового индекса S&P 500, представляющего собой совокупность акций крупнейших компаний Соединенных Штатов Америки, примерно на 0,3 % [4]. Данный случай ясно показывает, что государство может претерпевать неблагоприятные последствия даже от искусственного интеллекта, правосубъектность которого находится всего лишь на стадии обсуждения. Однако информационная война характеризуется не только использованием средств

массовой информации или технологий манипулирования общественным мнением, но и непосредственными операциями в информационном пространстве в отношении военных объектов, именуемых кибервойнами.

Кибервойна представляет собой новую форму ведения вооруженного конфликта, в котором использование информационно-коммуникационных технологий для атак на компьютерные системы и сети может привести к серьезным последствиям для государств и их граждан. Явная возможность вывести из строя информационный и коммуникационный функционал не только военных, но и гражданских объектов создает ряд сложностей в свете международного гуманитарного права.

Существующий нормативный инструментарий был разработан в основном для традиционных вооруженных конфликтов и не всегда адаптирован к ведению войны на нестандартном поле боя. В ст. 18 Женевской конвенции от 12 августа 1949 г. о защите гражданского населения во время войны прямо указано, что «гражданские больницы, организованные для оказания помощи раненым, больным, инвалидам и роженицам, не могут ни при каких обстоятельствах быть объектом нападения, но будут во всякое время пользоваться уважением и покровительством со стороны находящихся в конфликте Сторон» [5]. В свою очередь, возникает вопрос, будут ли распространяться нормы международного гуманитарного права в отношении кибератак на самые важные объекты гражданской инфраструктуры, когда агрессией, по определению, установленному резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН «Определение агрессии» от 14 декабря 1974 г. в ст. 1, является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом Организации Объединенных Наций, как это установлено в настоящем определении.

По мнению Международного Комитета Красного Креста (далее – МККК), справедливо считать, что применение таких новых видов оружия по-прежнему регулируется Уставом ООН и соответствующими нормами обычного международного гуманитарного права. Однако все еще остается открытой необходимостью обсуждения, как данные нормы будут применяться, ведь подтверждение того, что международное гуманитарное право применяется к кибероперациям во время вооруженных конфликтов, – важнейший первый шаг к тому, чтобы избежать человеческих страданий, которые могут принести кибероперации, или свести их к минимуму [6, с. 10–13]. Признание катастрофических последствий злонамеренной деятельности в сфере информационно-коммуникационных технологий стало обоснованием создания по инициативе Российской Федерации рабочей группы открытого состава ООН по вопросам безопасности в сфере использования ин-

формационно-коммуникационных технологий (далее – РГОС), утвержденного резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 75/240 «Достижения в сфере информатизации и телекоммуникаций в контексте международной безопасности» от 31 декабря 2020 г. Мандат РГОС предусматривает путем консенсуса выработку необходимых норм и принципов, направленных на регулирование сферы информационной безопасности, что одновременно порождает дискурс о том, будут ли данные правила строиться на основе классического представления вооруженного конфликта.

Нормы международного гуманитарного права действуют только в отношении тех «войн в киберпространстве», которые проводятся в рамках классических вооруженных конфликтов. Когда в отношении государства проявляется агрессия, оно вправе в целях самообороны также проявить силу к ее источнику. Но в случае кибервойны понятия мира и войны размываются. Отсутствие концептуальной ясности в определении границ кибератаки и применяющихся средств вызывает сложность в привлечении к ответственности соответствующего субъекта. В отличие от традиционных вооруженных конфликтов, где идентификация стороны, совершившей атаку, часто проста, в сфере кибербезопасности этот процесс может быть сложным и не всегда возможным. Тем, кто понесет ответственность, может оказаться государство, спонсируемый государством субъект, или частное лицо, которое реализует поведение вне рамок международного права, что повлечет затруднение в применении норм гуманитарного права [7, с. 133–134].

В докладе от 3 ноября 2022 г. МККК предложил введение «цифровой эмблемы». Эмблема будет являться опознавательным знаком, видимым лицам, непосредственно проводящим операцию в киберпространстве. Данный знак будет закреплен правовым обоснованием, характеризуется явной «видимостью» и распознаваемостью. Расположение данной эмблемы на важных объектах инфраструктуры приведет к уменьшению риска кибератак на гражданские объекты и повысит безопасность в информационном пространстве. Генеральный директор МККК Роберт Мардини отметил: «Цифровизация общества привела к тому, что кибероперации в условиях вооруженных конфликтов стали реальностью. Наш мандат защищать жизнь и достоинство жертв вооруженных конфликтов требует от нас понимания того, каким образом эти операции причиняют ущерб. «Цифровая эмблема» – конкретный шаг к защите жизненно важной медицинской инфраструктуры и МККК в цифровом пространстве» [8].

Но в тех случаях, когда даже с «цифровой эмблемой» организатор киберопераций будет целенаправленно атаковать больницы, атомные станции и другие важные гражданские объекты, вновь возникнет вопрос установления ответственности. Следовательно, основной трудностью станет необходимость в выработке общего согласованного решения. С точки зрения международного права, государствам необходимо прийти к консенсусу

для урегулирования данных действий, что обременяется не только многообразными точками зрениями на ситуацию, но и различной юрисдикцией стран над своим информационным пространством. Так, Российская Федерация и Китайская Народная Республика полностью контролируют национальное киберпространство, когда страны Запада придерживаются политики децентрализованности [9, с. 179–180]. Оба подхода одинаково направлены на решение поставленных задач по поддержанию информационной безопасности, но такая разрозненность будет лишь осложнять выработку единой системы контроля за кибероперациями и комплекса норм по предотвращению их последствий.

Однако данная проблема не является единственной в своем роде, ведь гибридность как таковая может выражаться не только коренным изменением устоявшегося понимания поля вооруженного конфликта, но и совмещением и переплетением между собой различных военных и, в том числе, невоенных средств. Так, кибероперации могут вести не только участники выделенной под информационное пространство военной структуры, но также лица, находящиеся в обычных воинских формированиях, и даже граждане; атаки на военные объекты могут делиться на несколько этапов, одним из которых будет блокировка любого информационного функционирования самого объекта. Именно смешение методов и их непредсказуемость делает гибридную войну основной темой дискурса в повестке дня для всего мирового сообщества, в целях эффективного урегулирования и предотвращения которой необходимо путем международного сотрудничества создавать механизмы регулирования, способные адаптироваться к новым вызовам и угрозам.

Таким образом, гибридные войны представляют собой ту форму вооруженного конфликта, которая укоренится в практике и тем самым станет основной на международной арене. С учетом увеличения сложности и разнообразия методов, применяемых в гибридных войнах, мировому сообществу необходимо будет развивать соответствующие нормы, принципы, правовые институты и механизмы раннего реагирования для обеспечения мировой безопасности.

Список цитированных источников

1. Харитоновна, Н. И. ОДКБ и проблема гибридных войн / Н. И. Харитоновна // *Международная жизнь*. – 2024. – № 2. – С. 28–29.
2. Mack, A. Why Big Nations Lose Small Wars : The Politics of Asymmetric Conflict / A. Mack // *World Politics*. – 1975. – Vol. 27, № 2. – P. 175–200.
3. Капитанец, И. М. Классификация поколений войн / И. М. Капитанец // *Война на море. Актуальные проблемы развития военно-морской науки*. – М. : Вагриус, 2001. – Гл. 2. – С. 16–30.

4. How Fake AI Photo of a Pentagon Blast Went Viral and Briefly Spooked Stocks [Electronic resource] // Bloomberg. – Mode of access: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-05-22/fake-ai-photo-of-pentagon-blast-goes-viral-trips-stocks-briefly>. – Date of access: 23.04.2024.

5. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны [Электронный ресурс]: [принята в г. Женеве 12.08.1949] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml. – Дата доступа: 02.05.2024.

6. Международное гуманитарное право и кибероперации во время вооруженных конфликтов [Электронный ресурс] // Междунар. Комитет Красного Креста. – Режим доступа: https://www.icrc.org/ru/download/file/167713/cyber_position_paper_rus_eng_web.pdf. – Дата доступа: 12.04.2024.

7. Вэньшо, Гу. Кибератака с точки зрения международного публичного права / Гу Вэньшо // Legal Bulletin. – 2021. – Т. 6, № 4. – С. 130–137.

8. МККК предлагает ввести цифровую эмблему Красного Креста / Красного Полумесяца, которая станет знаком защиты в киберпространстве [Электронный ресурс] // Междунар. Комитет Красного Креста. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/document/mkkk-predlagaet-vvesti-cifrovuyu-emblemu-krasnogo-krestakrasnogo-polumesyaca-kotoraya>. – Дата доступа: 03.11.2023.

9. Titiriga, R. Cyber Attacks and International Law of Armed Conflicts: A «Jus Ad Bellum» Perspective / R. Titiriga // Journal of International Commercial Law and Technology. – 2011. – Vol. 8, № 3. – P. 179–189.

Shved B. P., Minsk, Belarusian State Economic University, Faculty of Law; Academic advisor: Mazanik E. N., Minsk, Belarusian State Economic University, Associate Professor of the Department of International Economic Law, Candidate of Legal Sciences.

ПРОБЛЕМЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

PROBLEMS OF INCREASING THE EFFECTIVENESS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Шкороедов Д. В.

г. Гомель,
Белорусский государственный
университет транспорта, студент

Аннотация: В статье дан подробный анализ проблем повышения эффективности международного гуманитарного права (далее – МГП) в условиях современных конфликтов. В ней рассматриваются ключевые аспекты, влияющие на реализацию и соблюдение норм МГП, включая недостаточную правоприменительную практику, сложности в мониторинге соблюдения норм, а также влияние политических факторов на гуманитарные инициативы. Обсуждаются возможные пути улучшения взаимодействия между различными субъектами международного права для повышения уровня соблюдения гуманитарных норм.

Ключевые слова: международное гуманитарное право, вооруженные конфликты, права человека, гуманитарный кризис, международное сотрудничество, международные стандарты.

Abstract: The article provides a detailed analysis of the problems of increasing the effectiveness of international humanitarian law (hereinafter referred to as IHL) in the context of modern conflicts. It examines key aspects affecting the implementation and observance of IHL norms, including insufficient law enforcement practice, difficulties in monitoring compliance with norms, as well as the influence of political factors on humanitarian initiatives. Possible ways to improve interaction between various subjects of international law to increase the level of observance of humanitarian norms are discussed.

Key words: international humanitarian law, armed conflicts, human rights, humanitarian crisis, international cooperation, international standards.

Международное гуманитарное право является одним из фундаментальных столпов современного международного права, предназначенным для защиты прав и достоинства человека во время вооруженных конфликтов. Однако, несмотря на значительные усилия мирового сообщества в этой области, существуют серьезные проблемы, затрудняющие эффективную реализацию и соблюдение норм МГП.

Первой проблемой нам видится ***отсутствие единого механизма реагирования на нарушения международного гуманитарного права***. Это является серьезной проблемой, которая подрывает эффективность и соблюдение данных норм в мировом масштабе. Рассмотрим эту проблему более подробно:

1. ***Фрагментация и многообразие норм***. МГП состоит из множества конвенций, протоколов, резолюций и общепризнанных принципов. Зачастую они разбросаны по различным документам и могут иметь различную степень обязательности для разных государств.

2. ***Отсутствие универсального трибунала***. Несмотря на то, что существуют международные суды, такие как Международный уголовный суд и Трибуналы ООН ad hoc, их юрисдикция ограничена определенными конфликтами или категориями преступлений. Не существует универсального международного трибунала, способного эффективно рассматривать все случаи нарушений международного гуманитарного права, независимо от конфликта или страны.

3. ***Политические интересы и вето***. Расследование и привлечение к ответственности за нарушения МГП часто сталкиваются с политическими интересами и влиянием вето со стороны мощных государств или международных организаций. Это может препятствовать независимому расследованию и судебному преследованию.

4. ***Неэффективность механизмов обеспечения соблюдения***. Даже если нарушители МГП и привлекаются к ответственности, механизмы обеспечения соблюдения норм могут быть неэффективными или недостаточными для предотвращения будущих нарушений.

Вторая проблема видится в ***недостаточной реализации и соблюдении существующих норм и принципов международного гуманитарного права***. Даже когда существуют ясные нормы, их соблюдение часто осложняется из-за недостаточной международной поддержки и контроля. Некоторые государства игнорируют или даже отвергают эти нормы во время конфликтов, что приводит к серьезным нарушениям прав человека и гуманитарным кризисам. Разберемся в деталях.

1. ***Игнорирование норм***. Некоторые государства, группировки или факторы в конфликте могут целенаправленно игнорировать нормы МГП из-за политических или военных интересов.

2. ***Отсутствие международной поддержки и контроля***. Недостаточная поддержка и контроль со стороны международного сообщества могут ослабить эффективность соблюдения МГП. Без достаточного давления и механизмов контроля нормы могут оставаться на бумаге и не превращаться в реальные действия.

3. *Отвержение норм во время конфликтов.* В некоторых случаях государства или факторы в конфликте могут отвергать нормы МГП, аргументируя это своими особыми обстоятельствами или интересами. Это может привести к массовым нарушениям прав человека.

4. *Политические интересы и двойные стандарты.* Некоторые государства могут применять двойные стандарты в отношении МГП, осуждая нарушения вражеских стран, но оправдывая или игнорируя аналогичные действия своих союзников или клиентов.

5. *Недостаточные механизмы ответственности.* Если нарушители МГП не привлекаются к ответственности за свои действия, это может подорвать уважение к нормам и стимулировать дальнейшие нарушения.

Третьей проблемой является ***неэффективность механизмов гуманитарной помощи и защиты во время вооруженных конфликтов.*** Несмотря на наличие организаций, таких как Международный комитет Красного Креста и Гуманитарный департамент Организации Объединенных Наций, многие люди, нуждающиеся в помощи, остаются недостаточно обеспеченными из-за ограниченного доступа, недостаточного финансирования и политических препятствий. Рассмотрим эту проблему более подробно:

1. *Ограниченный доступ.* Вооруженные конфликты часто создают опасные условия, которые затрудняют или делают невозможным доставку гуманитарной помощи до места назначения.

2. *Недостаточное финансирование.* Гуманитарные организации часто сталкиваются с недостатком финансирования, что ограничивает их способность предоставлять эффективную помощь во время конфликтов.

3. *Политические препятствия.* Политические интересы и конфликты могут создавать препятствия для доставки гуманитарной помощи и защиты.

4. *Недостаточная координация и сотрудничество.* Недостаточная координация между гуманитарными организациями, правительствами и другими факторами может снижать эффективность гуманитарной помощи и защиты.

5. *Безопасность гуманитарных работников.* Угрозы безопасности гуманитарных работников во время конфликтов также создают проблемы для эффективной гуманитарной помощи. Атаки на гуманитарных работников, похищения и другие угрозы могут ограничивать доступ к населению, а также отталкивать работников от выполнения своих обязанностей.

Все эти факторы в совокупности создают сложные вызовы для обеспечения эффективной гуманитарной помощи и защиты во время вооруженных конфликтов и требуют согласованных и усиленных усилий со стороны международного сообщества.

Чтобы преодолеть эти проблемы и повысить эффективность международного гуманитарного права, требуется скоординированные усилия Международного сообщества, которые видятся в следующем:

1. *Единые международные стандарты.* Разработка и доработка общепринятых международных стандартов для защиты прав человека во время вооруженных конфликтов поможет установить ясные и однозначные нормы поведения для всех государств и факторов в конфликтах.

2. *Механизмы реагирования на нарушения.* Важно также создать эффективные механизмы реагирования на нарушения гуманитарного права. Это может включать в себя укрепление роли международных судов и трибуналов для рассмотрения дел о нарушениях прав человека во время конфликтов, а также усиление механизмов мониторинга и отчетности для обнаружения и документирования нарушений.

3. *Обеспечение соблюдения.* Помимо разработки стандартов и механизмов реагирования, важно также обеспечить их соблюдение. Это может потребовать усиленного международного надзора и мониторинга, а также надлежащего привлечения к ответственности тех, кто нарушает международное гуманитарное право.

4. *Обучение и поддержка.* Важно также обеспечить обучение и поддержку для стран и организаций, чтобы они могли более эффективно реагировать на вызовы в области гуманитарного права. Это может включать в себя программы обучения для правоохранительных органов, военных и гражданских служащих.

Во-вторых, необходимо усилить международное сотрудничество и контроль за соблюдением норм гуманитарного права, а также увеличить финансирование и ресурсы для гуманитарных организаций и программ, чтобы обеспечить эффективную гуманитарную помощь и защиту тех, кто нуждается в ней. Разработка и утверждение единых международных стандартов и механизмов реагирования на нарушения гуманитарного права является ключевым шагом в улучшении эффективности международного гуманитарного права. Вот несколько дополнительных деталей:

1. *Стандартизация норм и правил.* Единые международные стандарты и правила помогут создать общий фреймворк для понимания и соблюдения гуманитарного права. Это может включать в себя утверждение общих принципов, таких как защита гражданского населения, запрет на использование химического и биологического оружия, а также нормы, регулирующие поведение сторон в конфликте.

2. *Механизмы реагирования на нарушения.* Создание эффективных механизмов реагирования на нарушения гуманитарного права важно для обеспечения ответственности и предотвращения дальнейших нарушений. Эти механизмы могут включать в себя международные трибуналы, механизмы санкций, а также механизмы мониторинга и отчетности.

3. *Укрепление международного сотрудничества.* Скоординированное усилие международного сообщества в разработке и применении этих стандартов и механизмов крайне важно. Это потребует активного участия государств, международных организаций, гуманитарных организаций и гражданского общества.

4. *Обучение и распространение знаний.* Для успешной реализации единых стандартов необходимо проведение обучающих мероприятий и информационных кампаний, направленных на обучение и распространение знаний о принципах МГП. Это поможет повысить осведомленность и соблюдение этих норм на практике.

5. *Мониторинг и оценка.* Не менее важным является создание эффективных механизмов мониторинга и оценки соблюдения гуманитарного права. Это позволит выявлять нарушения, оценивать эффективность принятых мер.

Укрепление международного гуманитарного права имеет решающее значение для улучшения защиты уязвимых групп населения в условиях нестандартного конфликта. Через установление единых международных стандартов, разработку механизмов реагирования на нарушения, укрепление международного сотрудничества, проведение обучения, а также мониторинг и оценку мы можем лучше защитить тех, кто больше всего в этом нуждается. Это требование не только морального долга, но и условие создания более справедливого и гуманного мира для всех.

Повышение эффективности МГП является неотъемлемым условием для защиты прав и достоинства человека в периоды вооруженных конфликтов. Активное просвещение и распространение знаний о МГП среди государств и общественности также играют важную роль. Это помогает формировать культуру уважения к правам человека и законам во время конфликтов, способствуя повышению осведомленности и соблюдению соответствующих норм. Для улучшения эффективности МГП необходимо принимать целенаправленные меры. Важно поддерживать и развивать сотрудничество между государствами и международными организациями в сфере гуманитарной помощи и защиты. Это позволит эффективнее реагировать на гуманитарные кризисы и обеспечивать доступ к необходимым ресурсам для пострадавших от конфликтов. Мы должны признать, что соблюдение МГП имеет первостепенное значение для построения более справедливого и безопасного мира. Когда права человека защищаются, доверие восстанавливается, а примирение становится возможным. Вместо того, чтобы сеять семена враждебности и раскола, соблюдение МГП посеет семена надежды и мира.

Повышение эффективности МГП является неотъемлемой основой для сохранения человеческого достоинства и прав во время конфликта. Через просвещение, сотрудничество и целенаправленные действия мы можем

укрепить этот щит защиты и создать мир, где жертвы войны получают заслуженную помощь и где законы войны уважаются всеми. Это наш моральный долг перед теми, кто пострадал от ужасов войны, и это наша ответственность в построении будущего, достойного всех человеческих существ. Только через совместные усилия Международного сообщества мы сможем добиться значительного прогресса в обеспечении защиты прав и достоинства человека во время конфликтов. Создание более справедливого и безопасного мира для всех станет реальностью благодаря нашим усилиям и преданности принципам МГП.

Список использованных источников

1. Международное гуманитарное право : учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Юриспруденция» / С. С. Маилян [и др.] ; под ред. И. И. Котлярова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. – 271 с.

2. Консультативная служба МККК по международному гуманитарному праву [Электронный ресурс] // Междунар. Комитет Красного Креста. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/document/konsultativnaya-sluzhba-mkkk-pomezhdunarodnomu-gumanitarnomu-pravu>. – Дата доступа: 20.03.2024.

3. Фастович, Г. Г. Международное движение Красного Креста / Г. Г. Фастович, Е. Н. Чистякова, А. Л. Иванова // Молодой ученый – 2018. – № 2. – С. 205–215.

4. Устав Международного Комитета Красного Креста [Электронный ресурс] : [принят 21.12.2017] // Междунар. Комитет Красного Креста. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/document/ustav-mezhdunarodnogo-komiteta-krasnogo-kresta-prinyaty-18-dekabrya-2014-g-i-vstupivshiy-v>. – Дата доступа: 22.03.2024.

Shkoroedov D. V., Gomel, Belarusian State University of Transport, student, chairman of the trade union bureau of the faculty of Mechanics.

**ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА НА ЛУЧШЕЕ ЭССЕ
ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ**

**«1000 слов о геноциде белорусского народа в годы Великой
Отечественной войны» / «1000 слов о героизме белорусского народа
в годы Великой Отечественной войны»**

(посвященного 80-летию со дня освобождения Беларуси
от немецко-фашистских захватчиков)
для учащихся 11-х классов школ, гимназий,
средних специальных учреждений образования
(Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
14 марта 2024 г. – 21 апреля 2024 г.)

ГРАН-ПРЫ

Трухан Яўгенія Пятроўна

вучаніца 11-го класа
гімназіі №1 г. Любані
Мінскай вобласці

Кіраўнік

Магілявец Алена Іванаўна

намеснік дырэктара па вучэбнай рабоце

**1000 СЛОЎ ПРА ГЕРАІЗМ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА
Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ**

Накіраваць падбіты самалёт з сабою на групу танкаў ворага, закрыць сваім целам страляючы кулямёт, згараючы ў полымі, ратаваць іншых, кінуцца з мінаю пад варожы эшалон, біцца калі не да перамогі, то да апошняга ўздыху... Праз гэта праявіліся характэрныя рысы беларуса: смеласць, рызыка, самаахвярнасць, дзесьці ўпартасць з цвёрдасцю – падчас Вялікай Айчыннай вайны. Вайны, якая не пашкадавала нікога, жорсткасць якой дасягнула свайго апагею, якая пакрыўдзіла ўсе мары дзяцінства, юнацтва, сталасці і старасці, якая хацела знішчыць чалавечнасць у чалавеку,

задыміць розум і зацвердзіць сэрца. Але як паказвае гісторыя, некаторыя можа і не захавалі жыццё, але чалавека, розум і сэрца ў чыстых іх ўяўленнях не страцілі. Як гэта магчыма? Навошта патрэбна было страчваць самае каштоўнае – жыццё? Ці ёсць што каштоўнейшае за гэта?

Тут з'яўляецца **гераізм**. Што гэта? Гераізм – гэта адна з мацнейшых якасцей чалавека ці жывёлы. Каб выявіць гэтую якасць, патрэбна пераступіць ці увогуле пераскочыць праз сябе і паставіць прыярытэты другога вышэй за свае. Галоўнае, каб той скачок-дзеянне станоўча адбываўся на іншых. Гэта на самой справе цяжка, бо для кожнай жывой істоты характэрны інстынкт самазахавання. А для гераізму, атрымліваецца, неабходна перакрэсліць сваю жывёльную сутнасць. Што яшчэ характэрна для гераізму? Той факт, што справа гэта публічная. Вырашае, ці праяўлены гераізм або не, не той, хто здзяйсняе яго, а той, хто быў сведкам. Я не згодна з гэтым. Адзін залічыць выратаванне кацяняці за праяўленне гераізму, другі скажа, што гэта абавязак.

Гераізм – гэта не канстанта. Для кожнага чалавека гераізм свой, бо розныя прыярытэты, даўжыня і вышыня скачка. Таму гэта ўсё суб'ектыўна. Аднак адмаўляць існавання гераізму не буду, бо шчыра веру, што ён жыве ў кожнага жывога, толькі хтосьці знаходзіць сілы, каб высветліць яго, другі – не. Ці гэта залежыць ад абставін... Магчыма.

Васіль Быкаў пісаў: “Першыя дні вайны прымусілі многіх з нас шырэй раскрыць вочы ў здзіўленні. Ніколі раней не было такой відавочнай неадпаведнасці паміж тым, што ёсць і што павінна быць”. І як быццам гэты кантраст павінен быў чалавека падбіць да дзеяння, якое прывяло да змяненняў у тое, што павінна быць. Трэба дапоўніць: не толькі кантраст, яшчэ пэўную ролю адыграў страх, які сцягнаў чалавека дасталь доўга, і вось прагнулася ў чалавеку жаданне змяніць, пазбавіцца яго. Канешне, некаторыя пачыналі прыслугоўваць страху, калі казаць пра здраднікаў. Але ж я зараз не пра гэта пішу.

У час Вялікай Айчыннай вайны за гераізм лічыліся ўсе чалавечныя ўчынкi, а калі людзі збіраліся і разам змагаліся з болей ў сэрцы і з адной мэтай – “раздавіць фашысцкую гадзіну” і вярнуць мір – гэта сапраўды годна ўвайсці ў гісторыю. Яно і ўвайшло. Пад назвай *партызанскі рух* (у ліку першых у Беларусі сталі дзейнічаць партызанскія атрады пад камандаваннем У. З. Каржа, Ф. І. Паўлоўскага і Ц. П. Бумажкова, М. П. Шмырова (бацькі Міная)), *падпольная барацьба* (адным з найбольш шматлікіх і дзейных было падполле Віцебшчыны, якое ўключала больш за 200 арганізацый і груп, сярод падпольшчыкаў вобласці – Героі Савецкага Саюза К. С. Заслонаў, В. З. Харужая, П. М. Машэраў), *Чырвоная Армія* – усенародная барацьба. Дзеянні былі напраўлены на рознае, яны не былі ўзгодненыя паміж сабой. Для арміі галоўным было рацыянальна размежаваць сілы,

змагацца з ворагам твар да твару, не баючыся атрымаць раненне ці памерці. Для партызанаў і падпольшчыкаў галоўным лічылася стварэнне невыносных умоў для акупантаў, вывядзенне з ладу рознага плану абсталявання з рызыкай для свайго жыцця. І гэтыя задачы яны цудоўна выконвалі, як бы ні цяжка, амаль немагчыма часам гэта было зрабіць.

Можна ўзгадаць асаблівыя моманты ў час вайны, калі гераізм быў бачны на адлегласці.

Абарона Брэсцкай крэпасці

Тут разгарнуліся адны з найбольш упартых і зацяжных баёў, ужо ў канцы першага дня вайны немцам стала ясна, што планам па хуткім захопе крэпасці не суджана збыцца. Але сілы былі далёка не раўназначныя, і пасля месяца напружанай барацьбы ў фашыстаў атрымалася ўзяць крэпасць. Аднак да апошняга змагаліся беларусы, аб гэтым сведчыць надпіс: «Я паміраю, але не здаюся. Бывай, Радзіма. 20.7.41 г.».

Абарона «бацькі Сталінграда»

Гераічная абарона Магілёва ў 1941 годдзе не мае аналагаў у гісторыі пачатковага перыяду Вялікай Айчыннай вайны. Нягледзячы на значную перавагу варожых сіл, абаронцы горада самааддана ўтрымлівалі яго 23 дні (з 3 па 26 ліпеня) і далі магчымасць выйграць час для мабілізацыі сіл на адпор ворагу. Мужнасць абаронцаў Магілёва адлюстравана ў рамане вядомага савецкага пісьменніка Канстанціна Сіманова «Жывыя і мёртвыя».

«Рэйкавая вайна»

Гарачае жаданне стаць вольным у вольнай краіне прывяло да цэлага стаханаўскага руху сярод партызан па разбурэнні чыгунак, тэлеграфных і тэлефонных сувязей з мэтай пагаршэння ўмоў для немцаў працягваць ваенныя дзеянні. Сапраўднымі «рэйкавымі майстрамі» сталі Сямён Кароткін, Аляксандр Васілеўскі, Мікалай Гойшык, Яўгеній Канавалаў, Міхаіл Папоў і інш.

Аперацыя «Баграціён»

Праяўлена сапраўдная мужнасць і ўменне сабраць апошнія сілы ў далонь і пайсці на перамогу. Гэта аперацыя – адна з буйнейшых стратэгічных аперацый падчас Вялікай Айчыннай вайны, вынік якой – вызваленне беларускай зямлі ад фашысцкіх захопнікаў.

Аднак праяўляўся гераізм не толькі ў месцах барацьбы з ворагам. Ён праяўляўся ў барацьбе з самім сабой, з жудаснымі пачуццямі ўнутры. З гэтым спраўляліся і іншых падбадзёрвалі *людзі мастацтва*: мастакі (Міхаіл Савіцкі, Генрых Бржазоўскі і інш.), тэатралы (акцёры Беларускага тэатра драмы і камедыі працягвалі ставіць спектаклі падчас вайны), пісьменнікі (Аркадзь Куляшоў, Пятрусь Броўка, Васіль Быкаў, Іван Шамякін і інш.), музычныя групы («Квартэт акорд»). Іх творы, песні, словы са сцэны, малюнкi адлюстроўвалі жорсткасць вайны, гераізм савецкіх салдат і надзею

на перамогу. Мастацтва яднала, падтрымлівала, дзесьці ўсміхалася, яно жывіла чалавека. Гэта было неабходна ў такой жа ступені, як сон, ежа і вада.

Гераізм у час Вялікай Айчыннай вайны быў усюды, ён меў розныя памеры. Значнасць была аднолькавая. Кожны рабіў гэта шчыра для Радзімы. Усе разам будавалі шлях Перамогі, хоць і гублялі часам сваё жыццё. Канцэнтрацыя гераізму ў Беларусі была проста велізарная. У гэтай вайне мы не толькі перамаглі фашызм і адстаялі сваю будучыню – у ей мы ўсвядомілі сваю сілу і зразумелі, на што самі здольныя, гісторыі і самім сабе мы далі ўрок чалавечай годнасці.

Ці працягвае жыць у сучасным беларусу сэрца гераізму? Час пакажа. А зараз...

Ты часу быць героем не чакай,
Вось мой наказ:
Знайдзі ты чалавека ў сэрцы.
Тады не будзе ведаць твой цудоўны край,
Якая афарбоўка ў смерці.
Хай лепей заліваецца дзіця
Ў тым чароўным смеху,
І не сапсуе няхай рука
Мядовага ад кветак ветру.

ДЫПЛОМ І СТУПЕНІ

Каспярэц Вераніка Анатольеўна

вучаніца 11-га класа

Князеўскай сярэдняй школы

Зэльвенскага раёна Гродзенскай вобласці

Кіраўнік

Скуба Антаніна Аляксандраўна

настаўнік беларускай мовы і літаратуры

ТЫСЯЧА СЛОЎ АБ ГЕРАІЗМЕ БЕЛАРУСКАГА НАРОДА Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Вялікая Айчынная вайна крыважэрнай пачварай пранеслася па Беларусі, агаліўшы да нерваў самыя найлепшыя, а часам і самыя найгоршыя чалавечыя якасці. Некаторыя з маіх суайчыннікаў не прайшлі выпрабаванне вайной, зламаліся, здрадзілі. Сотні тысяч, наадварот, ратавалі Свет, набліжаючы Вялікую Перамогу сваім гераізмам і бязмежнай самаахвярнай любоўю. Любоўю, якая бярэ вытокі з адной з Божых заповедзяў і вяртала да жыцця, гераізмам, які ўмацоўваў надзею, вёў у бой. Многа слоў пра гераізм беларусаў я чула. Многія аповеды ўражвалі і здзіўлялі мяне. Я хачу падзяліцца з вамі адной гісторыяй, расказанай маёй бабуляй пра гераізм і самаахвярнасць, на якіх трымаецца Зямля. Яна ўспомнілася мне і вострым болем сцяла сэрца, калі нядаўна каля абеліска загінулым у парку Князева на мітынг, прысвечаным трагедыі Хатыні і сотням беларускіх вёсак, знішчаным у гады вайны, мяне расхвальвала таблічка з надпісам «Шавулічы»: гэта ж вёска непадалёк ад нас, якую напаткаў лёс Хатыні. Паслухайце...

«Было гэта ў шасцідзясятых гады, калі я была яшчэ дзеўкай, – успомніла я аповед бабулі. – Мы з сяброўкамі часта хадзілі на вячоркі, якія ладзіліся ў хаце адной з таварышак у весцы. Праз некаторы час заўважылі на танцах незнаёмага юнака. На выгляд – немясцовы, інтэлігентнага выгляду, прыгожы і сціплы. Хлопец з’яўляўся прыкладна раз у месяц з адным з падбалоцкіх сяброў. Увагу на яго звярнулі ўсе: сумны, з болем у вачах, ціхі і ўдумлівы. Не давала спакою мясцовым дзяўчатам і сівая пасма на чубе: ён жа зусім малады? Праз некаторы час хтосьці высачыў, што прыязджае ен з Брэста да цёткі Савэрці. Цікаўнасць узяла верх: мы з сяброўкамі завіталі да цёткі, каб распытаць у яе пра Рамана (так звалі маладога чалавека). Аказалася, што гэты юнак – прыёмны ўнук Савэрцінай сястры, Адэлі. У час

вайны дачка Адэліны Маня жыла ў Шавулічах з мужам і маленькім сынам Ясем. Побач жыла яшчэ адна маладая сям'я з трыма дзецьмі. За дзень да трагедыі Маня са свекрам прывезла сына і суседскага хлопчыка Рому да сваёй маці ў Падбалоце, бо ў Шавулічах было неспакойна. Бацькі гэтых дзяцей ваявалі. Калі маці сабралася з дзедам ад'язджаць, маленькі Яська пабег за імі з плачам і не хацеў заставацца. Суседскі ж, наадварот, з радасцю бавіўся на падворку. Маня забрала Яся і патлумачыла маці, што прывязе заўтра ці праз дзень, калі супакоіцца дзіця. Але «страшны злодзей» украў дзяцінства і жыццё ў жыхароў Шавуліч. Назаўтра Адэлю скаланула жудасная вестка пра зверствы фашыстаў. У спаленую вёску нельга было ўваходзіць двое сутак, немцы забаранілі. Толькі калі Шавулічы пакінулі карацелі, людзі з навакольных весак і родныя кінуліся на месца трагедыі. Загінулі ўсе. Нема енчыла Адэля на папялішчы, а вярнуўшыся дадому, дзе яе чакаў Ромка з Савэрцай, стала абдымаць і цалаваць хлопчыка прыгаворваючы: «Дзякуй Богу, што цябе ўратавала!» Дзівіліся местачкоўцы, баяліся, што ад распачы і болю Адэля будзе вініць Ромку, ненавідзец і клясці, што яе ўнук закатаваны, а вось ён, чужы, жыве.

Цяжка было жанчыне прыняць, што дачкі і ўнука няма, але наколькі вялікім быў боль ад страты, настолькі самахварным і самаадданым быў гераізм простае вясковай жанчыны, такой бязмежнай стала любоў да гэтага хлопчыка: стала подзвігам у імя жыцця, подзвігам у імя зажыва спаленых дзяцей, жанчын, старых. Часам вяскоўцы дзівіліся і падазравалі Адэлю ў вар'яцтве: такія шчырыя пачуцці да чужога дзіцяці трэба яшчэ пабачыць.

Адкуль вытокі яе гераізму? Якое ж трэба мець «гераічнае» сэрца, каб галосычы па-зверскі замардаваным унуку і дачцэ, туліць да сябе Ромку, ратуючы ад нелюдзяў. Хлопчык даведаўся пра бяду, якая сталася, выпадкова: папрасіўся да свайго сябра, унука Яські. Тады бабуля расказала праўду – было хлопчыку шэсць гадоў. Усе зразумела дзіця, але скамянела і замоўкла. Як магла адагравала яго Адэля сваёй ласкай і пяшчотай. Ніхто ніколі не змог здагадацца, што Рома чужы ў сям'і Каленка. Ён стаў ім не ўнукам, а сынам, гадаваўся ў вялікай любові, і калі пасля вайны хтосьці з суседзяў пытаўся, ці памятае хлопчык маму, ён упэўнена ківаў галавою, але апісваў знешнасць, падобную да бабулі Адэлі. Мужчыны з фронту не вярнуліся, і хлопчык застаўся сіратой.

Ішлі гады, падростаў Раман, вучыўся і марыў жыць у горадзе-героі Брэсце. Мара збылася: пасля школы сабраўся паступаць у Брэст, і толькі перад самым ад'ездам упершыню знайшоў у сабе сілы наведаць папялішча роднай хаты і месца, дзе знайшлі спачын маці, брат і сястрычка, сябар Яська і аднавяскоўцы. Тады і з'явілася «белая сцяжынка» ў валасах, сцяжынка памяці і болю. У Брэсце юнак спачатку не паступіў у інстытут, уладкаваўся на чыгунку, добра працаваў і часта наведваў сваю бабулю-«маму». Часта наведваў Брэсцкую крэпасць, глыбока хаваючы ўнутры свой боль і ўяўляючы

папялішча роднай хаты. Прыязджаючы дадому, заўседы уклечваў перад бабуляй на калені, туліўся да рук і плакаў...

Прайшоў час. Пасля смерці Адэлі, па словах бабулі, Раман Сцяпанавіч, сталы чалавек, штогод прыязджаў у Шавулічы на мітынг, прысвечаны трагедыі, якая забрала ў яго родных, але падарыла бязмежную любоў бабулі Адэлі. Заўседы наведваў магілу жанчыны, клаў сціплы букецік кветак і, плачучы, схіляў галаву: цяпер ён свядома разумеў, у якім неаплачым даўгу ён перад сваёй мамай-выратавальніцай, які подзвіг здзейсніла гэтая жанчына.

Пра гераізм сказана, я ўпэўнена, не адна тысяча слоў. А я сваёй гісторыяй, спадзяюся, сказала яшчэ адно. Слова, якое станоўчай адзнакай за экзамен па прадмеце «Будзь чалавекам!» будзе ўпісана ў летапіс гісторыі Вялікай Айчыннай.

ДЫПЛОМ II СТУПЕНІ

Садоўскі Радзівон Алегавіч

вучань 11-га класа

Азярэцкай сярэдняй школы

Глыбоцкага раёна Мінскай вобласці

Кіраўнік

Рубніковіч Зоя Мацвееўна

настаўнік гісторыі

ГЕНАЦЫД НАСЕЛЬНІЦТВА НА ГЛЫБОЧЧЫНЕ Ў ГАДЫ ВЯЛІКАЙ АЙЧЫННАЙ ВАЙНЫ

Генацыд – знішчэнне асобных груп насельніцтва па расавых, нацыянальных або рэлігійных прыкметах. Палітыка генацыду, якая ажыццяўлялася гітлераўцамі ў дачыненні да жыхароў БССР, насіла сістэмны і планамерны характар. На тэрыторыі БССР у гады Вялікай Айчыннай вайны рэалізоўваліся ўсе формы генацыду, якія пасля былі замацаваны ў Канвенцыі Арганізацыі Аб'яднаных Нацый ад 9 снежня 1948 г. «Аб папярэджанні злачынства генацыду і пакаранні за яго».

Нямецка-фашысцкія захопнікі і іх памагатыя масава знішчалі беларускае насельніцтва, ажыццяўлялі гвалтоўную эксплуатацыю беларускага народа, стваралі невыносныя і непрыдатныя для жыцця ўмовы. Адным са спосабаў ажыццяўлення генацыду сталі лагеры смерці, у якіх нацысты рэалізавалі галоўную мэту генацыду – масавае фізічнае знішчэнне славянскага і яўрэйскага насельніцтва, а таксама іншых этнічных груп.

На Глыбоччыне лагер для савецкіх ваеннапалонных нямецкія акупанты стварылі на месцы былога Беразвецкага манастыра ў верасні 1941 года. Гэта быў участак зямлі каля трох гектараў, абнесены ў тры рады калючым дротам. Ніякіх пабудоў, акрамя манастырскіх, тут не было. У будынках размяшчаліся адміністрацыя лагера і ахова. А палонныя чырвонаармейцы галелі ў холадзе і голадзе на адкрытым полі, пад асляпляльным святлом пражэктараў і прыцэламі аўтаматаў і кулямётаў на вышках [1].

У лагеры праводзілася масавае знішчэнне вязняў шляхам стварэння спецыяльнага рэжыму голаду, замярзання, прымянення катаванняў і прамых забойстваў, пазбаўлення хворых лячэння і прымусу вельмі знясіленых людзей да катаржнай працы. Толькі ад голаду, холаду і хвароб тут штодзённа памірала ад 200 да 500 чалавек [1].

У 1941–1944 гг. у Беразвецкім лагеры былі закатаваны і расстраляны 27 тысяч савецкіх ваеннапалонных. Знойдзена 56 магіл і побач 12 ям, падрыхтаваных для звалкі трупаў, памерам кожная 5x12 і глыбінёй 2,5 метра, у якіх аказаліся трупы ваеннапалонных, укладзеных радамі ногі ў ногі, галовамі ў розныя бакі. Такіх радоў – 9. У кожную яму закопвалі да 400 чалавек [2, с. 192–194].

3 канца 1943 года, пасля капітуляцыі Італіі, у лагер прывозілі італьянскіх салдат і афіцэраў. 200 з іх знайшлі свой апошні прытулак ва ўрочышчы Барок [1].

Ахвярамі генацыду сталі таксама яўрэі, якія да вайны складалі палову насельніцтва мястэчка. У канцы 1941 года у Глыбокім было створана гета. Першыя паўтары – дзве тысячы ахвяр загінулі ў 1941 годзе. Яны былі пахаваны ва ўрочышчы Барок. У наступным годзе з’явілася яшчэ адна брацкая магіла. Немцы некалькі разоў рабавалі яўрэяў, патрабуючы ад іх «выкуп» пад пагрозай масавых расстрэлаў: забіралі лепшую мэблю, вопратку, золата. Калі ў маі 1942 года яўрэі не здолелі больш «адкупіцца», немцы сагналі ўсіх на плошчу, адабралі тых, хто не мог працаваць: старых, дзяцей, хворых – усяго каля 2700 чалавек – і расстралялі ў лесе ва ўрочышчы Барок. Былі выкапаны вялізныя ямы. Жывыя людзі ўкладваліся ў іх радамі, страчыў кулямёт, ахвяры крыху прысыпаліся зямлёй, з-пад якой білі фантаны крыві, зноў жывым людзям загадвалася лезці ў яму. Стогн, енк не палохалі катаў, яны рабілі сваю справу дакладна, прадумана [3].

З акту «Аб зверскай расправе над яўрэямі ў гета ў г. Глыбокім Вілейскай вобласці...»: «У канцлагеры былі створаны жудасныя ўмовы жыцця: знясільванне непасільнымі ўмовамі працы па 14–16 гадзін у суткі, дастаўка бяргавых на плячах да трох кіламетраў, падноскі каменя і цэглы ўручную да 30–50 кг на рабочага, выпілоўванне кавалкаў лёду босымі, распранутымі і дастаўка яго на бераг без усялякіх сродкаў перавозкі, размол збожжа ўручную на паравым млыне, ачыстка прыбіральняў і збор смецця рукамі без усялякіх інструментаў і прыбораў, ачыстка дымаходных труб, выбіванне лесвіц з-пад ног работнікаў з мэтай выкліку няшчасных выпадкаў і прыніжэння» [3].

Акрамя фізічнага гвалту, немцы прыдумлялі для яўрэяў незлічоныя маральныя катаванні, здэкаваліся пры гэтым не толькі над жывымі, але і над мёртвымі – яўрэяў прымусілі зламаць агароджу вакол могілак, ссекчы там усе дрэвы і разбіць помнікі.

Са снежня 1941 года немцы пачалі праводзіць у гета сістэматычныя «акцыі» па масавым знішчэнні яўрэяў. Перад забойствам немцы і паліцаі дзіка глуміліся над асуджанымі людзьмі, у тым ліку над жанчынамі і дзецьмі – калолі нажамі, трымалі голымі на марозе, аблівалі халоднай вадой, збівалі да страты прытомнасці.

19 жніўня 1943 г. гета было ліквідавана. Усяго ў ім было знішчана больш за 10 000 яўрэяў [3].

4 сакавіка 1942 г. ва ўрочышчы Барок адбылося пакаранне святароў: ксяндзоў Станіслава Пыртака, Уладзіслава Мацькавяка і Мечыслава

Багаткевіча. Жыццё і смерць гэтых пакутнікаў – прыклад таго, якім мужным і трывалым можа быць чалавек [4].

У 1945 годзе была створана камісія па расследаванню зверстваў і злодзействаў, здзейсненых нямецкімі акупантамі ў горадзе Глыбокае і Глыбоцкім раёне. Быў складзены «Акт Глыбоцкай раённай камісіі па расследаванні злачынстваў гітлераўскіх захопнікаў на тэрыторыі раёна ў 1941–1944 гг.» Да акта прыкладзена 11 пратаколаў апытання, схема размяшчэння магіл [2, с. 194].

Яшчэ адзін спосаб генацыду – карныя экспедыцыі, у ходзе якіх спальваліся вёскі, нярэдка разам з жыхарамі. На глыбоцкай зямлі 17 вёсак і вёсчак сталі вогненнымі. Некаторыя з іх спальваліся па некалькі разоў.

Ва ўрочышчы Лаўрынаўка ўстаноўлены памятны знак спаленым вёскам Глыбоччыны. Гэта вёскі Мурзы, Лаўрынаўка, Галубічы, Слабада, Барыкаўшчына, Пліса, Чашкі, Бабуліна, Хралы, Калечполле, Скрабатунны, Гарані, Галінова, Латышы, Вострава, Надазер’е, Вуглы [2, с. 225].

За гады акупацыі Глыбоччыны нямецка-фашысцкімі захопнікамі было знішчана 45 населеных пунктаў, расстраляна і замучана амаль 12 тысяч мірных грамадзян, у тым ліку 712 дзяцей. На франтах і ў партызанскіх атрадах загінуў 1651 жыхар раёна, 1245 жанчын засталіся ўдовамі, 2216 чалавек было вывезена ў Германію, з іх толькі 460 вярнуліся на радзіму. Падзеям вайны ў нашым раёне прысвечана 97 помнікаў [5].

Захоўваць памяць пра вайну – наш свяшчэнны абавязак. Гэтаму садзейнічаюць экскурсіі і турыстычныя паходы па памятных мясцінах, удзел у конкурсах, акцыях, навукова-практычных канферэнцыях, прысвечаных тэме Вялікай Айчыннай вайны. Школьны валанцёрскі атрад падтрымлівае ў належным стане воінскія пахаванні, помнікі, абеліскі. Гэта уклад вучнеўскай моладзі ў захаванне памяці пра вайну і падтрыманне міру.

Спіс цытаваных крыніц

1. Лагеря советских военнопленных в Беларуси: 1941–1944 : документы и материалы / сост. : В. Д. Селеменев [и др.]. – Минск : Беларусь, 2016. – 327 с.

2. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Глыбоцкага раёна. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 1995. – 454 с.

3. Глубокское гетто [Электронный ресурс] // Википедия. – Рэжым доступа: <https://ru.wikipedia.org>. – Дата доступа: 23.03.2024.

4. Філіпчык, Д. Беразвецкія пакутнікі: добра здадзены экзамен / Д. Філіпчык // Вольнае Глыбокае. – 2009. – № 18 (474).

5. Шубский, А. В годы Великой Отечественной войны за право быть свободными миллионы заплатили своими жизнями [Электронный ресурс] / А. Шубский // Веснік Глыбоччыны. – Режим доступа: <https://vg-gazeta.by/https://vg-gazeta.by/2022/05/09>. – Дата доступа: 23.03.2024.

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Свистун Ксения Александровна

учащаяся 11 «Б» класса
средней школы № 41
имени А. М. Кузнецова г. Гродно

Руководитель

Терменева Людмила Анатольевна

учитель русского языка и литературы

НЕЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ЛИЦО ВОЙНЫ, ИЛИ 1000 СЛОВ О ГЕНОЦИДЕ БЕЛОРУССКОГО НАРОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Нет, наверное, такого народа в мире, который перенес столько страданий, столько горя, сколько выпало на долю советского народа в годы Великой Отечественной войны...

Да, и раньше были войны: междоусобные средневековые, Отечественная война 1812 года, почти пятилетняя Гражданская война как следствие революции 1917 года – но Великая Отечественная война поражает своей бесчеловечностью. Возможно, именно потому, что в ее основе лежит фашизм, который категорически отрицает право других народов на существование и базируется на шовинизме и животной (без преувеличения!) ненависти к людям другой национальности. Чего только стоит план «Ост» и его чудовищные цифры: 31 миллион жителей из 45 проживавших на территории Беларуси, Украины, европейской части России, Прибалтики и оккупированной части Польши подлежали истреблению, порабощению и переселению в Западную Сибирь [1].

Воплощение плана «Ост» было ужасным и, по сути, превратилось в геноцид славянского и еврейского народов: от ограничений прав и свобод тех, кто оказался на оккупированных территориях, до концлагерей, где проводили животные медицинские эксперименты, а в печах сжигались дети, женщины, старики, до массовых издевательств над теми, кого немцы считали «недочеловеками», до тысяч сожженных деревень, в которых гибли сотни тысяч мирных жителей, до десятков тысяч детей, отправленных на работу в Германию и ставших, по сути, рабами.

Белорусы оказались «в эпицентре» реализации плана «Ост»: 140 карательных операций, 5454 уничтоженные деревни (трагедии Хатыни и Олы по жестокости не знают себе равных!), 250 лагерей военнопленных, 350 мест принудительного содержания населения, 715 тысяч уничтоженных

евреев, проживавших на территории Беларуси [2]. По последним, обновленным, данным, с учетом всех косвенных потерь, в годы войны погибло до 3 миллионов белорусов, то есть не каждый четвертый, как считалось ранее, а почти каждый третий [2].

Тем не менее, это только цифры. Но больше всего поражают не они, а конкретные судьбы и реальные истории, свидетельствующие о том, сколько боли и страха пришлось выдержать нашему народу...

В прошлом году учитель русского языка и литературы читала конкурсное сочинение ученицы из параллельного класса. В этом сочинении моя сверстница приводила воспоминание прабабушки, которой во время Великой Отечественной войны было всего восемь лет:

«Тот день помню как сейчас. Двадцать четвертое июля...

Меня и самую младшую из нас, Тоню, разбудила в обеденный сон Люся, наша старшая сестра (тогда ей было двенадцать лет). С криками схватив на руки девятимесячную Тоню, она побежала в хлев.

Оказалось, на деревню напали фашисты. Они поджигали дома и загоны с животными. Люся спрятала Тонечку в маленькую скриню, а меня взяла с собой и спрятала за горой дров. Вскоре мы почувствовали запах дыма. Немцы подожгли хлев, Тоня испугалась и начала плакать. Немец, пробежавший мимо, услышал детский плач и зашел внутрь.

Открыв скриню, он поднял на руки маленькую Тоню, пробормотал что-то на своем языке, кинул сестренку в огонь и убежал. Люся, задыхаясь от кашля, подняла меня на руки и убежала, понимая, что бессмысленно бежать к Тоне. Тонечка уже не кричала. Она была мертва...»

В классе во время чтения стояла абсолютная тишина... И неудивительно. Мы знаем из учебников истории и классных часов про геноцид нашего народа в годы войны. Мы знаем, что фашисты вели себя, как звери, но, когда узнаешь конкретные, реальные истории и судьбы, смотришь на все, что знаешь из уроков истории, по-другому. С глаз будто спадает пелена, ты начинаешь чувствовать историю душой и сердцем, как бы проживать судьбу тех, кто страдал за наше будущее.

Эта абсолютно бесчеловечная история настолько впечатлила меня, что я не могла прийти в себя. Перед глазами еще долго стояла страшная картина чудовищной гибели ни в чем не повинного человечка. Невозможно понять, что должно «сломаться» в голове того, кто поднял руку на беззащитное существо, которое пока даже и сказать ничего не может. Невозможно понять, что должно «сломаться» в голове того, кто не один год насаждал и культивировал идеологию шовинизма у себя в стране, кто учил ненавидеть другие народы и развязал Вторую мировую войну. Самое ужасное, что это «что-то» «сломалось» в головах миллионов немцев, которые приняли идеологию «ненавидеть других и убивать» и участвовали в войне. Идеология фашизма сделала свое дело. Расплачиваться за это «что-то» и за безумные идеи плана «Ост» пришлось в том числе и нам, нашему народу.

Никто никогда не вернет Тонечку, которую со звериным оскалом бросал в огонь немец. Как щенка. Как помешавший на дороге камень. Никто не

вернет здоровье мальчику-подростку, который на поле за деревней Жиличи, что в тридцати километрах от Гродно, набрел в 1943 году на подбитый танк и столкнулся с фашистами, которые стали издеваться над ребенком, наставляя на него автоматы, кривляясь и делая вид, что будут стрелять. При этом немцы смеялись: конечно, им было очень весело пугать «недочеловечка» «неправильной расы». Мальчишка настолько испугался, что с ним случился судорожный припадок. Подросток навсегда остался инвалидом и никогда не смог вернуться к полноценной жизни. Он рано ушел из жизни...

Эту историю я услышала от родственников этого самого подростка, которые живут в Жиличах...

Две истории – как две небольшие странички увесистой книги под названием «Геноцид белорусского народа». Мальчик и девочка Тоня могли создать семью, стать опорой своим родителям, воспитывать детей и радоваться жизни... Им не суждено было стать счастливыми...

Сейчас идут споры о том, нужно ли помнить зверства фашистов. Есть те, кто утверждает, что не стоит ворошить «дела давно минувших лет». Это огромная ошибка. Говорят, история не знает сослагательного наклонения, зато она может привести сотни примеров того, что, как только человечество забывает свои ошибки, эти ошибки тут же «возвращаются» и больно ударяют рикошетом. За примером не нужно далеко ходить. Украина стала очередной жертвой Запада в насаждении националистических идей и, забыв свою историю и потери в годы в войны, сделала героями страны пособников фашистов и приняла идеологию фашизма едва ли не как государственную.

Стоит ли говорить и помнить о геноциде в годы Великой Отечественной войны? Мой ответ: «Да! Тысячу раз – да!». Не для того, чтобы культивировать ненависть к бывшим фашистам и их пособникам: пусть их судьбы вершат более могущественные судьи. А для того, чтобы сохранить в памяти тех, кто не увидел мирное небо над головой, кто был лишен возможности быть счастливым из-за войны и ее последствий. И чтобы никогда в нашей стране не произошло то, что случилось в соседней, братской стране. Чтобы никогда не столкнуться с нечеловеческим лицом войны.

Список цитированных источников

1. Генеральный план «Ост» (Восток) [Электронный ресурс] // Яд Вашем. Мемориальный комплекс истории Холокоста. – Режим доступа: <https://www.yadvashem.org/ru/holocaust/lexicon/generalplan-ost.html>. – Дата доступа: 12.04.2024.

2. Великая Отечественная война. Беларусь [Электронный ресурс] // Архивы Беларуси. – Режим доступа: <https://archives.gov.by/home/tematicheskie-razrabotki-arhivnyh-dokumentov-i-bazy-dannyh/istoricheskie-sobytiya/velikaya-otechestvennaya-vojna-belarus>. – Дата доступа: 09.04.2024.

**ПОБЕДИТЕЛИ КОНКУРСА НА ЛУЧШЕЕ ЭССЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ
ПО МЕЖДУНАРОДНОМУ ГУМАНИТАРНОМУ ПРАВУ**

«Международное гуманитарное право: история и современность»

(Учреждение образования Федерации профсоюзов Беларуси
«Международный университет «МИТСО»,
14 марта 2024 г. – 21 апреля 2024 г.)

ДИПЛОМ I СТЕПЕНИ

Прокурат Денис Витальевич

г. Минск,
Белорусский государственный
экономический университет,
студент 2-го курса факультета права

Научный руководитель

Мазаник Екатерина Николаевна

Белорусский государственный
экономический университет,
доцент кафедры международного
экономического права,
кандидат юридических наук, доцент

**ОТ ЧЕЛОВЕКА К МАШИНЕ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
В ГУМАНИТАРНОМ ПРАВЕ**

Вопрос повышения эффективности международного гуманитарного права в современном мире представляет собой важную и весьма сложную задачу, особенно в контексте быстрого развития информационных технологий. Проблема заключается в отсутствии правового регулирования мировым сообществом применения высокотехнологического оружия, а также технологий, созданных для удовлетворения человеческих потребностей, но используемых в военных целях.

Так, еще недавно использование автономных систем для человека было исключительно фантастикой, что выразилось в его творчестве – литературе (А. Азимов «Хоровод»), фильмах («Терминатор: Генезис») и играх

(Detroit: Become Human). Однако то, что еще недавно можно было прочитать, увидеть на экранах, уже можно лицезреть в вооруженных конфликтах.

В современном мире постоянно совершенствующиеся военные технологии представляют собой новые риски проведения атак и создания глобальных угроз безопасности. Использование оружия часто приводит к гибели людей, разрушению инфраструктуры. Безудержная гонка вооружений только увеличивает напряженность в международных отношениях и угрожает мировой стабильности. Обеспокоенность человечества данным вопросом возрастает: создана петиция компанией Stop Killer Robots с требованиями об урегулировании нормами международного гуманитарного права (далее – МГП) применения автономных систем вооружения [1], идут активные обсуждения и работа Международного Комитета Красного Креста в области автономных вооружений. Однако основные вопросы остаются открытыми. Как урегулировать применение автономных систем? Использование каких информационных технологий может предотвратить гибель участников вооруженного конфликта и гражданского населения и насколько целесообразно их использование?

Уже сегодня в вооруженных конфликтах участвуют беспилотные летательные аппараты (далее – БПЛА) и беспилотные плавательные аппараты (далее – БППА), которые оснащены системой искусственного интеллекта. И если БПЛА и БППА с четвертым уровнем автономности еще работают согласно разработанной человеком инструкции, то оснащение БПЛА и БППА пятым уровнем автономности или же искусственным интеллектом привело к возможности БПЛА и БППА принимать собственные решения, не контролируемые человеческой волей [2].

Точно так же в вооруженных конфликтах, учитывая тенденции современного мира, цифровые технологии будут способны полностью заменить человека не только в воздушном и водном пространстве, но и на суше. Уже на данном этапе существует потенциальная, но еще не способная участвовать в вооруженном конфликте замена человека – роботы, участие которых приведет к непосредственной автоматизации вооруженных конфликтов, а значит соблюдение существующих норм международного гуманитарного права станет возможным только в том случае, если этого захочет искусственный интеллект, человек же потеряет контроль над применением силы.

Так, представляется возможным предположить, что тенденции развития информационных, в частности цифровых, технологий, а также их применение в вооруженных конфликтах позволят человеку в ближайшем будущем перестать быть непосредственным участником вооруженного конфликта.

В связи с вышеизложенным, необходимо отметить, что на сегодняшний день перед мировым сообществом остается выбор: запретить использование цифровых технологий пятого уровня автономности либо полностью доверить разрешение вооруженных конфликтов технологиям, но сделать это с правовой точки зрения возможным – ввести запрет на непосредственное

участие человека в вооруженном конфликте после начала использования в нем робототехники.

В современном мире данный выбор является обязательным, поскольку параллельное использование в вооруженном конфликте технологий, в основе которых лежит искусственный интеллект, и комбатантов недопустимо. Изложенное подтверждается позицией Международного Комитета Красного Креста в отношении автономных систем вооружений (далее – Позиция): процесс функционирования автономных систем вооружений поднимает вопросы, вызывающие серьезную озабоченность этического характера в том, что касается гуманности, фактически предоставляя датчикам, программам и машинным процессам принимать вместо человека решения, от которых зависит жизнь и смерть людей [3].

Так, исходя из Позиции, искусственный интеллект во время вооруженных конфликтов должен принимать решения только в отношении себе подобных, но ни в коем случае не в отношении комбатантов, что является невозможным в реализации по причине того, что машина не может распознавать людей как «людей» [4].

И если в случае запрета оснащения технологий искусственным интеллектом последствия будут ясны: вооруженные конфликты останутся гибридными, т. е. продолжится взаимодействие или сочетание обычных и нетрадиционных инструментов силы и диверсионных действий, человек сохранит контроль над применением силы и останется ресурсом, то в случае выбора автоматизации появляется множество вопросов, урегулирование которых сохранит наивысшую человеческую ценность – жизнь [5].

Как обеспечить контроль исправности роботизированных систем? Какие международные механизмы могут быть созданы для обеспечения быстрого и эффективного реагирования на возможные угрозы, связанные с использованием технологий, оснащенных искусственным интеллектом? Кого привлекать к ответственности за нарушение искусственным интеллектом норм МГП? Вопрос ответственности за преступления, совершенные техникой, обладающей пятым уровнем автономности, станет основным. Привлечение к ответственности самой машины не имеет никакого смысла. В данном случае единственным верным решением станет привлечение к ответственности создателя машины, однако, учитывая уклон развития технологий, непосредственным создателем машины будет машина. В конце концов разобрав всю сеть создания техники, которая нарушила нормы МГП, лицо, участвующее в создании данной техники на каком-либо этапе, можно будет найти. Однако насколько целесообразно привлекать его к ответственности?

Несмотря на множество вопросов, возникающих в случае выбора перехода к автоматизации вооруженных конфликтов, необходимо помнить о награде, которую получит человечество, – сохранение жизни и здоровья человека. Отказ же от автоматизации, согласно итоговому отчету Комиссии национальной безопасности по искусственному интеллекту США, приведет лишь к увеличению количества жертв во время вооруженного конфликта,

поскольку алгоритмы автоматического вооружения, в сравнении с людьми, реже допускают ошибки [6].

В своем интервью экс-президент Международного Комитета Красного Креста Петер Маурер говорил: «Я не видел за восемь лет во главе Международного Комитета Красного Креста, и организация не видела за 157 лет существования войны, которая бы не сопровождалась нарушениями Женевских конвенций и международного гуманитарного права» [7]. Однако в докладах Amnesty International, Halo Trust, Human Rights Watch, а также казахского экспертного центра Factcheck.kz по поводу карабахского конфликта нет ни одного упоминания использования автономных вооружений в нарушение МГП. Несомненно, нельзя исключать возможности такого использования и считать такой результат универсальным, но важно отметить, что автономные системы вооружения уже на данном этапе стали примером того, как вооружения XXI века смогут вести боевые действия с соблюдением правил ведения войны [8].

Так позволит ли замена человека в вооруженном конфликте соблюдать нормы МГП всегда? Что для этого необходимо?

Одним из необходимых условий видится разработка и тестирование искусственного интеллекта совершенно нового уровня. Искусственный интеллект, представленный сегодня (GPT-4, GPT-4 Base, GPT-3.5, Claude 2, Meta's Llama), не должен использоваться в вооруженных конфликтах, что следует из исследования, опубликованного на портале научных материалов arXiv, который работает при поддержке университета Cornell. Согласно исследованию, тестируемые модели демонстрируют формы нагнетания и трудно прогнозируемые модели эскалации, а также развивают динамику гонки вооружений, приводящую к усилению конфликта. Вероятнее всего, такое поведение искусственного интеллекта связано с тем, что существующие модели представляют собой большую языковую модель, которая не предназначена для использования в вооруженном конфликте как самостоятельный субъект [9].

Еще одним важным условием является урегулирование вопроса кибератак на такой искусственный интеллект. Одним из возможных решений будет разработка и тестирование все в тех же рамках искусственного интеллекта совершенно нового уровня, технологии защиты от несанкционированного доступа.

И конечно же, создание возможности для мгновенного отключения робототехники, как всей, так и одного робота в частности.

Таким образом, современные технологии предлагают человечеству сохранить множество человеческих жизней, предоставив неограниченное, возобновляемое количество собственных.

Список цитированных источников

1. Stop killer robots [Electronic resource] // Campaign to Stop Killer Robots. – Mode of access: <https://act.stopkillerrobots.org/stop-killer-robots-petition>. – Date of access: 09.04.2024.
2. О построении интеллектуальных автономных дронов на базе мультискладчатой архитектуры [Электронный ресурс] // Хабр. – Режим доступа: <https://habr.com/ru/articles/768202/>. – Дата доступа: 09.04.2024.
3. ICRC position on autonomous weapon systems [Electronic resource] // International Committee of the Red Cross. – Mode of access: <https://www.icrc.org/en/document/icrc-position-autonomous-weapon-systems>. – Date of access: 10.04.2024.
4. Problems with autonomous weapons [Electronic resource] // Campaign to Stop Killer Robots. – Mode of access: <https://www.stopkillerrobots.org/stop-killer-robots/facts-about-autonomous-weapons/>. – Date of access: 10.04.2024.
5. Гибридная война : новые угрозы, сложности и «доверие» как антидот [Электронный ресурс] // NATO Review. – Режим доступа: <https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2021/11/30/gibridnaya-vojna-novye-ugrozy-sloyonosti-i-doverie-kak-antidot/index.html>. – Дата доступа: 12.04.2024.
6. Final report [Electronic resource] // The National Security Commission on Artificial Intelligence. – Mode of access: https://assets.foleon.com/eu-central-1/deuploads-7e3kk3/48187/nscai_full_report_digital.04d6b124173c.pdf. – Date of access: 12.04.2024.
7. Президент МККК : гуманитарный кризис в Нагорном Карабахе длится уже 28 лет [Электронный ресурс] // Интерфакс. – Режим доступа: <https://www.interfax.ru/interview/737420>. – Дата доступа: 12.04.2024.
8. Станет ли дрон гуманнее человека [Электронный ресурс] // Независимое военное обозрение. – Режим доступа: https://nvo.ng.ru/concepts/2021-04-01/6_1135_drone.html. – Дата доступа: 12.04.2024.
9. Escalation Risks from Language Models in Military and Diplomatic Decision-Making [Electronic resource] // arXiv. – Mode of access: <https://arxiv.org/pdf/2401.03408.pdf>. – Date of access: 12.04.2024.

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ

Нехай Роман Геннадьевич

г. Минск

Международный университет «МИТСО»,
магистрант

Научный руководитель

Толочко Ольга Николаевна

Международный университет «МИТСО»,
профессор кафедры международного права,
доктор юридических наук, доцент

РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА В ОПРЕДЕЛЕНИИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ УЧАСТНИКОВ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

На сегодняшний день международное гуманитарное право (далее – МГП) обладает широкой международной нормативно-правовой базой, которая эффективно дополняется обычными нормами МГП. Вместе с тем огромное значение для развития и повышения эффективности норм МГП имеет правоприменительная практика, находящая свое отражение в деятельности международных судов и трибуналов, которые, тем не менее, часто сталкиваются с трудностями в процессе рассмотрения дел, связанных с нарушением данных норм.

Вооруженные конфликты как международного, так и немеждународного характера все чаще охватывают обширные географические регионы, длятся годами, а также вовлекают огромное множество действующих лиц. Результаты существования подобных конфликтов, а также нарушения норм МГП влекут за собой появление сотен, если не тысяч человеческих жертв. Таким образом, соответствующие негативные аспекты приводят к необходимости проработки огромной доказательной базы, а также дополнительного определения правового статуса лиц, принимающих участие в вооруженном конфликте, особенно в текущий момент, когда ведение боевых действий сопровождается большой детерминированностью их акторов, от полувоенных формирований, иррегулярных вооруженных сил и движений сопротивления до наемников и сотрудников частных военных и охранных компаний.

В современных вооруженных конфликтах международное сообщество уделяет особое внимание проблеме непосредственного участия несовершеннолетних лиц в боевых действиях. На сегодняшний день, координируя усилия на международно-правовом уровне, государства активно взаимодействуют между собой и борются с вербовкой и использованием лиц, не достигших 15-летнего возраста.

Так, п. 1 ст. 38 Конвенции о правах ребенка предусматривает: «Государства-участники обязуются уважать нормы международного гуманитарного права, применимые к ним в случае вооруженных конфликтов и имеющие отношение к детям, и обеспечивать их соблюдение» [1]. Кроме того, государства обязаны принимать все возможные меры для обеспечения того, чтобы лица, не достигшие 15-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях, а также обязуются принимать все возможные меры с целью обеспечения защиты затрагиваемых вооруженным конфликтом детей и ухода за ними.

Положения Декларации о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов гласят о том, что «государства должны принимать все усилия для того, чтобы уберечь женщин и детей от разрушительных последствий войны. Должны быть предприняты все необходимые шаги, с тем чтобы добиться запрещения таких мер, как преследование, пытки, карательные меры, унижительное обращение и насилие, в частности против той части гражданского населения, которую составляют женщины и дети» [2]. Более того, детям в ходе проведения военных операций должна быть обязательно предоставлена защита от жестокого и бесчеловечного обращения, включая пытки, расстрелы и коллективные наказания.

Ключевые для МГП Женевские конвенции 1949 г., а также Дополнительные протоколы 1977 г. к ним также уделяют особое внимание защите детей. Так, ст. 38 (5) IV Женевской конвенции 1949 г. предусматривает, что дети в возрасте до 15 лет «пользуются любым преференциальным режимом в той же степени, что и граждане соответствующего государства» [3]. Более того, ст. 76 (5) IV Женевской конвенции 1949 г. предусматривает, что при обращении с задержанными на оккупированной территории «должное внимание должно уделяться особому обращению с несовершеннолетними» [3].

Помимо этого, ст. 77 (1) Дополнительного протокола I 1977 г. предусматривает: «...пользуются особым уважением, и им обеспечивается защита от любого рода непристойных посягательств. Стороны, находящиеся в конфликте, обеспечивают им защиту и помощь, которые им требуются ввиду их возраста или по любой другой причине» [4].

Тем не менее, несмотря на всеобъемлющее осуждение вербовки и использования несовершеннолетних лиц, не достигших 15-летнего возраста,

в вооруженных конфликтах, вопиющие факты нарушения основополагающих норм МГП в данном контексте продолжают сотрясать международное сообщество.

В связи с этим необходимо отметить тот факт, что международные суды и трибуналы играют ключевую роль в обеспечении справедливости, защите прав и свобод человека, особенно детей, которые часто оказываются в уязвимом положении в условиях вооруженных конфликтов как международного, так и немеждународного характера. Одним из основных вкладов соответствующих правоприменительных учреждений является проработка и толкование норм МГП, касающихся защиты детей во время вооруженных конфликтов. Более того, решения, принятые международными судами и трибуналами, создают прецеденты, которые формируют устойчивую практику правоприменения и обеспечивают эффективную защиту несовершеннолетних лиц.

Деятельность Международного уголовного суда способствовала успешному привлечению к ответственности лиц, использующих детей до 15 лет в качестве участников вооруженного конфликта. В своем решении по делу *Lubanga* об утверждении обвинений Палата предварительного производства конкретизировала, что понятие «активное участие» в военных действиях означает непосредственное участие как в боевых, так и связанных с ними действиях, в которые включаются разведка и шпионаж.

В этом отношении Палата посчитала, что ст. 77 Дополнительного протокола I 1977 г. «не применяется, если рассматриваемая деятельность явно не связана с военными действиями» [5]. Тем не менее Палата пришла к выводу о том, что ст. 8 (2)(b)(xxvi) и 8(d)(e)(vii) Статута Международного уголовного суда применяются, если «дети используются для охраны военных объектов, таких как воинские части различных подразделений сторон в конфликте, или для обеспечения физической безопасности военачальников (в частности, когда дети используются в качестве телохранителей)» [5].

Более того, в деле *Ntaganda* Палатой предварительного производства, помимо прочего, был рассмотрен вопрос первостепенной важности в рамках определения правового положения несовершеннолетних участников вооруженных конфликтов, а именно порядок обращения с ними в случае их захвата во власть противной стороны, имеют ли они право на получение статуса военнопленных, подлежат ли они уголовному преследованию за незаконное участие в вооруженном конфликте или же они остаются под защитой международного права и не могут быть подвергнуты вооруженному нападению. В связи с этим Палата сформулировала два важных вывода о том, что «сама по себе принадлежность детей в возрасте до 15 лет к вооруженной группе не может рассматриваться как определяющее доказательство прямого или активного участия в боевых действиях (п. 78)» [6]. Поскольку их присутствие в вооруженной группе в первую очередь прямо запрещено

международным правом, «тем не менее, дети в возрасте до 15 лет теряют защиту, предоставляемую МГП, только во время их непосредственного активного участия в военных действиях (п. 79)» [6].

Другими словами, несовершеннолетние лица сохраняют свой гражданский статус независимо от их принадлежности к вооруженной группе, а значит не могут быть законно подвергнуты нападению или взятию в плен. В случае же непосредственного участия данных лиц в боевых действиях и сопутствующего результата этого участия – поимки, задержания и ареста для недопущения возвращения на поле боя дети должны содержаться в помещениях, отдельных от взрослых, за исключением семей, их заключение не должно преследовать карательных целей, а держащая в плену сторона обязана принимать все возможные меры для содействия их физическому и психологическому восстановлению, а также социальной интеграции. Сформулированные судом выводы хоть и не стали настоящим прецедентом, однако способствовали дальнейшему развитию международно-правовой основы защиты прав ребенка.

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, необходимо отметить, что создание Международного уголовного суда как постоянного международного органа уголовного правосудия позволило качественно улучшить практику привлечения к ответственности лиц, совершивших военные преступления, преступления против человечности, а также преступления геноцида и агрессии, которые были совершены в рамках вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера. Судебная практика, в том числе относящаяся к определению правового положения несовершеннолетних лиц, свидетельствует об успешной деятельности Международного уголовного суда в процессе определения правового статуса участников вооруженных конфликтов, которая содействует дальнейшему развитию норм МГП и их применению.

Список цитированных источников

1. Конвенция о правах ребенка [Электронный ресурс]: принята резолюцией 44/25 Генер. Ассамблеи ООН, 20.11.1989 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml. – Дата доступа: 18.04.2024.

2. Декларация о защите женщин и детей в чрезвычайных обстоятельствах и в период вооруженных конфликтов [Электронный ресурс]: принята резолюцией 3318 (XXIX) Генер. Ассамблеи ООН, 14.12.1974 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/armed.shtml. – Дата доступа: 18.04.2024.

3. Женевская конвенция от 12 августа 1949 года о защите гражданского населения во время войны [Электронный ресурс]: принята 12 авг. 1949 г. дипло-

мат. конф. для составления междунар. конвенций о защите жертв войны, заседавшей в Женеве с 21 апр. по 12 авг. 1949 г. // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_civilian_1.shtml. – Дата доступа: 18.04.2024.

4. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов (Протокол I) [Электронный ресурс] : протокол I принят на дипломат. конф. в Женеве, 8 июня 1977 г. // Международный Комитет Красного Креста. – Режим доступа: https://www.icrc.org/ru/doc/assets/files/2013/ap_i_rus.pdf. – Дата доступа: 18.04.2024.

5. The Prosecutor v. Thomas Lubanga Dyilo [Electronic resource] : Case ICC-01/04-01/06. Decision (Pre-Trial Chamber I), 29 January 2007 // International Criminal Court. – Mode of access: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2007_02360.PDF. – Date of access: 18.04.2024.

6. The Prosecutor v. Bosco Ntaganda [Electronic resource] : Case ICC-01/04-02/06. Judgement (Trial Chamber VI), 8 July 2009 // International Criminal Court. – Mode of access: https://www.icc-cpi.int/CourtRecords/CR2019_03568.PDF. – Date of access: 18.04.2024.

ДИПЛОМ II СТЕПЕНИ

Raximova Nozima

Uzbekistan

Kimyo International University in Tashkent,

Primary education

Academic advisor

Avezova Rohila

Kimyo International University in Tashkent,

Katta o'qituvchi

PROBLEMS OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF INTERNATIONAL HUMANITARIAN LAW

Improving the effectiveness of international humanitarian law (IHL) is crucial in ensuring the protection of civilians and minimizing suffering during armed conflicts. However, numerous challenges hinder the full realization of this goal. In this essay, we will explore some of the key problems facing the enhancement of IHL effectiveness and potential strategies to address them.

One of the primary challenges is the lack of universal adherence to IHL norms. While many countries have ratified key treaties such as the Geneva Conventions, enforcement mechanisms are often weak, and compliance varies widely. Some states may prioritize national interests over international humanitarian principles, leading to violations of IHL during conflicts. Additionally, non-state armed groups may not recognize the authority of IHL, further complicating efforts to uphold its principles.

Another significant issue is the changing nature of warfare. Modern conflicts often involve non-state actors, asymmetric warfare, and the use of new technologies such as drones and cyber weapons. Traditional IHL frameworks may struggle to adapt to these evolving dynamics, leading to gaps in protection for civilians and combatants. Furthermore, the proliferation of non-state actors complicates accountability mechanisms, as these groups may operate outside the jurisdiction of national or international courts.

Additionally, enforcement and accountability mechanisms for IHL violations are often insufficient. While international criminal tribunals such as the International Criminal Court (ICC) exist to prosecute war crimes, their jurisdiction is limited, and they may face political obstacles in pursuing cases. Moreover, some powerful states may evade accountability for violations through diplomatic immunity or by refusing to cooperate with international investigations.

The politicization of humanitarian aid and interventions also poses a challenge to the effectiveness of IHL. Humanitarian action is often influenced by geopolitical interests, leading to selective or biased responses to conflicts. This politicization can undermine the impartiality and neutrality of humanitarian efforts, exacerbating the suffering of affected populations.

Addressing these challenges requires a multifaceted approach involving states, international organizations, civil society, and other stakeholders. Strengthening compliance with IHL norms requires both legal and diplomatic efforts. States should be encouraged to ratify and implement relevant treaties, while mechanisms for monitoring and reporting violations should be enhanced. International organizations such as the United Nations (UN) and regional bodies can play a crucial role in promoting adherence to IHL and facilitating dialogue among parties to conflicts.

Adapting IHL to the changing nature of warfare requires ongoing research and dialogue among legal experts, policymakers, and military officials. Efforts should be made to clarify the applicability of existing rules to new technologies and conflict scenarios, while also exploring the need for new legal instruments where gaps exist.

Enhancing enforcement and accountability mechanisms requires greater cooperation among states and international institutions. The ICC should be supported in its efforts to prosecute war crimes, and mechanisms for holding both state and non-state actors accountable should be strengthened. States must also fulfill their obligations to investigate and prosecute IHL violations within their jurisdiction, regardless of the identity of the perpetrators.

Finally, efforts to depoliticize humanitarian aid and interventions are essential for upholding the principles of IHL. Humanitarian organizations should adhere to principles of impartiality and neutrality, prioritizing the needs of affected populations above political considerations. States should support humanitarian action based on need rather than strategic interests, and mechanisms for coordinating and delivering aid should be transparent and accountable.

In conclusion, while significant challenges exist in improving the effectiveness of international humanitarian law, concerted efforts by states, international organizations, and civil society can help overcome these obstacles. By strengthening compliance, adapting to new challenges, enhancing enforcement mechanisms, and depoliticizing humanitarian action, we can better protect civilians and uphold the principles of humanity in times of conflict.

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Беловежа Елизавета Викторовна

г. Минск

Институт пограничной службы Республики Беларусь,
курсант 3-го курса

Научный руководитель

Коваль Ирина Ивановна

Институт пограничной службы Республики Беларусь,
старший преподаватель кафедры правового обеспечения

МЕЖДУНАРОДНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ И УНИКАЛЬНАЯ РОЛЬ МЕЖДУНАРОДНОГО КОМИТЕТА КРАСНОГО КРЕСТА

Во всем мире постоянно вспыхивают новые вооруженные конфликты, имеющие различную этиологию, включая политические, социальные и экономические факторы. Миллионы людей по всему миру подвергаются насилию из-за межгосударственных и внутригосударственных вооруженных конфликтов. Пока насилие остается средством разрешения конфликтов, необходимость в независимых организациях не исчезнет. Потребность в таких организациях в настоящее время выше, чем когда-либо прежде, поскольку международные и внутренние вооруженные конфликты разрывают страны и сообщества по всему миру.

Обеспечение эффективной правовой защиты во время вооруженных конфликтов является сложной задачей, поскольку как международные, так и немеждународные вооруженные конфликты имеют индивидуальные последствия для каждого типа прав человека. Еще сложнее защитить группы людей (а иногда и целые популяции), пострадавшие от вооруженных конфликтов, гарантируя гуманное обращение с защищенными группами (например, ранеными, больными, потерпевшими кораблекрушение, военнопленными и гражданскими лицами).

Международное гуманитарное право (далее – МГП) регулирует ведение военных действий и определяет, кто пользуется защитой в ходе вооруженных конфликтов. основополагающим документом в этой области выступают Женевские конвенции. Первая Женевская конвенция, подписанная в 1864 году 16 государствами, была посвящена улучшению участи раненых

и больных военнослужащих. Четыре Женевские конвенции 1949 г. и три Дополнительных протокола 1977 и 2005 гг. дополнили и расширили систему МГП. Однако существенной частью международного гуманитарного права стали не только Женевские конвенции и их дополнительные протоколы, но и другие важные международные договоры.

К ним относятся:

Конвенция о запрещении применения биологического и токсинного оружия (1972 г.): запрещает разработку, производство, накопление, приобретение и сохранение биологического и токсинного оружия;

Конвенция о полном запрещении химического оружия (1992 г.): запрещает производство, накопление и применение химического оружия;

Оттавская конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении (1997 г.): запрещает использование, производство, накопление и применение противопехотных мин;

Конвенция о запрещении применения лазерного оружия, которое может ослепить (1995 г.): запрещает использование лазерного оружия, которое может причинить постоянную слепоту.

Эти договоры направлены на защиту мирного населения и военнослужащих от наиболее опасных видов оружия. Несмотря на существование всеобъемлющей нормативной базы МГП, она может оказаться недостаточной для урегулирования конфликтов и предотвращения насилия в отношении людей.

В таких случаях особую роль играют независимые гуманитарные организации, выступающие в качестве посредников между конфликтующими сторонами и оказывающие помощь пострадавшим. Одной из таких организаций является Международный Комитет Красного Креста (далее – МККК). Основанный в 1863 году, МККК является нейтральной и независимой организацией, деятельность которой основывается на принципах гуманности, беспристрастности, нейтралитета, независимости, добровольности, единства и универсальности. В течение многих лет МККК придерживался сдержанной позиции в отношении обращения к международному праву прав человека (далее – МППЧ), считая его чрезмерно политизированным. Однако эволюция характера вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия, в которых действует МККК, побудила организацию обратиться к определенным нормам МППЧ в ограниченном объеме. Это позволило расширить круг средств защиты, предоставляемых МККК, и повысить эффективность его гуманитарной деятельности.

МККК осуществляет свою деятельность на основе следующих основных принципов:

защита людей: оказание помощи и защита людей, пострадавших от вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия;

предотвращение насилия: содействие предотвращению насилия в отношении людей;

поощрение уважения к МГП: пропаганда соблюдения МГП всеми сторонами конфликта;

защита гуманитарных пространств: обеспечение защиты гуманитарных пространств, таких как больницы и зоны безопасности;

поддерживающая независимость: сохранение своей независимости от политических и военных интересов.

Исходя из принципов, МККК выполняет следующие основные задачи:

оказание медицинской помощи раненым и больным военнослужащим и гражданским лицам;

доставка гуманитарной помощи населению, пострадавшему от конфликтов и стихийных бедствий;

поиск пропавших без вести и восстановление семейных связей;

осуществление мониторинга условий содержания военнопленных и задержанных гражданских лиц и оказание им помощи;

содействие соблюдению МГП и распространение знаний о нем.

МККК активно работает и оказывает помощь в зонах вооруженных конфликтов. В то же время представительства и офисы организации расположены в столицах и крупных городах, откуда удобно координировать ее деятельность. Офисы МККК есть примерно в 80 странах мира.

Наиболее масштабные операции МККК осуществляются сегодня в Афганистане, Бангладеш, Мьянме, на Филиппинах, в Ливии, Сомали, Эфиопии и Судане. МККК играет уникальную роль в защите жертв вооруженных конфликтов и содействии соблюдению МГП. Эта роль вытекает из Женевских конвенций 1949 г. и их Дополнительных протоколов и поддерживается его статусом нейтральной и беспристрастной гуманитарной организации.

Нейтралитет МККК заключается в том, что он воздерживается от выражения политических или военных взглядов и не принимает участия в спорах или военных действиях. Беспристрастность МККК означает, что он одинаково оказывает помощь и защиту всем жертвам вооруженных конфликтов, независимо от их стороны в конфликте, религии, этнической принадлежности или политических убеждений. Уникальная роль МККК позволяет ему получать доступ к зонам конфликтов и пострадавшим группам населения, часто недоступным для других организаций.

МККК также может проводить конфиденциальные диалоги со всеми сторонами конфликта благодаря своему нейтральному статусу.

При этом МККК сталкивается с рядом проблем, включая растущее число и сложность вооруженных конфликтов, применение новых видов оружия и тактики, а также использование информационных кампаний для распространения дезинформации. Несмотря на указанные проблемы, перед МККК также открываются новые возможности. Организация использует новые технологии, такие как спутниковые снимки и беспилотные летательные

аппараты, для улучшения мониторинга и реагирования на кризисные ситуации. МККК также сотрудничает с другими организациями, включая ООН, национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца и неправительственные организации, для расширения своего охвата и влияния.

Глобальное гуманитарное движение МККК является частью глобального гуманитарного движения, которое включает Международную федерацию обществ Красного Креста и Красного Полумесяца и национальные общества Красного Креста и Красного Полумесяца. Это движение основано на принципах гуманности, беспристрастности, нейтралитета, независимости, добровольности, единства и универсальности. Глобальное гуманитарное движение играет жизненно важную роль в оказании помощи и защите жертв вооруженных конфликтов. Оно также работает над содействием соблюдению МГП и продвижением мира и примирения.

Вооруженные конфликты продолжают причинять неизмеримые страдания людям во всем мире. МККК и глобальное гуманитарное движение играют важную роль в оказании помощи и защите жертв этих конфликтов. Однако масштабы потребностей огромны, и частным лицам, организациям и правительствам необходимо продолжать поддерживать и сотрудничать с гуманитарными организациями, чтобы предотвратить дальнейшие страдания и построить более мирное будущее для всех.

Таким образом, МГП и деятельность независимых гуманитарных организаций, таких как МККК, играют неоценимую роль в защите людей во время вооруженных конфликтов и других ситуаций насилия. Эти организации предоставляют жизненно важную помощь и защиту, призывая к соблюдению МГП и содействуя урегулированию конфликтов. Их работа демонстрирует неизменную приверженность принципам гуманности, беспристрастности и нейтралитета, которые лежат в основе международного гуманитарного сотрудничества.

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Володин Даниил Дмитриевич

г. Москва, Россия

РУДН имени Патриса Лумумбы,

студент

Научный руководитель

Бисултанов Асланбек Камаудиевич

РУДН имени Патриса Лумумбы,

ассистент кафедры международного права,

кандидат юридических наук

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЕ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

У войн всегда были разные причины: ресурсы, территории, увеличение влияния, повышение своего престижа и становление из своего государства регионального или даже мирового гегемона. Часто войны оправдывали религией, и тогда такие войны характеризовались особой жестокостью и бесчинством, происходившим на поле брани. Но не стоит обманывать себя верой в то, что другие конфликты были более «гуманными». Жестокость всегда была спутником почти всех войн. «Во время войны безмолвствуют законы» – печальный, но, к сожалению, правдивый принцип, который высказал римский оратор Цицерон. Именно на этом принципе строились почти все войны прошлого.

Но время шло, менялся и поход к войнам. Религии стремились ограничить произвол, который творился на театрах боевых действий, появлялись первые законы войны, носившие чаще всего обычно-правовой характер, либо в форме предписаний своим войскам. Сформировалась следующая система гуманизации войн: существовавшие на тот момент обычаи (например, обычаи народов Океании о том, что недееспособных врагов надо щадить), которые носили строго региональный характер и предписания, широко освещались в войсках (например, Кодекс Либера).

Коренным изменением стало принятие Женевской конвенции об улучшении участи раненых в действующих армиях, которая ограничивала произвол и жестокость военных действий. С последующим развитием международного публичного права развивается и институт ответственности.

Начинает складываться новая отрасль права – международное гуманитарное право (далее – МГП). Ровно в тот момент начинает зарождаться институт ответственности, носивший сугубо национальный характер. За нарушение кодексов и национального права военнослужащих могли строго наказывать. Это укрепляло дисциплину в войсках, создавая условия соблюдения норм МГП.

Однако ужасы мировых войны продемонстрировали человечеству, что национальная ответственность не всегда может наказывать виновных в совершении преступлений, нарушений норм МГП. Более того, государства часто сами поощряли эти преступления. Все это вылилось в необходимость создания эффективного института ответственности как государств, так и индивидов.

Однако стоит отметить, что институт ответственности развивался крайне медленно. И даже сейчас он развит крайне слабо. Это я и продемонстрирую в своем эссе.

Стоит начать с ответственности государств за нарушение норм МГП. Механизм ответственности государств за международно-противоправные деяния существовал давно, но качественное развитие получил после принятия резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 56/83 от 2001 г., связанной с ответственностью государств. Данная резолюция имела свое приложение: Проект статей об ответственности государств за международно-противоправные деяния, который, в свою очередь, был подготовлен Комиссией ООН по международному праву. Данный проект статей не был принят государствами как обязательный юридический документ, но некоторые статьи стали частью обычного международного публичного права. Эти статьи закрепляли следующий механизм: любое преступление, совершенное государством, его органами или должностными лицами, а также частными лицами, находящимися под непосредственным контролем государства, после квалификации такого деяния преступным присваивается данному государству. После присваивания преступления данное государство обязано, исходя из принципа неотвратимости наказания, понести ответственность за совершенное им действие или же бездействие. Проект статей также содержит исключения, в которых государство освобождается от международно-правовой ответственности. Однако данный проект не дает ответа на следующий вопрос: а какие же правовые последствия наступают для государств, которые совершают международно-противоправные деяния? Выходит, в международном публичном праве есть механизм, основанный на международно-правовом обычае, для признания государства виновным в его действиях или же бездействии, но нет точного перечня возможных наказаний для государств, которые совершают данные преступления. Это существенный пробел в институте ответственности государств в меж-

дународном публичном праве. Благодаря этому институту государства часто уходят от ответственности за совершаемые ими международно-правовые преступления. Особенно остро эта проблема стоит в сфере МГП.

Из возможных механизмов привлечения государств к ответственности за нарушение норм МГП можно выделить, во-первых, обращение в Международный Суд ООН, однако для этого необходимо согласие каждой из сторон – обвинителя и обвиняемого. Государство, которое обвиняется, может просто отказаться от рассмотрения дела в Суде. Во-вторых, стоит отметить роль Совета Безопасности ООН в деле привлечения государства к международно-правовой ответственности. Главная задача Совета Безопасности – поддерживать международный мир и безопасность. Если какое-либо государство грубо нарушает нормы МГП, то данное действие можно рассматривать как прямую угрозу международному миру и безопасности. В таком случае Совет Безопасности может принять ряд мер, которые будут направлены против государства-нарушителя. Такими мерами могут быть временные меры, рекомендации, санкции (не путать с односторонними принудительными мерами) Совета Безопасности или же применение вооруженных сил против государства-нарушителя. Однако эффективность Совета Безопасности и способность его действительно решать проблемы, угрожающие международному миру и безопасности, вызывает вопросы.

Исходя из проведенного нами анализа, мы можем сделать вывод о том, что механизм привлечения к ответственности государств за нарушение норм МГП крайне слабо развит и нуждается в дальнейшей доработке.

Теперь перейдем к ответственности индивидов за нарушение норм МГП. Данный институт ответственности, по сравнению с ответственностью государств, куда более эффективен и детально проработан. Ответственность для индивида может быть как международной, так и национальной.

Начнем с национальной ответственности (ответственности по национальному праву). Грубое нарушение индивидов норм МГП наказуемо во всех странах мира. Данные преступления попадают под категории международных преступлений (военные преступления и преступления против человечности). Благодаря имплементации норм МГП в национальное право, за такие правонарушения следует неотвратимое наказание. Так, например, в Уголовном кодексе Российской Федерации есть ст. 360, которая закрепляет ответственность за нападение на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, либо же угрозу такого нападения. Более того, грубые нарушения МГП, попадающие под международные преступления, являются преступлением универсальной юрисдикции, при котором в каждом государстве за нарушением норм МГП для индивида последует ответственность. Институт универсальной юрисдикции крайне

важен, так как позволяет создать невыносимые условия для тех, кто совершил такие тяжкие преступления, где в любой стране мира за твои действия обязательно последует ответственность.

Стоит также отметить, что в каждом государстве для военнослужащих существуют специальные кодексы поведения, которые строго регламентируют действия военных, а также выстраивают жесткую и серьезную дисциплину. За нарушения таких кодексов следует серьезная дисциплинарная ответственность для военнослужащих.

Теперь же рассмотрим международную ответственность индивидов. В данном разделе стоит отметить важность и эффективность Международного уголовного суда (далее – МУС). Вторая часть Римского статута МУС закрепляет юрисдикцию суда по отношению к международным преступлениям, совершаемым индивидами. Так, нас интересует ст. 7 – «Преступления против человечности» и ст. 8 – «Военные преступления». Именно под эти две статьи попадают грубые нарушения норм МГП. Стоит отметить, что суд играет роль дополнительного суда, не заменяя при этом национальные суды. Он начинает свою работу только тогда, когда национальные суды и правоохранительные органы не справляются со своими задачами, намеренно не расследуется дело или же государство само обратилось в МУС. Также стоит отметить, что государствам необходимо ратифицировать Статут и признать его юрисдикцию (в том числе признав юрисдикцию *ad hoc*) для того, чтобы суд смог осуществлять свою деятельность.

МУС представляет из себя качественный и эффективный механизм привлечения к ответственности индивидов за нарушение норм МГП. Однако проблема заключается в том, что не так много государств ратифицировали Римский статут МУС, что не дает суду эффективно осуществлять свои функции. Также стоит отметить, что некоторые действия МУС вызывают вопросы. Но если подводить итог, то можно отметить, что МУС имеет огромные перспективы развития как качественный и эффективный суд, позволяющий всему человечеству бороться с нарушениями норм МГП.

Подводя итог, отметим, что в настоящее время институт ответственности за нарушения норм МГП не так эффективен, как бы мы того хотели. Если с ответственностью индивидов прослеживаются позитивные моменты, такие как серьезное наказание за совершение преступления по национальному праву, а также наличие МУС, то на уровне государств ситуация крайне плачевная. В целом в международном публичном праве ответственность государств – институт слабо регламентируемый, который основывается только лишь на обычном праве. Во многом слаборазвитость такого института связана с тем, что государства не хотят признавать себя виновными в чем-то. Господство суверенитета и национальных интересов подрывают институт международно-правовой ответственности государств.

Поэтому в данный момент мы можем точно заявить, что институт ответственности нуждается в колоссальной переработке и видоизменении для того, чтобы все ответственные за нарушение норм МГП (как государства, так и индивиды) понесли заслуженное и серьезное наказание.

Список использованных источников

1. Устав ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/about-us/un-charter/full-text>. – Дата доступа: 15.04.2024.

2. Римский статут Международного уголовного суда [Электронный ресурс] : [принят в г. Риме 17.07.1998]. – Режим доступа: [https://docviewer.yandex.ru/?tm=1713430512&tld=ru&lang=ru&name=rome_statute\(r\).pdf&text=статут+мус&url=https%3A//www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute%28r%29.pdf&lr=213&mime=pdf&l10n=ru&sign=ad4559de16bc92fb3d40d35562e0cc1f&keyno=0](https://docviewer.yandex.ru/?tm=1713430512&tld=ru&lang=ru&name=rome_statute(r).pdf&text=статут+мус&url=https%3A//www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pdf/rome_statute%28r%29.pdf&lr=213&mime=pdf&l10n=ru&sign=ad4559de16bc92fb3d40d35562e0cc1f&keyno=0). – Дата доступа: 15.04.2024.

3. Статут Международного суда ООН [Электронный ресурс] // Организация Объединенных Наций. – Режим доступа: <https://www.un.org/ru/icj/statut.shtml>. – Дата доступа: 15.04.2024.

4. Кодекс Либера [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gospravojournal.ru/s102694520024323-6-1/>. – Дата доступа: 15.04.2024.

5. Конвенция «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях» [Электронный ресурс] : [принята в г. Женеве 22.08.1864]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20140822/1020905848.html>. – Дата доступа: 15.04.2024.

6. Мы не принимаем ничью сторону, мы принимаем меры [Электронный ресурс] // Междунар. Комитет Красного Креста. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/doc/resources/documents/misc/russia-conference-310109.htm>. – Дата доступа: 15.04.2024.

7. Международное гуманитарное право : общий курс [Электронный ресурс] // Междунар. Комитет Красного Креста. – Режим доступа: <https://www.icrc.org/ru/document/mgp-obshchiy-kurs>. – Дата доступа: 15.04.2024.

ДИПЛОМ III СТЕПЕНИ

Эргашова Вазира Облокуловна

г. Ташкент, Узбекистан

Ташкентский государственный

юридический университет,

студентка 3-го курса

Научный руководитель

Тиллабоев Шохрухбек Мирзатиллаевич

Ташкентский государственный

юридический университет,

преподаватель кафедры

международного права и прав человека

НЕДОСТАТОЧНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА НАРУШЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ГУМАНИТАРНОГО ПРАВА

Международное гуманитарное право (далее – МГП) является одним из основных направлений международного права, направленного на защиту прав человека и предотвращение преступлений, совершаемых во время вооруженных конфликтов и войн [1]. Однако, несмотря на существование международных соглашений и санкций, нарушения гуманитарного права остаются широко распространенной проблемой. В данном эссе будет проанализировано, почему санкции за такие нарушения часто оказываются недостаточными, а также будут предложены стратегии и меры для усиления ответственности за совершенные преступления в соответствии с международным правом.

Прочитав аналитические доклады, мы выявили несколько причин недостаточной ответственности за нарушения МГП, в частности недостаточная международная правовая база является одной из ключевых причин недостаточной ответственности за нарушение гуманитарного права. Несмотря на существование международных соглашений, таких как Женевские конвенции 1949 г., Римский статут международного уголовного суда 1998 г. и Дополнительные протоколы 1977 г. к Женевским конвенциям (Протокол I, касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов, и Протокол II, касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера), многие государства не являются сторонами этих соглашений или не соблюдают их положения.

Другая причина недостаточной ответственности за нарушение норм МГП заключается в недостаточной международной поддержке. Несмотря на то, что многие страны поддерживают принципы гуманитарного права, они редко готовы принимать решительные меры для их защиты и реализации.

Третьей причиной недостаточной ответственности за нарушение МГП видится недостаточная международная прозрачность и контроль. В отсутствие эффективной системы международного контроля за соблюдением гуманитарного права нарушения остаются неузнанными и нерегулируемыми.

Последней причиной недостаточной ответственности за нарушение норм МГП является недостаточная международная реакция на такие нарушения. Несмотря на то, что международные организации, такие как ООН, могут принимать резолюции и призывать к ответственности за нарушения МГП, эти действия редко приводят к реальным последствиям для нарушителей.

К мерам для усиления ответственности за совершенные преступления в соответствии с международным правом можно добавить усиление международной правовой базы за совершенное преступление в соответствии с международным правом: необходимо усилить международную правовую базу, к этому можно прийти путем расширения применения Женевских конвенций и Римского статута Международного уголовного суда, а также путем разработки дополнительных международных соглашений, направленных на защиту прав человека и предотвращение нарушений МГП, что было упомянуто чуть выше.

Усиление международной поддержки: для усиления ответственности за совершенные преступления в соответствии с международным правом также необходимо усилить международную поддержку. Это может быть достигнуто путем создания более тесных связей между странами, поддерживающими принципы гуманитарного права, а также путем содействия международному сотрудничеству в области защиты прав человека и предотвращения нарушений МГП.

Напоследок усиление международной прозрачности и контроля: для усиления ответственности за совершенные преступления в соответствии с международным правом необходимо усилить международную прозрачность и контроль. Это может быть достигнуто путем создания более эффективной системы международного контроля за соблюдением МГП, а также путем расширения доступа к информации о нарушениях гуманитарного права.

В заключении хотелось добавить кейс из международного права Никарагуа и США [2], в котором Суд отмечает, что установка мин в водах другого государства без предупреждения или уведомления является не только противозаконным действием, но и нарушением принципов МГП, лежащих

в основе Гаагской конвенции 1907 г. Данное соображение привело Суд к выводу о необходимости рассмотреть МГП, применяемое к данному спору. Никарагуа специально не ссылалась на положения МГП как такового, подало жалобу по поводу совершенных на ее территории действий, которые, очевидно, представляют собой нарушение вышеуказанного права. В своих заявлениях она обвинила Соединенные Штаты в убийствах, увечьях и похищении граждан Никарагуа. Поскольку имеющихся доказательств было недостаточно для того, чтобы вменить Соединенным Штатам в вину действия, совершенные контраст, Суд отклонил данное заявление [3]. Тем не менее остается открытым вопрос о том, что касается права, применимого в отношении действий Соединенных Штатов в связи с деятельностью контраст. Хотя Никарагуа и воздержалось от ссылки на четыре Женевские конвенции от 12 августа 1949 г., участниками которых являются как Никарагуа, так и США, тем не менее Суд посчитал, что нормы, изложенные в ст. 3 – общей для всех четырех конвенций – о вооруженных конфликтах немеждународного характера, должны применяться и в данном случае. Соединенные Штаты связаны обязательством соблюдать конвенции, даже обеспечивать их соблюдение, то есть не подталкивать лиц или группы, участвующие в конфликте в Никарагуа, к действиям, нарушающим положения ст. 3. Данное обязательство вытекает из общих принципов МГП, которые лишь нашли свое конкретное выражение в конвенциях. Данное действие считается противозаконным и нарушением принципов гуманитарного права, лежащих в основе Гаагской конвенции 1907 г.

В заключении нашего эссе отметим, что МГП испытывает кризис в регулировании и урегулировании конфликтов и требует модернизации согласованных усилий международного сообщества для адаптации к новым вызовам и технологиям, обеспечения эффективного соблюдения правил и норм и укрепления механизмов защиты всех участников вооруженных конфликтов.

Список цитированных источников

1. Батырь, В. А. Международное гуманитарное право : учебник для вузов [Электронный ресурс] / В. А. Батырь. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юстицинформ, 2011 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2024.

2. Дело, касающееся военных и военного характера действий в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа vs США) // Краткое изложение решений, консультативных заключений и постановлений Международного Суда ООН. 1948–1991 гг. / Организация Объединенных Наций. – Нью-Йорк, 1993. – С. 158–162; 175–182.

Научное электронное издание

МЕЖДУНАРОДНОЕ ГУМАНИТАРНОЕ ПРАВО: СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

МАТЕРИАЛЫ
СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ

(Минск, 23 мая 2024 года)

Подготовка оригинал-макета *Н. И. Рудович*
Компьютерная верстка *Т. С. Тимошенко*
Дизайн обложки *Е. А. Полторжицкая*